

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
BALTIJSKIJ REGION

2019

Том 11

№ 1

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2019

БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2019
Том 11
№ 1

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2019.
147 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел/факс.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — главный редактор (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, БФУ им. И. Канта — зам. главного редактора (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем, ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниеми*, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии, СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Лохто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор, РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук, НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития, Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и истории международных отношений, СПбГУ (Россия); *Э. Спириевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., зав. кафедрой урбанистики и регионального развития, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия).

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77-46309 от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика и пространство

<i>Бабурин В.Л.</i> Устойчивость экономик стран Большого Балтийского региона к циклам конъюнктуры	4
<i>Третьякова Е.А.</i> Экологическая интенсивность экономического развития регионов Северо-Запада	14
<i>Михайлов А.С.</i> Приморские агломерации в трансформации национального инновационного пространства	29

Политика

<i>Бусыгина И.М., Онищенко А.Д.</i> Положение польского меньшинства в Литовской Республике: внутренние и внешние факторы влияния	43
<i>Кикнадзе В.Г., Миронюк Д.А., Кретинин Г.В.</i> Военно-политическая обстановка в Балтийском регионе в конце XX — начале XXI века: перспективы «худого мира»	60

Общество

<i>Симаева И.Н., Бударина А.О., Сундх С.</i> Состояние и привлекательность инклюзивного и специального образования в России и странах Балтии	76
<i>Манаков А.Г., Дементьев В.С.</i> Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона	92
<i>Вендт Я., Бухас Р., Херман Г.</i> Опыт туристической системы Байле-Феликс (Румыния) для защиты серого тюленя и продвижения его в качестве бренда на Хельском полуострове (Польша)	109

Рецензия

Повестка безопасности для Балтийского региона: государство, общество, личность (<i>В.Н. Коньшев, А.И. Кубышкин</i>)	137
---	-----

УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИК СТРАН БОЛЬШОГО БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА К ЦИКЛАМ КОНЪЮНКТУРЫ

В. Л. Бабурин¹

Специфической особенностью слабо регулируемой рыночной экономики является нелинейный характер ее динамики. При этом, как установлено многими исследователями, разные отрасли неодинаково реагируют на циклы конъюнктуры. Поскольку региональные хозяйственные системы представляют собой сочетания отраслей, то в статье проверяется гипотеза о взаимосвязи устойчивости региональных экономик к конъюнктурным циклам. Эта проверка осуществляется на региональной выборке странового уровня, в которую входят государства, имеющие выход к Балтийскому морю. В дальнейшем в статье это определяется как Большой Балтийский регион (ББР). По результатам исследования степени устойчивости к глобальной цикличности выделяются страны наиболее устойчивые, относительно устойчивые, неустойчивые и чрезвычайно неустойчивые. Анализ проводился путем сравнения динамики ВВП стран с цикличностью ВВП США и ЕС как основных центров капиталистической мощи. Для понимания причинной составляющей этих процессов дополнительно рассматривалась отраслевая структура ВВП. Полученные результаты позволили провести типологию государств ББР по соотношению отраслевой структуры и степени устойчивости региональных экономик.

Ключевые слова: циклы конъюнктуры, динамика ВВП, отраслевая структура, устойчивость, чувствительность

Введение

Имеющиеся в распоряжении исследователей динамические ряды валового внутреннего продукта (ВВП) по странам мира позволяют оценить изменения мировой конъюнктуры начиная с 70-х годов прошлого столетия. Однако, учитывая кардинальные изменения, произошедшие в мире после крушения социалистической системы и разрушения Советского Союза, мы ограничимся рядами с 1991 года, что помимо всего позволяет сравнить старые и новые капиталистические страны Большого Балтийского региона (ББР). ББР особенно интересен тем, что здесь с разной скоро-

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

Поступила в редакцию 27.09.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-1

Для цитирования:

Бабурин В. Л. Устойчивость экономик стран Большого Балтийского региона к циклам конъюнктуры // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №1. С. 4—13. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-1.

© Бабурин В. Л., 2018

стью идет процесс «переваривания» сформировавшегося в советский период территориального разделения труда между экономиками разного типа, а для постсоветского пространства это еще и разные модели перехода к капитализму, что позволяет косвенно оценить политическую составляющую.

Проблемы циклизма в экономике исследуются достаточно давно. Это среднесрочные циклы Жуглара — Маркса (исходно 10—11-летние, а в связи с научно-техническим прогрессом сегодня 5—7-летние), которые были в центре внимания представленного в статье [27] исследования. Широко известны «вековые» циклы Броделя, «длинные волны в экономике» Кондратьева — Шумпетера, Кузнецца, и другие, во взаимодействии определяющие сложный полициклический характер кривой ВВП.

В теоретико-методологическом плане исследование осуществлялось на базе теории циклично-генетической динамики [1—5], которая в определенном смысле является предтечей теории «эффекта колеи» и акцентирует внимание на влиянии унаследованной структуры экономики регионов, на их современном развитии. В нашем случае речь в первую очередь идет о характере реакции региональных экономик на циклы Жуглара — Маркса.

Советская экономическая география развивалась в условиях достаточно изолированного и самодостаточного хозяйственного комплекса, планомерно управляемого и в силу этого лишеного воздействия мировых конъюнктурных циклов. Пожалуй, только в работах П. Я. Бакланова (см. например: [6]) неопределенность места по отношению к экономическим процессам определялась через категорию «плавающего оптимума», который косвенно отражал принципиальную невозможность выбрать площадку, оптимальную по факторам размещения, на протяжении длительного времени в силу меняющегося веса факторов.

В то же время проблемы специализации и обмена в рамках территориального разделения труда всегда были в центре внимания исследователей отечественной экономической географии (М. Д. Шарьгин [7], Н. Ю. Гладкий, А. И. Чистобаев [9; 10], О. И. Шаблій [11] и еще десятки, если не сотни отечественных географов и экономистов). В постсоветский период по мере интеграции в мировую экономику проблемы конкурентоспособности регионов и их способности избегать фазы депрессивности стали изучаться большим отрядом специалистов в сфере региональной экономики (А. Н. Гранберг [12], А. Е. Пробст [13], М. К. Бандман [14], И. В. Гришина [15] и др.).

Вне этих сообществ можно выделить исследования П. Кругмана, М. Фуджита [16], Э. Венейблса [17] и др. В частности, в них показано, что географическое преимущество будет самым большим при умеренных издержках торговли, а когда торговые преграды и цена перевозки достаточно малы, географическое преимущество районов с легким доступом к рынку теряет значение, и предприятия возвращаются на старую периферию.

Наиболее близкими к авторскому подходу являются работы Гианелле и др. [18; 19], в которых они показали взаимосвязанный анализ международной торговли, специализации, бизнес-циклов и эндогенных внутри территориальных процессов.

В работах [20—22] помимо торговли и специализации рассмотрены финансовая составляющая и, главное, вопросы синхронизации различных циклов, включая региональные.

Из других публикаций можно отметить работу А. Р. Виатрака по анализу устойчивости воеводств Польши к циклам конъюнктуры в зависимости от специализации (регионы, специализированные на сельском хозяйстве или горнодобывающей промышленности, демонстрировали минимальную чувствительность).

В [25] показано влияние экономико-географического положения на конкурентные преимущества/недостатки регионов и городов, что вполне корректно рассматривать как один из факторов устойчивости региональных экономик.

В контексте сказанного очевидна актуальность исследования устойчивости территориальных социально-экономических систем к динамике глобальных процессов в экономике и обществе.

Устойчивость региональных экономик к циклам конъюнктуры и их специализация

Гипотезу исследования можно сформулировать как наличие зависимости степени устойчивости региональных экономик к циклам конъюнктуры (наряду с другими факторами) от их сложившейся специализации. Моделирование подобных процессов и выделение территориальных естественноисторических и социокультурных комплексов, обеспечивающих максимизацию совокупной устойчивости региональных экономик, можно рассматривать как новое направление для отечественной районной школы.

Решение этой задачи возможно на базе совокупности методов, позволяющих, с одной стороны, рассмотреть дельту между регионально обусловленными дополнительными издержками (со знаком «плюс/минус»), среднеотраслевыми издержками и меняющимся спросом на продукцию региональных отраслей специализации [26], а с другой — вычислить оптимальные промежутки времени, дающие возможность эффективно функционировать тем или иным специализациям в условиях меняющейся конъюнктуры. Однако такой подход сложно обеспечить необходимой информацией.

Поэтому в первую очередь мы используем графоаналитический метод для пилотажного исследования обозначенных выше взаимосвязей. При этом основное внимание сосредоточено на характере реакции регионов с различной отраслевой структурой и экономической предьсторией.

Для корректного сравнения за базовую цикличность была принята динамика ВВП Европейского союза (рис. 1).

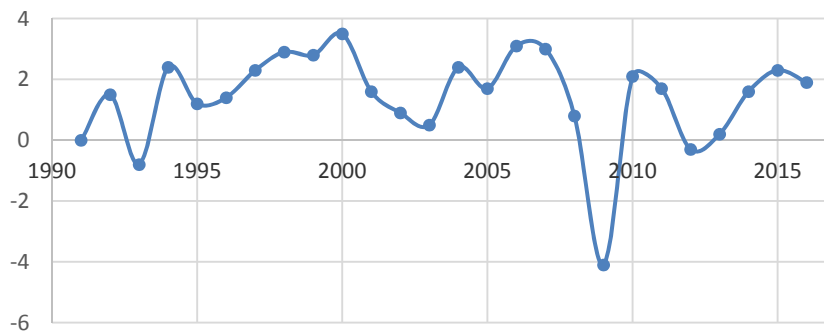

Рис. 1. Динамика ВВП ЕС 1991—2017 год, %

Как следует из рисунка 1, экономика ЕС прошла через несколько этапов подъема и спада с приблизительно 5—7-летним ритмом последовательной смены фаз подъема (1996—2000, 2003—2007, 2012—2015) и кризисов (1989—1991, 1993—1995, 2001—2003, 2008—2009). При этом амплитуда колебаний достигает 8%. На рисунке 1 видно, что в целом выдерживается 5—7-летняя цикличность динамики ВВП.

Динамика российской экономики, при сохранении схожей конфигурации обладает существенно большей амплитудой (превышающей 30%) отклонений от средних трендов, что свидетельствует о сохраняющейся повышенной чувствительности отечественной переходной экономики к ритмам, задаваемым ведущими экономиками мира.

Как показано в статье [27], различные отрасли промышленности в разной степени чувствительны к циклам конъюнктуры. Производство электроэнергии, тепла и воды крайне слабо реагирует на циклы, отрасли добывающей промышленности существенно более чувствительны к ним, а обрабатывающие производства оказались самыми неустойчивыми. Амплитуда их колебаний достигает 28%, превышая аналогичные значения для добывающих отраслей почти в 3 раза, а для производства электроэнергии, тепла и воды в 6 раз. Наименее чувствительными являются сельское хозяйство (первичный сектор в целом), транспорт и госуслуги, а самой чувствительной — сфера коммерческих услуг.

Выявленные закономерности позволяют с высокой степенью уверенности сделать вывод об обусловленности реакции региональных экономик их специализацией.

Большой Балтийский регион включает в свой состав четыре скандинавские страны (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания), выходящие к южному побережью Балтики Германию и Польшу, страны Прибалтики и регионы России (Калининградскую, Ленинградскую области и Санкт-Петербург).

Рассмотрим, в какой степени чувствительность экономик стран ББР к циклам конъюнктуры зависит от отраслевой структуры (рис. 2).

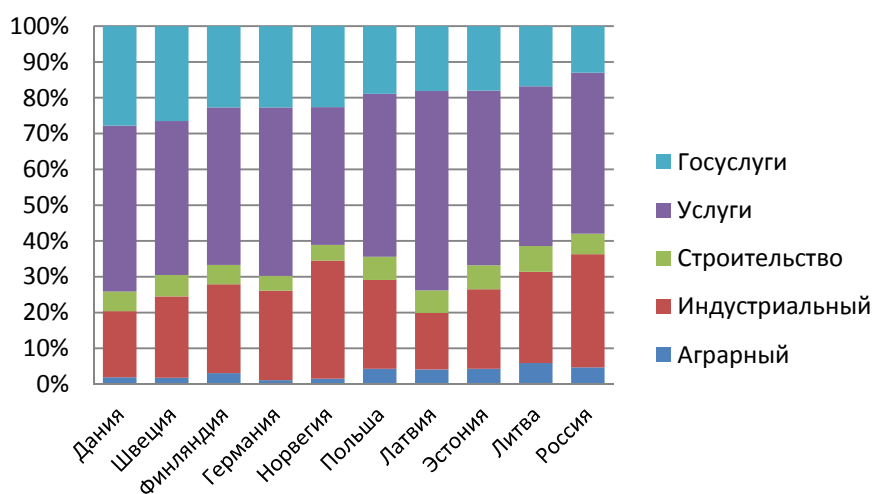

Рис. 2. Отраслевая структура экономик стран Большого Балтийского региона, %

Анализ отраслевой структуры стран ББР показывает, что наиболее высока доля сектора госуслуг у Дании и Швеции и достаточно высока у остальных «старых» стран ЕС. Максимальна доля коммерческих услуг — в Эстонии и Латвии, промышленности — в Норвегии (при абсолютном преобладании нефтяной отрасли) и высока у Российской Федерации. Обрабатывающая промышленность наиболее значима в экономике Финляндии и Германии. Доля строительства максимальна в Литве, Эстонии и Латвии.

Теперь рассмотрим динамику ВВП этих государств с 1998 по 2016 год (рис. 3, 4) и попытаемся дать ей объяснение на основе различий в региональных специализациях.

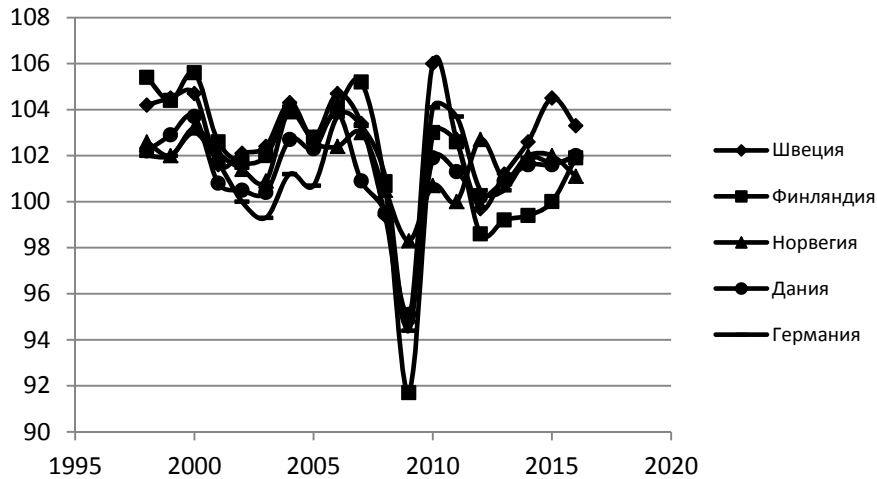

Рис. 3. Динамика ВВП «старых» стран ЕС, в % к предыдущему году

На рисунке 3 хорошо видно, что максимальна чувствительность к кризисам у экономики Финляндии (амплитуда колебаний 15%). Значительные колебания характерны и для других стран с высокой долей отраслей обрабатывающей промышленности. Однако в Дании (9%), Германии (9%) и Швеции (12%) это частично блокируется сектором госуслуг. Минимальная чувствительность характерна для экономики Норвегии (5%) с ведущей ролью в ней отраслей ТЭК. Таким образом, полученные результаты достаточно неплохо корреспондируют с гипотезой.

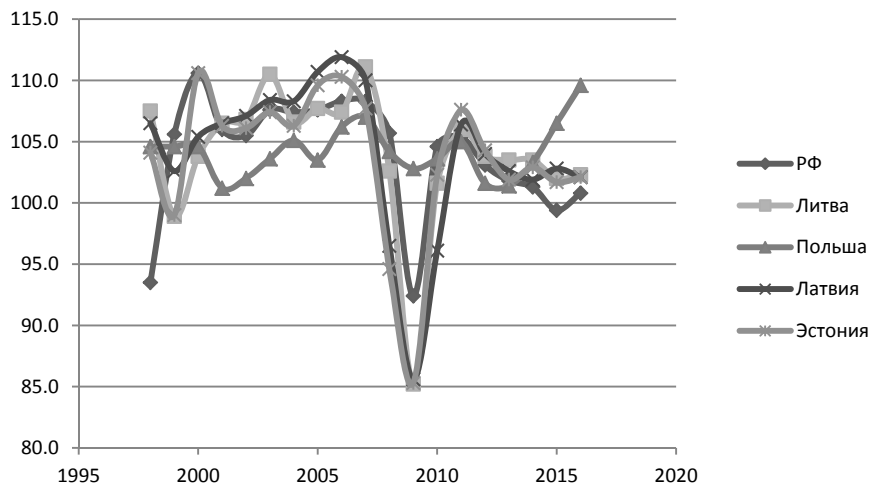

Рис. 4. Динамика ВВП «новых» стран ЕС, в % к предыдущему году

Совершенно иная ситуация наблюдается в государствах Прибалтики. По характеру реакции на конъюнктурные флуктуации «аритмии» экономики Эстонии (IT-сектор) и Латвии максимальны (29 и 28% соответственно), что объясняется гипертрофированной ролью сектора коммерческих услуг и абсолютным преобладанием в производственном секторе обрабатывающих отраслей. Кроме того, аграрный сектор находится под сильнейшим прессингом ЕС и не может выполнять демпфирующую роль. Реакция экономики Литвы (26%) по динамике ВВП чуть более сдержанная и наиболее близка к Калининградской области (рис. 4).

В целом близкий характер флуктуаций имеет и экономика РФ, но размах вариаций существенно ниже (17%), что может интерпретироваться как отражение масштаба экономики, повышенной доли аграрного и горнодобывающего секторов. Особняком стоит Польша, хозяйство которой благодаря огромным инвестициям ЕС практически нечувствительно к кризисам (6% при постоянной положительной динамике ВВП) вне зависимости от структуры ее экономики.

Проведенный на основе заявленного подхода анализ динамики ВВП стран ББР и ВРП пограничных регионов РФ за период прохождения четырех периодов подъема и трех кризисов позволил создать типологию регионов по различным основаниям и выделить их типы по интегральной устойчивости экономик к кризисам (табл.).

Типология стран и областей Балтийского региона по типам реакции на конъюнктурные флуктуации и по структурам экономики

Тип	Преобладающая специализация	
	Сектор услуг и/или обрабатывающая промышленность	Экспортно-ориентированная промышленность при малой доле сектора услуг
Наиболее устойчивые	Польша	Норвегия
Относительно устойчивые	Швеция, Германия, Дания	—
Неустойчивые	Финляндия	Россия
Чрезвычайно неустойчивые	Эстония, Латвия, Литва	—

Заключение

Проведенный анализ взаимосвязи циклов конъюнктуры и структуры добавленной стоимости по государствам Большого Балтийского региона подтвердил выдвинутую гипотезу о зависимости динамики ВВП стран от специализации их экономики. Исследование показало, что экономики «старых» стран ЕС с развитыми системами государственного регулирования являются более устойчивыми, чем экономики «новых» стран ЕС. Здесь есть два исключения: Финляндия, традиционно тесно интегрированная с экономикой России (идущая с ней в одном ритме и с практически одинаковой амплитудой колебаний), и Польша, чье экономическое чудо обеспечили огромные по масштабам ее экономики инвестиции из ЕС. Экономики прибалтийских государств, напротив, чрезвычайно чувствительны к циклам конъюнктуры, что связано с гипертрофией сектора услуг при относительно малом удельном весе госуслуг и контрпродуктивной политике в отношении России.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта №18-05-01106 А «Устойчивость специализации регионов и индустриальных центров России к циклам конъюнктуры»

Список литературы

1. Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999.
2. Суббето А. И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие М., 1994.
3. Бабурин В. Л. Инновационные циклы в российской экономике. М., 2010.
4. Бабурин В. Л. Развитие территориальных природно-хозяйственных систем как основы экономики // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2012. № 5. С. 5—13.
5. Бабурин В. Л. Взаимосвязь расселения и размещения производства // Региональные исследования. 2014. № 4 (46). С. 5—16.
6. Бакланов П. Я. Линейно-узловые системы промышленности (структурные особенности и возможности учета в планировании и управлении). Владивосток, 1983.
7. Шарыгин М. Д. Современные проблемы территориальной организации общества // Изв. РГО. 2007. Т. 139, вып. 1. С. 30—36.
8. Мошков А. В. Структурные изменения в региональных территориально-отраслевых системах российского Дальнего Востока. Владивосток, 2008.
9. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Основы региональной политики. СПб., 1998.
10. Чистобаев А. И. Развитие экономических районов: Теория и методы исследования. Л., 1980.
11. Шаблий О. И. Межотраслевые территориальные системы (проблемы методологии и теории). Львов, 1976.
12. Гранберг А. Н. Динамические модели народного хозяйства. М., 1985.
13. Пробст А. Е. Проблемы размещения социалистической промышленности. М., 1982.
14. Бандман М. К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск, 1980.
15. Гришина И. В. Анализ и прогнозирование инвестиционных процессов в регионах России. М., 2005.
16. Fujita M., Krugman P. The New economic geography: Past, present and the future // Papers in Regional Science. 2004. Vol. 83. P. 139—164.
17. Venables A. J. Equilibrium Locations of Vertically Linked Industries // International Economic Review. 1996. Vol. 37, № 2. P. 341—359.
18. Frankel J., Rose A. Endogeneity of optimal currency zone criteria // Economic journal. 1998. № 108. P. 1009—1025.
19. Gianelle C., Montinari L., Salotti S. Interregional Trade, Specialization, and the Business Cycle: Policy Implications for the EMU // Journal of Business Cycle Research. 2017. Vol. 13 (1). P. 1—27.
20. Imbs J. Trade, Finance, Specialization, and Synchronization, Review of Economics and Economics // Statistics. 2004. № 86 (3). P. 723—734.
21. Montoya L. A., Haan J. de. Regional Business Cycle Synchronization in Europe // International Economics and Economic Policy. 2007. Vol. 5 (1). P. 123—137.
22. Lucas R. Understanding business cycles. In Stabilization of the Domestic and International Economy / ed. K. Brunner, A. Meltzer. Amsterdam, 1977.
23. Wiatrak A. P. Problemy rozwoju regionalnego w Polsce: wybrane zagadnienia // Rozwój gospodarczy zmiany strukturalne w ujęciu regionalnym. Białystok, 1997. Т. 1.
24. Земцов С. П., Бабурин В. Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 2, № 1. С. 117—138.
25. Baburin V. L., Zemtsov S. P., Kidyayeva V. M. Methodology of Evaluating the Potential of the Economic-geographical Position of Russia's Towns // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. Geografiya. 2016. № 1. С. 39—45.

26. Бабурин В.Л. Совокупные издержки как базовая категория оценки хозяйственной деятельности в Арктике // Известия РАН. Сер. географическая. 2018. №3. С. 18—25.

27. Бабурин В.Л. Реакция экономик стран Балтийского региона на циклы конъюнктуры // Балтийский регион — регион сотрудничества — 2018: Проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного порубежья России : матер. междунар. науч. конф. Калининград, 2018. С. 150—164.

Об авторе

Вячеслав Леонидович Бабурин, доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: vbaburin@yandex.ru

THE RESISTANCE OF THE GREATER BALTIC REGION STATES TO MARKET CYCLE CHANGES

V. L. Baburin¹

¹ Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia

Submitted on September 27, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-1

A non-linear change process is a specific feature of a poorly regulated market economy. However, many researchers have shown that different economic sectors do not respond to market cycles in a similar way. Regional economic systems are a combination of many sectors, therefore a hypothesis about the correlation between the stability of regional economies and market cycles is examined. The study is conducted using the Baltic countries (hereinafter referred to as Greater Baltic Region, GBR) as an example. GBR countries have been classified into highly stable, relatively stable, unstable, and highly unstable based on the study of the stability of national economies to global cycle processes. The GDP dynamics of the countries were compared to GDP cycles of the US and the EU, which are the main financial centres. To understand the reasons, the sectoral structure of GDP is additionally considered. The results allow the author to classify of GBR countries according to the structure of economic sectors and the stability of the regional economy.

Keywords: market cycles, GDP dynamics, sectoral structure, stability, sensitivity

Reference

1. Yakovets, Yu. V. 1999, *Tsikly. Krizisy. Prognozy* [Cycles Crises Forecasts], Moscow (in Russ.).
2. Subbeto, A. I. 1994, *Sotsiogenetika: sistemogenetika, obshchestvennyi intellekt, obrazovatel'naya genetika i mirovoe razvitiye* [Sociogenetics: systems genetics, social intelligence, educational genetics and world development], Moscow, 68 p. (in Russ.).
3. Baburin, V. L. 2010, *Innovatsionnye tsikly v rossiiskoi ekonomike* [Innovative cycles in the Russian economy], Moscow, 216 p. (in Russ.).

4. Baburin, V.L. 2012, The development of territorial natural-economic systems as the basis of the economy, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography], no. 5, p. 5—13 (in Russ.).
5. Baburin, V.L. 2014, The relationship of settlement and placement of production, *Regional'nye issledovaniya* [Regional Research], no. 4 (46), p. 5—16 (in Russ.).
6. Baklanov, P. Ya. 1983, *Lineino-uzlovye sistemy promyshlennosti (strukturnye osobennosti i vozmozhnosti ucheta v planirovanii i upravlenii)* [Linear-node systems of industry (structural features and accounting capabilities in planning and management)], Vladivostok (in Russ.).
7. Sharygin, M.D. 2007, Modern problems of the territorial organization of society, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Geographical Society], Vol. 139, no. 1, p. 30—36 (in Russ.).
8. Moshkov, A.V. 2008, *Strukturnye izmeneniya v regional'nykh territorial'no-otraslevykh sistemakh rossiiskogo Dal'nego Vostoka* [Structural changes in regional territorial-branch systems of the Russian Far East], Vladivostok (in Russ.).
9. Gladky, Yu.N., Chistobaev, A.I. 1998, *Osnovy regional'noi politiki* [Basics of regional policy], St. Petersburg (in Russ.).
10. Chistobaev, A.I. 1980, *Razvitie ekonomicheskikh raionov: Teoriya i metody issledovaniya* [Development of economic regions: Theory and methods of research], Leningrad, 128 p. (in Russ.).
11. Shabliy, O.I. 1976, *Mezhotraslevye territorial'nye sistemy (problemy metodologii i teorii)* [Interindustry territorial systems (problems of methodology and theory)], Lviv (in Russ.).
12. Granberg, A.N. 1985, *Dinamicheskie modeli narodnogo khozyaistva* [Dynamic models of national economy], Moscow (in Russ.).
13. Probst, A.E. 1982, *Problemy razmeshcheniya sotsialisticheskoi promyshlennosti* [Problems placing the socialist industry], Moscow (in Russ.).
14. Bandman, M.K. 1980, *Territorial'no-proizvodstvennye komplekсы: teoriya i praktika predplanovykh issledovaniy* [Territorial production complexes: theory and practice of pre-planned research], Novosibirsk (in Russ.).
15. Grishina, I.V. 2005, *Analiz i prognozirovaniye investitsionnykh protsessov v regionakh Rossii* [Analysis and forecasting of investment processes in the regions of Russia], Moscow, 255 p. (in Russ.).
16. Fujita, M., Krugman, P. 2004, The New economic geography: Past, present and the future, *Papers in Regional Science*, Vol. 83, p. 139—164.
17. Venables, A.J. 1996, Equilibrium Locations of Vertically Linked Industries, *International Economic Review*, Vol. 37, no. 2, p. 341—359.
18. Frankel, J.A. Rose, A.K. 1998, Endogeneity of optimal currency zone criteria, *Economic journal*, no. 108, p. 1009—1025.
19. Gianelle, C., Montinari, L., Salotti, S. 2017, Interregional Trade, Specialization, and the Business Cycle: Policy Implications for the EMU, *Journal of Business Cycle Research*, Vol. 13, no. 1, p. 1—27, May.
20. Imbs, J. 2004, Trade, Finance, Specialization, and Synchronization, *Review of Economics and Economics. Statistics*, Vol. 86, no. 3, p. 723—734.
21. Montoya, L.A., de Haan, Ja. 2007, Regional business cycle synchronization in Europe? *International Economics and Economic Policy*, Vol. 5, no. 1, p. 123—137, July.
22. Lucas, R. 1977, Understanding business cycles. In Stabilization of the Domestic and International Economy. In: Brunner, K., Meltzer, A. (eds.) *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, Vol. 5, Amsterdam.
23. Wiatrak, A.P. 1997, Problemy rozwoju regionalnego w Polsce: wybrane zagadnienia. In: *Rozwój gospodarczy i zmiany strukturalne w ujęciu regionalnym*, Białystok, T. 1.
24. Zemtsov, S.P., Baburin, V.L. 2016, Assessment of the potential of the economic and geographical location of the regions of Russia, *Ekonomika regiona* [Economy of the region], Vol. 2, no. 1, p. 117—138 (in Russ.).
25. Baburin, V.L., Zemtsov, S.P., Kidyaeva, V.M. 2016, Methodology of evaluating the potential of the economic-geographical position of Russia's towns. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya Geografiya*, no. 1, p. 39—45 (in Russ.).

26. Baburin, V.L. 2018, Total costs as a baseline category for assessing economic activities in the Arcticm Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya [Proceedings of the RAS. Geographical series], no. 3, p. 18—25 (in Russ.).

27. Baburin, V.L. 2018, The reaction of the economies of the Baltic region to the cycles of the conjuncture. In: *Baltiiskii region — region sotrudnichestva — 2018: Problemy i perspektivy transgranichnogo sotrudnichestva vdol' zapadnogo porubezh'ya Rossii* [The Baltic region — the region of cooperation — 2018: Problems and prospects for cross-border cooperation along the western frontier of Russia], conference materials, Kaliningrad, I. Kant Baltic Federal University, p. 150—164 (in Russ.).

The author

Prof. Vyacheslav L. Baburin, Lomonosov Moscow State University, Russia.
E-mail: vbaburin@yandex.ru

To cite this article:

Baburin, V.L. 2019, The resistance of the greater Baltic region states to market cycle changes, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no. 1, p. 4—13. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-1.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕНСИВНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА

Е. А. Третьякова¹

Экономическое развитие стран сталкивается с рядом ограничений, основные среди которых — угроза полного исчерпания ряда невозобновимых ресурсов и превосходящие естественные возможности планеты загрязнение окружающей среды. В связи с этим все масштабнее становится переход к новым технологиям, обеспечивающим ресурсосбережение. Их применение связано со значительным снижением экологической интенсивности хозяйственной деятельности. Целью данного исследования выступает изучение эколого-экономической динамики, характеризующей экологические последствия экономического развития регионов Северо-Западного федерального округа России. В процессе работы была использована расширенная модель П. Виктора, позволяющая комплексно в динамике оценивать экономические показатели в сопоставлении с общей и удельной экологической нагрузкой. В результате факторного анализа выявлены основные эффекты, обусловившие эколого-экономическую динамику. Установлено, что в отношении использования водных ресурсов экономический рост регионов СЗФО является «зеленым», в отношении потребления электроэнергии и управления очисткой сточных вод — преимущественно «коричневым», в отношении образования отходов производства и потребления — преимущественно «черным». Факторный анализ показал, что эффект популяции, производимый изменением численности населения, наиболее слабый по силе своего проявления. В гораздо большей мере экологические последствия экономического роста зависят от действия эффекта дохода (с ростом дохода возрастает объем потребления и, как следствие, объем производимого загрязнения) и технологического эффекта, обусловленного снижением экологической интенсивности производства. Для ускорения процессов «зеленого» развития целесообразно усилить воздействие технологического эффекта, стимулируя ресурсосбережение и переключение на бизнес-модели экономики замкнутого цикла.

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.

Поступила в редакцию 23.09.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-2

Для цитирования:

Третьякова Е. А. Экологическая интенсивность экономического развития регионов Северо-Запада // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 1. С. 14—28. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-2.

© Третьякова Е. А., 2019

Ключевые слова: устойчивое развитие, зеленая экономика, экономический рост, экологическое давление, Северо-Западный федеральный округ, Россия

Введение

Экономический рост, основанный на современных принципах хозяйствования, сопровождается усилением загрязнения окружающей среды, деградацией природных экосистем, снижением биоразнообразия, истощением природных ресурсов, изменением климата, ухудшением здоровья населения. Сложившиеся философия и практика хозяйствования сегодня уже не отвечают задаче повышения качества жизни людей. Необходима смена приоритетов и переход на новую траекторию, соответствующую принципам устойчивого развития и «зеленой» экономики, согласно которой экономический рост ориентирован не на получение максимальной экономической выгоды ограниченным кругом лиц за счет жесточайшей эксплуатации природных и трудовых ресурсов, а на обеспечение потребностей общества в экономическом благополучии, социальной справедливости, благоприятной и безопасной среде обитания. Экологическая безопасность становится сегодня определяющей для экономического развития и самого существования человеческого общества.

В настоящий момент экологические проблемы носят глобальный характер, поэтому развитие «зеленой» экономики представляет интерес для всех стран. Важно найти оптимальный баланс между потребностями общества в материальных и нематериальных благах и способностью природных ресурсов Земли обеспечивать их производство. В этой связи технологические инновации играют особую роль. Они прежде всего необходимы для перехода от ископаемых видов топлива к возобновляемым источникам энергии, рециркуляции и реорганизации промышленных процессов [1]. Модернизация промышленного производства должна предусматривать такие технические и технологические решения, которые обеспечивают более эффективное использование ресурсов наряду со снижением экологической нагрузки и повышением качества природной среды.

Научным сообществом акцентируется внимание на преимуществах «зеленого» экономического роста, нацеленного на создание новых технологий и приоритетное развитие «зеленых» отраслей, обеспечение рабочих мест, сокращение масштабов нищеты и повышение социальной ответственности бизнеса. Результатом такой деятельности является улучшение экологических показателей, расширение доступа к чистой воде и энергии. Отмечается, что концепция «зеленого» роста может быть применена и к развитым, и к развивающимся странам. Но необходимо переосмыслить общую парадигму роста, поскольку нынешний акцент на количественном росте оказывает пагубное воздействие на окружающую среду и сохранение различных природных ресурсов для наших будущих поколений. Концепция должна развиваться в направлении обеспечения социо-эколого-экономически сбалансированного и качественного роста, интегрирующего в себе новые идеи и инновации (см., в частности [2—6]).

Изучение эколого-экономической динамики, характеризующей экологические последствия экономического развития одного из ведущих макрорегионов России — Северо-Западного федерального округа (СЗФО) — стало целью настоящей работы. В задачи входило обоснование выбора модели и методов исследования, их апробация на примере регионов СЗФО, обобщение и интерпретация полученных результатов.

Теоретические подходы к оценке экологических последствий экономического развития

«Зеленая» экономика опирается на низкоуглеродные и экологически безопасные производства, которые удовлетворяют общественные и индивидуальные потребности, не оказывая при этом разрушительного воздействия на

глобальную экосистему и сохраняя ее ресурсы с тем, чтобы передать их для устойчивого развития будущим поколениям. Таким образом, главенствующая цель «зеленой экономики» — это переход от высокоуглеродного к низкоуглеродному производству и потреблению. Сегодня научные достижения в области технологий предоставляют массу возможностей предпринимательскому и корпоративному секторам для перехода от ресурсозатратных и расточительных бизнес-моделей к ресурсоэффективным и энергетически менее емким [7].

Вопросам измерения и оценки этих процессов посвящено множество трудов как российских, так и зарубежных ученых. Научным сообществом выработаны различные индексы, характеризующие масштабы экологического воздействия хозяйственной деятельности людей: «экологический след», «водный след», «углеродный след», «индекс живой планеты» и др.

Для «зеленой» оценки экономической деятельности широко применяются экономико-математические методы и модели. С их использованием было, в частности, доказано, что инновации играют большую роль в обеспечении «зеленого» роста, а расходы на научные исследования и разработки вносят позитивный вклад в сокращение выбросов углекислого газа (CO_2) в развитых странах. Иными словами, расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) являются не только двигателем роста любой экономики, но и движущей силой устойчивого развития, где рост сопровождается более низкими выбросами оксида углерода. Это, помимо всего прочего, служит дополнительным аргументом для государственных регулирующих органов в части поощрения расходов на исследования и разработки, в том числе и в целях борьбы с изменением климата [8]. Отмечается, что осведомленность потребителей об экологически чистых продуктах оказывает положительное влияние на формирование «зеленого» рынка и на «зеленое» предпринимательство [9]. Кроме того, приводятся результаты исследований, показывающие, что участие профсоюзов имеет большее значение для внедрения сложных и радикальных инноваций, направленных на сокращение выбросов загрязняющих веществ [10]. В работе [11] проведена оценка влияния на объем промышленных выбросов таких экономических показателей, как объем выпуска продукции и прямые иностранные инвестиции. Также были изучены взаимосвязи между изменениями основных макроэкономических индикаторов и изменением потребления электроэнергии [12]; построена панельная регрессионная модель, позволяющая исследовать зависимости между коэффициентами рециркуляции муниципальных отходов, материалами, расходами на НИОКР, объемами торговли перерабатываемым сырьем и доходами от экологических налогов [13]. Результаты исследования [14], в свою очередь, показали, что экологичность оптимального пути развития в значительной степени зависит от начальных условий. Важно, чтобы необходимые изменения производились правительством вовремя и во многих сферах одновременно. Это позволит обеспечить долгосрочный экономический рост в естественных пределах доступности природных ресурсов и экологических возможностей территорий.

Актуальной проблеме экологически чистого развития одних стран за счет загрязнения экологии других посвящена работа [15]. Экономико-математическое моделирование показало, что наилучшие результаты дает комплексное воздействие, когда «регулирование начинается с поощрения — трансферта технологий на экологически неблагополучную территорию, повышающего общую эффективность природоохранной деятельности на ней, а затем продолжается через усиление наказаний, стимулирующих изменение паттернов поведения экономических агентов и развитие инновационной системы, способной генерировать более эффективные технологические решения экологических проблем» [15, с. 101].

Комплексный подход к оценке состояния региональных социо-эколого-экономических систем реализован в исследовании [16]. Авторами выявлена тенденция к росту качества жизни населения в регионах, а также было предложено определять устойчивость социо-эколого-экономических систем на основе критических значений интегральных показателей, при которых система способна сохранять свои свойства и параметры режимов в пределах одного класса качества жизни населения.

Среди существующих методов экологической оценки экономического роста особую позицию занимает модель П. Виктора [17], в которой был использован один из наиболее известных индикаторов экоинтенсивности: объем выбросов углерода в расчете на единицу ВВП страны. Им же разработано правило, позволяющее охарактеризовать экономический рост или спад как «зеленый», «коричневый» или «черный». Его расчеты показали, что экономический рост в Канаде в последние десятилетия преимущественно характеризовался как «коричневый». Эта модель, позволяющая комплексно в динамике оценивать экономические показатели в сопоставлении с общей и удельной экологической нагрузкой была успешно апробирована и рекомендуется к использованию и российскими учеными [18].

Весьма продуктивным является применение индексного факторного анализа при оценке экоинтенсивности хозяйственной деятельности. В частности, он был использован при оценке вклада различных факторов в динамику энергоемкости и выбросов парниковых газов от сжигания топлива при производстве энергии [19—21]. В то же время возможная сфера его применения представляется гораздо более широкой.

В данном исследовании автор пользуется моделью П. Виктора в ее расширенной трактовке в сочетании с факторным анализом, что позволяет рассмотреть не только сопоставимую динамику объемных экономических показателей с объемными и удельными показателями экологической нагрузки, но и оценивать то, какие факторы в наибольшей степени обусловили такую эколого-экономическую динамику.

Описание метода исследования

Оценку экологической интенсивности экономического развития целесообразно, по мнению автора, проводить в два этапа: сначала с помощью модели П. Виктора выявить характер экономической динамики (так называемый «цвет» экономического роста или спада), затем с помощью факторного моделирования — наиболее значимые определяющие ее факторы. Это позволит установить направления регулирующих воздействий, необходимых для поддержки или корректировки сложившейся траектории развития.

Модель П. Виктора производит сравнение происходящих в эколого-экономической системе изменений относительно некой «точки отсчета», в качестве которой, как правило, выступает начало исследуемого периода. На этот момент фиксируются показатели:

— экономического результата (ЭР): валового внутреннего или регионального продукта, объема производства и т. п.;

— экологической нагрузки (ЭН), то есть общего объема производимых загрязнений (образование отходов производства и потребления, выбросы загрязняющих атмосферу веществ, сброс загрязненных сточных вод и т. д.) или общего объема потребленных ресурсов (электрической или тепловой энергии, чистой воды, топливных ресурсов и т. д.);

— экологической интенсивности (ЭИ) или ресурсоемкости, определяемой путем деления показателя экологической нагрузки на показатель экономического результата.

Значения показателей последующих лет сравниваются с их начальными значениями, определяется их отклонение в большую или меньшую сторону и на основе этого — характер эколого-экономической динамики (табл. 1).

Таблица 1

Определение характера эколого-экономической динамики [22]

Экономический результат	Общая экологическая нагрузка	Экологическая интенсивность	Характеристика эколого-экономической динамики
Рост	Снижение	Снижение	«Зеленый» рост
Рост	Рост	Снижение	«Коричневый» рост
Рост	Рост	Рост	«Черный» рост
Снижение	Рост	Рост	«Черный» спад
Снижение	Снижение	Рост	«Зеленый» спад
Снижение	Снижение	Снижение	«Абсолютно зеленый» спад

Эмпирические исследования показывают, что в большинстве стран и регионов отмечается преимущественно «зеленый» и «коричневый» типы экономического роста. В этом ключе интересна работа [23], содержащая сравнительный анализ моделей «коричневой» и «зеленой» экономики и рассмотрение негативных последствий, к которым приводит следование модели «коричневой» экономики.

Автором настоящей работы предлагается после получения качественной характеристики эколого-экономической динамики произвести оценку того, какие факторы оказали на нее наиболее сильное воздействие. Выбор факторной модели определяется необходимостью отображения с ее помощью причинно-следственных связей между показателями экологической нагрузки, экологической интенсивности и экономическим результатом. Следовательно, модель должна отражать зависимость величины экологической нагрузки от количественного фактора (например, экономического результата) и качественно фактора (экологической интенсивности).

Обзор научной литературы показал, что аналогичный подход использовался, но только в отношении влияния человеческого фактора на масштабы негативного экологического воздействия [24]:

$$I = P \cdot F, \quad (1)$$

где I — общая величина негативного воздействия людей на природу; P — численность населения (количественный фактор); F — функция, измеряющая экологическое воздействие на душу населения (качественный фактор).

В модифицированном виде эта модель была применена в работах [21; 25; 26] и обозначалась как *IPAT*-модель. В ней масштаб антропогенного воздействия (I , *impact*), зависит от трех факторов: численности населения (P , *population*), благосостояния людей (A , *affluence*) и используемых технологий (T , *technology*):

$$I = P \cdot A \cdot T. \quad (2)$$

Применительно к данному исследованию *IPAT*-модель можно выразить следующим образом:

$$ЭН = ЧН \cdot БН \cdot ЭИ, \quad (3)$$

где *ЭН* — общая величина экологической нагрузки; *ЧН* — численность населения (количественный фактор); *БН* — благосостояние населения (качественный фактор); *ЭИ* — экологическая интенсивность (качественный фактор), характеризующая применяемые технологии.

Оценка изменения экологической нагрузки под влиянием указанных факторов позволит количественно оценить вклад каждого фактора в виде ряда эффектов:

— эффект популяции, производимый изменением численности населения ($\Delta ЧН$);

— эффект дохода, являющийся результатом изменением уровня благосостояния населения ($\Delta БН$);

— технологический эффект, связанный с изменением экоинтенсивности в результате изменений в применяемых технологиях ($\Delta ЭИ$).

Оценка экологической интенсивности экономического развития регионов СЗФО

Апробация рассмотренного выше метода была произведена на примере одного из ведущих макрорегионов России — Северо-Западного федерального округа. Исследование проводилось с 2011 по 2015 год. Выбор периода обусловлен наличием полного набора анализируемых индикаторов по всем рассматриваемым регионам. Информационную базу составили данные официальной статистической отчетности, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики¹, и материалы государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году»².

В качестве экономического результата был использован ВРП в постоянных ценах (в ценах 2015 года), в качестве показателя благосостояния населения — ВРП на душу населения в постоянных ценах, а в качестве показателей, характеризующих экологическую нагрузку, — объем выбросов углекислого газа, объем образованных отходов производства и потребления, объем сброса загрязненных сточных вод. Ресурсоемкость оценивалась с применением показателей электро- и водоемкости ВРП.

В таблице 2 представлены результаты характеристики эколого-экономической динамики по исследуемым показателям экоинтенсивности и ресурсоемкости.

¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2017 : стат. сб. / Росстат. М., 2017 ; *Охрана окружающей среды в России. 2016* : стат. сб. / Росстат. М., 2016.

² *О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 году* : государственный доклад / Министерство природных ресурсов и экологии российской Федерации. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2016/ (дата обращения: 31.08.2018).

Таблица 2

Характеристика эколого-экономической динамики регионов СЗФО

Регион	Экоинтенсивность			Ресурсоемкость	
	Образование отходов производства и потребления	Выбросы CO ₂	Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты	Потребление электроэнергии	Использование свежей воды
Республика Карелия	<i>Коричневый</i>	<i>Коричневый</i>	<i>Коричневый</i>	Зеленый	Зеленый
Республика Коми	Черный	Зеленый	Зеленый	<i>Коричневый</i>	Зеленый
Архангельская область	Черный	Зеленый	Зеленый	<i>Коричневый</i>	Зеленый
Вологодская область	<i>Коричневый</i>	Зеленый	Зеленый	<i>Коричневый</i>	Зеленый
Калининградская область	Черный	Зеленый	<i>Коричневый</i>	<i>Коричневый</i>	Зеленый
Ленинградская область	Черный	<i>Коричневый</i>	<i>Коричневый</i>	<i>Коричневый</i>	Зеленый
Мурманская область	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый	Зеленый
Новгородская область	Черный	<i>Коричневый</i>	<i>Коричневый</i>	<i>Коричневый</i>	Зеленый
Псковская область	Черный	<i>Коричневый</i>	<i>Коричневый</i>	Зеленый	Зеленый
Санкт-Петербург	Черный	<i>Коричневый</i>	<i>Коричневый</i>	<i>Коричневый</i>	Зеленый

Как следует из таблицы 2, в последние годы наибольших успехов удалось добиться в сфере рационального водопользования: на фоне роста ВРП отмечается сокращение объема использования свежей воды и снижение водоемкости ВРП. В частности, этому способствовало увеличение объема оборотной и последовательно используемой воды в Архангельской, Вологодской и Новгородской областях.

Крайне сложная ситуация сложилась в сфере управления отходами. Повсеместно (за исключением Мурманской области) отмечается рост объемов образования отходов. При этом в Республике Коми, Архангельской, Калининградской, Ленинградской, Новгородской, Псковской областях и в Санкт-Петербурге темп роста их образования значительно превышает темп роста ВРП. В этой связи экономический рост в регионах СЗФО (за исключением Мурманской области) с экологической точки зрения трактуется как экстенсивный (так как он сопровождается ростом загрязнения). Наглядно данная ситуация отображена на рисунке 1, где произведено сопоставление базовых темпов изменения реального ВРП и объемов образования отходов производства и потребления за 2011—2015 годы. В поле графика не отображены показатели эколого-экономической динамики Архангельской области в силу того, что рост объемов образования отходов производства и потребления в этом регионе был крайне высоким и составил 3615,6% за исследуемый период.

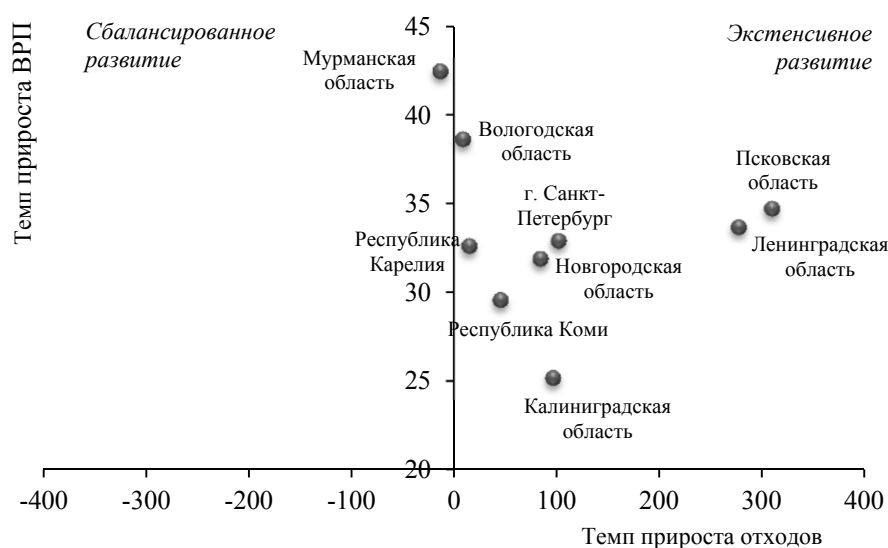

Рис. 1. Динамика ВРП и образования отходов производства и потребления за 2011—2015 годы, %

Среди позитивных тенденций необходимо отметить снижение общего и удельного выбросов углекислого газа в Республике Коми, в Архангельской, Вологодской, Калининградской и Мурманской областях. Сокращение общего и удельного объема сброса загрязненных сточных вод наблюдается в Республике Коми, в Архангельской, Вологодской и Мурманской областях.

Экологически сбалансированная динамика по всем показателям отмечается в Мурманской области: на фоне роста объема ВРП наблюдается снижение и общей экологической нагрузки, и экоинтенсивности хозяйственной деятельности. Но необходимо отметить, что это было обусловлено структурными сдвигами в экономике региона, а именно: снижением вклада промышленного производства в общую сумму созданной добавленной стоимости на 3,9% в добывающих, на 3,7% в обрабатывающих производствах и на 0,2% в энергетической сфере.

Анализ факторов, обусловивших выявленные тенденции, производился с использованием рассмотренной выше модели, отображенной с помощью формулы (3). В процессе оценки влияния факторов на производимый объем загрязнений применялся метод цепных подстановок (применение метода подробно изложено в [27, с. 100—107]).

Исследование показало, что эффект популяции, производимый изменением численности населения, проявил себя в рассматриваемых регионах, но по силе воздействия он в разы слабее (в большинстве случаев — на порядок слабее) двух других эффектов. Поэтому дальнейшее исследование было сосредоточено на сопоставлении выявленных тенденций с силой проявления эффекта дохода и технологического эффекта. Результаты проведенного анализа представлены в таблицах 3—5.

Эффект дохода во всех случаях оказывал только положительное влияние на рост загрязнения. Это объясняется тем, что с увеличением доходов возрастает объем потребления и, как следствие, объем производимого загряз-

нения. Такая ситуация характерна для восходящей части кривой Кузнеца (рис. 2), когда достигнутый уровень экономического благосостояния еще недостаточен для массовой смены тренда экологического поведения и потребителей, и производителей. К таким же выводам приходят и другие исследователи, изучающие социально-экологические взаимоотношения в РФ (см., например, работу [28]).

Рис. 2. Экологическая кривая Кузнеца [29]

В то же время данные таблицы 3 показывают, что стимулирующее влияние роста благосостояния на образование отходов в Мурманской области было преодолено за счет масштабного снижения эконоинтенсивности производственных технологий, что и привело к сокращению как общего, так и удельного загрязнения по этому показателю.

Таблица 3

Эффект дохода и технологический эффект в динамике образования отходов производства и потребления

Динамика образования отходов	Регион	Влияние на образование отходов, тыс. т		
		эффекта дохода положительное	технологического эффекта положительное	отрицательное
Снижение	Мурманская область	99 487,0	—	–122 366,1
Рост	Республика Карелия	38 585,0	—	–20 871,3
	Республика Коми	1941,0	876,3	—
	Архангельская область	7575,4	787 870,7	—
	Вологодская область	5473,9	—	–4244,6
	Калининградская область	93,4	296,9	—
	Ленинградская область	466,4	3677,7	—
	Новгородская область	409,5	617,3	—
	Псковская область	53,7	388,7	—
	Санкт-Петербург	1037,0	2595,5	—

Во всех регионах СЗФО за анализируемый период отмечалось снижение эконоинтенсивности применяемых технологий в отношении выбросов углекислого газа. Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что по силе влияния этот технологический эффект оказался выше эффекта дохода в Республике Коми, в Калининградской, Псковской и Архангельской областях.

Таблица 4

**Эффект дохода и технологический эффект
в динамике выбросов углекислого газа**

Динамика выбросов CO ₂	Регион	Влияние на выбросы CO ₂ , т		
		эффекта дохода	технологического эффекта	
		положительное	положительное	отрицательное
Снижение	Республика Коми	70,9	—	– 123,1
	Калининградская область	1,6	—	– 2,1
	Мурманская область	9,7	—	– 3,2
	Псковская область	3,9	—	– 5,1
Рост	Республика Карелия	4,6	—	– 3,6
	Архангельская область	44,7	—	– 83,0
	Вологодская область	107,0	—	– 105,9
	Ленинградская область	9,7	—	– 3,2
	Новгородская область	6,3	—	– 3,2
	Санкт-Петербург	4,9	—	– 4,8

Во всех исследуемых регионах произошло снижение экоинтенсивности применяемых технологий в отношении сброса загрязненных сточных вод. Данные таблицы 5 свидетельствуют о том, что по силе влияния этот технологический эффект оказался выше эффекта дохода в Республике Коми, в Архангельской, Вологодской, Новгородской, Псковской областях и в Санкт-Петербурге. Это во многом и обусловило снижение общего объема сброса загрязненных сточных вод.

Таблица 5

**Эффект дохода и технологический эффект в динамике
сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты**

Динамика сброса загрязненных сточных вод	Регион	Влияние на сброс загрязненных сточных вод, млн м ³		
		эффекта дохода	технологического эффекта	
		положительное	положительное	отрицательное
Снижение	Республика Коми	43,1	—	– 50,2
	Архангельская область	129,2	—	– 161,8
	Вологодская область	62,1	—	– 80,7
	Мурманская область	153,2	—	– 144,9
	Новгородская область	31,4	—	– 46,4
	Псковская область	17,0	—	– 23,6
Рост	Санкт-Петербург	337,1	—	– 593,1
	Республика Карелия	59,8	—	– 27,1
	Калининградская область	20,2	—	– 10,9
	Ленинградская область	71,0	—	– 37,9

На снижение объема потребления электроэнергии в Республике Карелии и Псковской области преимущественно воздействовали технологические факторы, снижающие экоинтенсивность по данному показателю. Рост потребления электроэнергии во всех остальных регионах (за исключением Мурманской области) был обусловлен фактором роста благосостояния.

Превалирующее влияние технологических факторов является причиной снижения потребления чистой воды во всех регионах СЗФО.

Заключение

Проведенное исследование показало, что экономика регионов СЗФО становится все более «зеленой». Происходящие технологические изменения в направлении ресурсосбережения и снижения экоинтенсивности оказывают значимый позитивный эффект, выражающийся в снижении выбросов углекислого газа, сокращении объема потребления свежей воды, сбережении электроэнергии. Однако сила их воздействия еще недостаточна для кардинального изменения сложившейся траектории развития. Необходимо более масштабное использование имеющихся наилучших практик, особенно в сфере обращения с отходами. Создание условий для развития отрасли по переработке отходов и их использованию в качестве вторичных ресурсов, расширение присутствия на мировом рынке вторичного сырья, широкое применение бизнес-моделей экономики замкнутого цикла сказалось бы позитивно как на экономике, так и на состоянии окружающей среды регионов Северо-Запада России. Большое значение имеет и экологическое поведение населения, поэтому наряду с мерами по повышению уровня благосостояния необходимы меры по формированию экологической культуры, трансформации ценностей в направлении от общества потребления к обществу рачительного использования ресурсов и бережного отношения к природе. Исследования ряда авторов (см., в частности [30]) показывают, что осведомленность потребителей об экологически чистых продуктах и технологиях активизирует формирование и развитие «зеленого» рынка, «зеленое» предпринимательство и научные исследования в области устойчивого развития.

Список литературы

1. *Henderson H.* Growing the green economy — globally // *International Journal Green Economics*. 2007. Vol. 1, №3/4. P. 276—298.
2. *Morssy A.* Green Growth, Innovation and Sustainable Development // *International Journal of Environment and Sustainability*. 2012. Vol. 1, №3. P. 38-52.
3. *Kasztelan A.* Green growth, green economy and sustainable development: terminological and relational discourse // *Prague Economic Papers*. 2017. Vol. 26, №4. P. 487—499. doi: org/10.18267/j.pep.626
4. *Urmee T., Anda M., Chapman A. et al.* Green Growth in cities: two Australian cases // *Renew. Energy Environ. Sustain.* 2017. Vol. 2, №43. P. 1—9. doi: 10.1051/rees/2017007
5. *Sahimaa O., Mattinen M.K., Koskela, S. et al.* Towards zero climate emissions, zero waste, and one planet living — Testing the applicability of three indicators in Finnish cities // *Sustainable Production and Consumption*. 2017. Vol. 10, № 4. P. 121—132.
6. *Vertakova Y., Plotnikov V.* Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // *Economic Annals-XXI*. 2017. Vol. 166, № 7—8. P. 4—10.
7. *Dudin M.N., Kalendzhyan S.O., Lyasnikov N.V.* «Green Economy»: Practical Vector of Sustainable Development of Russia // *Ekonomicheskaya Politika*. 2017. Vol. 12, №2. P. 86—99.
8. *Fernández Y.F., López M.A., Blanco B.O.* Innovation for sustainability: the impact of R&D spending on CO₂ emissions // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 172, №1. P. 3459—3467.
9. *Lofti M., Yousefi A., Jafari S.* The Effect of Emerging Green Market on Green Entrepreneurship and Sustainable Development in Knowledge-Based Companies // *Sustainability*. 2018. №10. P. 2308.
10. *Antonioli D., Mazzanti M.* Towards a green economy through innovations: the role of trade union involvement // *Ecological Economics*. 2017. Vol. 131, № 1. P. 286—299.
11. *He C., Mao X., Zhu X.* Industrial dynamics and environmental performance in urban China // *Journal of Cleaner Production*. 2018. Vol. 195. P. 1512—1522.
12. *Mumtaz R., Zaman K., Sajjad et al.* Modeling the causal relationship between energy and growth factors, Journey towards sustainable development // *Renewable Energy*. 2014. Vol. 63. P. 353—365.

13. *Tantau A.D., Maassen M.A. Fratila L.* Models for Analyzing the Dependencies between Indicators for a Circular Economy in the European Union // *Sustainability*. 2018. № 10. P. 2141.
14. *Smulders S., Toman M., Withagen C.* Growth theory and «green growth» // *Oxford Review of Economic Policy*. 2014. Vol. 30, № 3. P. 423—446. doi: 10.1093/oxrep/gru027.
15. *Половян А.В., Вишнева Е.Н.* Регулирование коэволюции экономико-экологических популяций в контексте устойчивого развития // *Экономика и математические методы*. 2017. Т. 53, №2. С. 101—117.
16. *Дмитриев В.В., Каледин Н.В.* Интегральная оценка состояния региональных социо-эколого-экономических систем и качества жизни населения (на примере субъектов Северо-Западного федерального округа России) // *Балтийский регион*. 2016. Т. 8, №2. С. 125—140.
17. *Victor P.* The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014. Ecological economics: A personal journey // *Ecological Economics*. 2015. Vol. 109. P. 93—100.
18. *Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Яковлева К.А.* Социально-экономическая эффективность и «зеленый» рост регионального лесопользования // *География и природные ресурсы*. 2015. №4. С. 17—25.
19. *Башмаков И.А., Мышак А.Д.* Вклад регионов в динамику показателей энергоёмкости ВВП России // *Энергосбережение*. 2013. №8. С. 12—17.
20. *Богачкова Л.Ю., Хуриудян Ш.Г.* Декомпозиционный анализ динамики электропотребления и оценка индексов энергоэффективности регионов РФ // *Современная экономика: проблемы и решения*. 2016. №1(73). С. 8—21.
21. *Подкорытова О.А., Раскина Ю.В.* Постсоветское пространство и Европейский Союз: преодоление разрыва в энергоэффективности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2014. №2. С. 103—122.
22. *Глазырина И.П., Забелина И.А.* Перспективы «зеленого» роста на востоке России и новый шелковый путь // *ЭКО*. 2016. №7 (505). С. 5—20.
23. *Ляскова Е.А., Григорьева К.М.* Формирование «зеленой экономики» и устойчивость развития страны и регионов // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент*. 2018. Т.12, №1. С. 15—22.
24. *Erllich P.R., Holdren J.P.* Impact of population growth // *Science, New Series*. 1971. Vol. 171, № 3977. P. 1212—1217.
25. *Commoner B.A.* Bulletin Dialogue on // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1972. Vol. 28, № 17. P. 42—56.
26. *Шкиперова Г.Т., Лукашова И.В., Дружинин В.П.* Сравнительный анализ влияния экономики на окружающую среду в странах с разным уровнем развития // *Экономический анализ: теория и практика*. 2015. №25. С. 20—31.
27. *Савицкая Г.В.* Анализ хозяйственной деятельности предприятия. Минск, 2000.
28. *Пупкова Ю.В.* Социально-экономические факторы экологического поведения населения региона // *Общество: политика, экономика, право*. 2018. №6 (59). С. 62—72.
29. *Бобылев С.Н.* Устойчивое развитие: парадигма для будущего // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, №3. С. 107—113.
30. *Lotfi M., Yousefi A., Jafari, S.* The Effect of Emerging Green Market on Green Entrepreneurship and Sustainable Development in Knowledge-Based Companies // *Sustainability*. 2018. №10. P. 2308.

Об авторе

Елена Андреевна Третьякова, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия.

ORCID: 0000-0002-9345-1040

E-mail: E.A.T.pnrpu@yandex.ru

ENVIRONMENTAL INTENSITY OF ECONOMIC GROWTH
IN THE BALTIC SEA REGIO

E. A. Tretyakova¹

¹ Perm State National Research University
15, Bukireva St, Perm, Russia, 614990

Submitted on September 23, 2018
doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-2

National economic development is subject to a number of restrictions. One of the main constraints is the threat of complete exhaustion of non-renewable resources and environmental pollution exceeding the capacity of the planet. However, the rapid spread of resource-saving technologies is reducing the environmental intensity of economic activities. In this study, I aim to examine the ecological-economic dynamics of the environmental effects of economic development in the regions of Russia's North-Western Federal District (NWFED). I employ an extended version of Peter A. Victor's model to produce a comprehensive evaluation of changes in economic indicators and correlate them with the total and specific environmental impact. I conduct a factor analysis to identify the main effects influencing the ecological-economic dynamics. The use of water resources in the NWFED demonstrates green growth, whereas electricity consumption and wastewater treatment fall into the brown zone and industrial and municipal waste treatment into the black one. The factor analysis has shown that population change has a very weak effect on the situation. Much more influential factors are the income effect (higher incomes translate into greater consumption and thus more significant pollution levels) and the technological effect produced by a decrease in the environmental intensity of production. To promote green development, it is advisable to increase the influence of the technological effect by stimulating resource efficiency and switching to the circular economy model.

Keywords: sustainable development, green economy, economic growth, environmental pressure, North-Western Federal District, Russia

References

1. Henderson, H. 2007, Growing the green economy — globally, *Int. J. Green Economics*, Vol. 1, no. 3/4, p.276—298.
2. Morssy, A. 2012, Green Growth, Innovation and Sustainable Development, *International Journal of Environment and Sustainability*, Vol. 1, no. 3, p. 38—52.
3. Kasztelan, A. 2017, Green growth, green economy and sustainable development: terminological and relational discourse, *Prague Economic Papers*, Vol. 26, no. 4, p. 487—499. Doi: 10.18267/j. pep.626.
4. Urmee, T., Anda, M., Chapman, A., Anisuzzaman, Md. 2017, Green Growth in cities: two Australian cases, *Renew. Energy Environ. Sustain*, Vol. 2, no. 43, p. 1—9. Doi: 10.1051/rees/2017007.
5. Sahimaa, O., Mattinen, M.K., Koskela, S., Salo, M., Sorvari, J., Myllymaa, T., Huuhtanen, J., Seppälä, J. 2017, Towards zero climate emissions, zero waste, and one planet living — Testing the applicability of three indicators in Finnish cities, *Sustainable Production and Consumption*, Vol. 10, no. 4, p. 121—132.
6. Vertakova, Y., Plotnikov, V. 2017, Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy, *Economic Annals-XXI*, Vol. 166, no. 7—8, p. 4—10.
7. Dudin, M.N., Kalendzhyan, S.O., Lyashnikov, N.V. 2017, «Green Economy»: Practical Vector of Sustainable Development of Russia, *Ekonomicheskaya Politika*, Vol. 12, no. 2, p. 86—99 (in Russ.).

8. Fernández, Y.F., López, M.A., Blanco, B.O. 2018, Innovation for sustainability: the impact of R&D spending on CO₂ emissions, *Journal of Cleaner Production*, Vol. 172, no. 1, p. 3459—3467.

9. Lotfi, M., Yousefi, A., Jafari, S. 2018, The Effect of Emerging Green Market on Green Entrepreneurship and Sustainable Development in Knowledge-Based Companies, *Sustainability*, no. 10, p. 2308.

10. Antonioli, D., Mazzanti, M. 2017, Towards a green economy through innovations: the role of trade union involvement, *Ecological Economics*, Vol. 131, no. 1, p. 286—299.

11. He, C., Mao, X., Zhu, X. 2018, Industrial dynamics and environmental performance in urban China, *Journal of Cleaner Production*, no. 195, p. 1512—1522.

12. Mumtaz, R., Zaman, K., Sajjad, F., Lodhi, M.S., Irfan, M., Khan, I., Naseem, I. 2014, Modeling the causal relationship between energy and growth factors, Journey towards sustainable development, *Renewable Energy*, no. 63, p. 353—365.

13. Tantau, A.D., Maassen, M.A. Fratila, L. 2018, Models for Analyzing the Dependencies between Indicators for a Circular Economy in the European Union, *Sustainability*, no. 10, p. 2141.

14. Smulders, S., Toman, M., Withagen, C. 2014, Growth theory and “green growth”, *Oxford Review of Economic Policy*, Vol. 30, no. 3, p. 423—446. Doi: 10.1093/oxrep/gru027.

15. Polovyan, A.V., Vishnevskaya, E.N. 2017, Regulirovanie koehvolyuicii ehkonomiko-ehkologicheskikh populyacij v kontekste ustojchivogo razvitiya, *Ekonomika i matematicheskie metody*, Vol. 53, no. 2, p. 101—117 (in Russ.).

16. Dmitriev, V.V., Kaledin, N.V. 2016, Russian Northwest: An integral Assessment of the Conditions of Regional Social, Environmental and Economic Systems and Quality of Life, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no 2, p. 87—98. Doi: 10.5922/2079-8555-2016-2-7.

17. Victor, P. 2015, The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey, *Ecological Economics*, Vol. 109, p. 93—100.

18. Glazyrina, I.P., Falejchik, L.M., Yakovleva, K.A., 2015, Socio-economic efficiency and “green” growth of regional forest management, *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and natural resources], no. 4, p. 17—25 (in Russ.)

19. Bashmakov, I.A., Myshak, A.D. 2013, Contribution of regions to the dynamics of energy intensity indicators of Russia's GDP, *Energoberezhnie* [Energy saving], no. 8, p. 12—17 (in Russ.)

20. Bogachkova, L. Yu., Hurshudyan, Sh. G. 2016, Decomposition analysis of the dynamics of power consumption and the assessment of energy efficiency indices of Russian regions, *Sovremennaya ehkonomika: problemy i resheniya* [Modern economy: problems and solutions], no. 1(73), p. 8—21 (in Russ.).

21. Podkorytova, O.A., Raskina, Yu.V. 2014, The post-Soviet space and the European Union: bridging the gap in energy efficiency, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University. Economy], no. 2, p. 103—122 (in Russ.).

22. Glazyrina, I.P., Zabelina, I.A. 2016, Prospects for green growth in eastern Russia and the new silk road, *ECO*, Vol. 505, no. 7, p. 5—20 (in Russ.).

23. Lyaskovskaya, E.A., Grigor'eva, K.M. 2018, The formation of a «green economy» and the sustainability of the development of the country and regions, *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management], Vol. 12, no. 1. p. 15—22 (in Russ.).

24. Erlich, P.R., Holdren, J.P. 1971, Impact of population growth, *Science, New Series*, Vol. 171, no. 3977, p. 1212—1217.

25. Commoner, B.A. 1972, Bulletin Dialogue on, *Bulletin of the Atomic Scientists*, Vol. 28, no.17, p. 42—56.

26. Shkiperova, G.T., Lukashova, I.V., Druzhinin, V.P. 2015, Comparative analysis of the impact of the economy on the environment in countries with different levels of development, *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], no. 25, p. 20—31 (in Russ.).

27. Savickaya, G.V. 2000, *Analiz hozyajstvennoj deyatel'nosti predpriyatiya* [Analysis of economic activity of the enterprise], Minsk, 688 p. (in Russ.).

28. Pupkova, Yu. V. 2018, Socio-economic factors of environmental behavior of the population of the region, *Obshchestvo: politika, ehkonomika, parvo* [Society: politics, economics, law], Vol. 59, no. 6, p. 62—72 (in Russ.).

29. Bobylev, S. N. 2017, Sustainable development: a paradigm for the future, *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], Vol. 61, no. 3, p. 107—113 (in Russ.).

30. Lotfi, M., Yousefi, A., Jafari, S. 2018, The Effect of Emerging Green Market on Green Entrepreneurship and Sustainable Development in Knowledge-Based Companies, *Sustainability*, no. 10, p. 2308.

The author

Prof. Elena A. Tretyakova, Department of the World and Regional Economy, Economic Theory, Perm State National Research University, Russia Perm State National Research University, Russia.

ORCID: 0000-0002-9345-1040

E-mail: E.A.T.pnrpu@yandex.ru

To cite this article:

Tretyakova, E. A. 2019, Environmental intensity of economic growth in the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no. 1, p. 14—28. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-2.

ПРИМОРСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ В ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

А. С. Михайлов¹

Рассматривается место приморских агломераций в территориальной неоднородности мирового хозяйства и глобального инновационного пространства. Особое внимание уделено влиянию фактора близости к морским и океаническим побережьям на динамику инновационных процессов. Талассоаттрактивность, проявляемая в повышенной концентрации хозяйственной активности и населения в приморской зоне, анализируется через призму эффектов наращивания инновационного потенциала приморских агломераций и его последующего перераспределения вглубь страны. Выдвигается гипотеза о роли приморских агломераций как важнейших трансформационных элементов национальной инновационной системы. Приводится обзор и систематизация результатов научных исследований, затрагивающих изучение специфики развертывания инновационных процессов в приморских агломерациях под влиянием двух факторов экономика-географического положения — агломерационного и приморского. Результатом исследования является сопоставление и оценка взаимовлияния двух эффектов пространственного развития — урбанизации и талассоаттрактивности, формирующих уникальный портрет городов приморской зоны.

Ключевые слова: инновационное пространство, приморская агломерация, диффузия инноваций, география инноваций, урбанизация, талассоаттрактивность

Введение

В мире отчетливо проявляется неравномерное распределение инновационной активности: треть проводимых НИОКР и около четверти всех высококвалифицированных рабочих мест приходится на 10% регионов, соответствующих административно-территориальным единицам уровня NUTS 2 (область, земля, воеводство). На местном уровне рассматриваемая территориальная диспропорция сохраняется: например, 58% патентной активности сосредоточено в 10% мелкомасштабных регионов с радиусом активных кластерно-сетевых взаимодействий в инновационной сфе-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 27.11.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-3

Для цитирования:

Михайлов А. С. Приморские агломерации в трансформации национального инновационного пространства // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 1. С. 29—42. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-3.

© Михайлов А. С., 2019

ре, не превышающим 200 км¹. Дифференцированное развитие наблюдается и в России практически по всему кругу статистических индикаторов, что обусловлено различиями в экономико-географическом положении, уровне развития инфраструктуры, инвестиционной привлекательности, инновационном потенциале и другими факторами [1—4]. При этом сильно проявляются внутри-региональные контрасты в нарастании сжатия пространства и усилении концентрации. Т. Г. Нефедова [5] приводит данные о том, что более 40% муниципальных образований европейской части России являются депрессивными с тенденцией к усилению периферийности «в пользу» центров.

Аналогичная неоднородность развития прослеживается в отношении прибрежных зон морей и океанов, где большая значимость приморских агломераций во внешнеэкономическом, транспортно-логистическом, геополитическом и иных аспектах хозяйствования повлияла на особую роль данных территорий в инновационном пространстве страны. Принадлежность приморских регионов к активным элементам национального инновационного пространства обусловлена их особым геоэкономическим положением, предопределяющим большую в сравнении с внутренними регионами открытость к новому: идеям, знаниям, инновациям, технологиям. Благоприятность условий приморских регионов для ведения инновационной деятельности подтверждается созданием в них целого ряда успешных форм пространственно-сетевых взаимодействий: инновационных кластеров, технопарков, научно-производственных и технико-внедренческих зон и других, большинство из которых не имеют морехозяйственной специализации. Например, «Кремниевая долина» (США), «Медионовая долина» (Дания — Швеция), «Кремниевый остров Пинанг» (Малайзия), «Кремниевая долина Чжунгуаньцунь» (Китай), «Цифровой комплекс Гуро / Сеул» (Республика Корея), «Отаниеми научный парк» (Финляндия). Эффект талассоаттрактивности, проявляющийся в тяготении экономической деятельности к морю и концентрации в приморских регионах значительных кадровых, финансовых, производственных, инфраструктурных (прежде всего в сфере транспорта и логистики, поскольку до 90% международной торговли осуществляется через порты) и иных ресурсов, регистрируется во всем мире, что вызывает пристальное внимание к приморскому фактору со стороны всех геоэкономически активных государств мира (особенно Великобритании, КНР, США, Японии).

Несмотря на растущую важность приморских регионов и приморских городов как узлов поляризации, в мировой науке наблюдается дефицит комплексных исследований в области изучения особенностей инновационного развития приморских агломераций и их влияния на прилегающие внутренние регионы. Остаются непроработанными вопросы специфики влияния приморского фактора на инновационную деятельность в регионах. Изучение инновационных процессов на уровне городов также проводится значительно реже, нежели на более высоких агрегированных уровнях, которые в меньшей степени информативны для построения детализированной карты инновационного пространства. В данной статье будет систематизирован массив данных, полученных в ходе исследований инновационных процессов под влиянием двух факторов экономико-географического положения — агломерационного и приморского. Особенностью работы станет изучение закономерностей территориального инновационного развития под одновременным воздействием двух общепризнанных эффектов — урбанизации и талассоаттрактивности, последствием влияния которых стало разрастание приморских агломераций.

¹ *OECD. Regions and Innovation: Collaborating across Borders, OECD Reviews of Regional Innovation, OECD Publishing, 2013. Doi: 10.1787/9789264205307-en.*

Территориальная неоднородность в современных условиях хозяйствования

Поляризация геопространства, также отражаемая в терминах «региональная дивергенция», «диспропорция», «асимметрия», «пространственное неравенство, или вариативность», «географическая неоднородность», «межрегиональная дифференциация», «территориальная разобщенность» и других, проявляемая на различных уровнях агрегирования (между странами, регионами, городами, городской и сельской местностью), является предметом интенсивной академической дискуссии с 1950-х годов. Широкий взгляд на перечень факторов, способствующих формированию неоднородности территориального развития, позволяет выделить их в две группы (рис. 1).

Рис. 1. Факторы неоднородности территориального развития

Во-первых, это факторы природного характера, существующие независимо от деятельности человека (адаптируемые под текущие нужды) и характеризующие особенности окружающей среды: климатические условия, географическое положение региона (в том числе относительно других стран и регионов), наличие полезных ископаемых и других природных ресурсов, рельеф местности и расположение над уровнем моря, наличие водных артерий, качество почвы и др. Как отмечает С. А. Шанин [6], природно-ресурсный потенциал — основное измерение, используемое в типологии неоднородности российских регионов. Во-вторых, факторы социального характера, которые можно разделить на три подгруппы: 1) *техногенные*, отражающие уровень освоенности территории и технологического развития в целом. Данный фактор проявляется в обеспеченности услугами коммунального хозяйства (электричество, водопровод, отопление), в социальной инфраструктуре (учреждениями здравоохранения, образования, и др.), уровне развития информационно-коммуникационных технологий (в том числе зоны покрытия сети «Интернет» и качество связи), плотности и качестве дорог, развитости других транспортных артерий, обеспечивающих целостность региона и связывающих его с внешней средой, наличии мостов, портов, железнодорожных станций, аэропортов, доли

городского населения и др.; 2) *институциональные* — развитие социума и общественных институтов, качество образования и здравоохранения, уровень преступности и коррупции, интенсивность мобильности населения (в том числе трудовой), доля банковских и страховых услуг; 3) *интеллектуальные* — характеризующие уровень человеческого капитала, предпринимательского климата, инновационного окружения (и «индустриальной атмосферы»), межорганизационную кооперацию, в том числе в контексте отношений между академической и предпринимательской средой. Методологически факторы *технологичной* подгруппы можно оценить через их наличие и/или количество относительно требуемого, факторы *институциональной* подгруппы — через их качество или долю относительно идеального уровня, факторы *интеллектуальной* подгруппы — через оценку (в первую очередь качественную) элементов региональной экосистемы, фрагментированную на кластеры конкурентоспособности, выражающие идентичность территориальной общности.

Территориальное развитие в контексте представленной типологии факторов предполагает динамичность и нелинейность пространственного неравенства. Основопологающие идеи о детерминантах и закономерностях данного процесса заложены в работах С. Кузнецца [7], который выдвинул гипотезу обратной U-образной кривой в экономическом развитии стран на пути к индустриализации, где разрыв в уровне доходов возрастает до предела и сменяется выравниванием. Подобная волновая траектория объясняется изначальной ограниченностью круга бенефициаров осуществляемых инвестиций, впоследствии расширяемого с ростом занятости в промышленности, что во многом обуславливает ускоренное развитие районов интенсивной хозяйственной освоенности — городов и городских агломераций. Спроецировав закономерности социального неравенства вследствие экономического развития на неравенство геопространства, Дж. Уильямсон [8] одним из первых верифицировал гипотезу о «кривой Кузнецца» в рамках межстранового исследования динамики развития 24 стран. Идея исследования заключалась в том, что неравномерное распределение ключевых природных ресурсов индустриализации внутри стран, приносящих богатство и генерирующих доход², приводит к увеличению регионального неравенства — региональной дивергенции — на ранних этапах экономического развития, за которым следует более широкое распространение доходов на последующих этапах, сокращая неравенство, — процесс региональной конвергенции. Недавние исследования по социально-экономической неоднородности стран Балтийского региона также подтвердили «колоколообразную» кривую с некоторой поляризацией в пользу крупных приморских городов [9].

Следует отметить, что диспропорция в территориальном развитии считается неизбежной (иногда даже стратегически верной в национальном контексте [10]), однако идея цикличности в призме полноценного восполнения неравенства в уровне экономического развития весьма условна (рис. 2).

Круговая зависимость между социальными и экономическими факторами (низкая конкурентоспособность экономики не позволяет привлечь талантливые кадры и повысить производительность труда, что продолжает снижать конкурентоспособность экономики) предполагает вымывание ресурсов в пользу

² Определяющей причиной развития неравенства геопространства в работах Уильямсона виделось распределение природных ресурсов, в частности наличие запасов угля и руды. Дополнительные факторы, способствующие асимметрии или сдерживающие ее, — национальная государственная политика, мобильность капитала, трудовая миграция и межрегиональная связность.

центральных мест, которое не возмещается в полной мере эффектом последующего распространения благ [11—12]. Это связано как с ограниченностью географического ареала в диффузии положительных эффектов, так и с различиями в свойствах старого и нового капитала. Приток новых для региона инвестиций, особенно прямых иностранных, позволяет местным компаниям обучиться новым технологиям (в том числе благодаря обратному инжинирингу), повысить общий уровень квалификации на рынке труда (в том числе за счет взаимобмена компетенциями), сформировать новые цепочки добавленной стоимости, активизировать НИОКР и т. д. В этой связи регионы, притягивающие и «вымывающие» ресурсы, всегда будут опережать в развитии регионы, на которые распространяются отголоски этого развития [13; 14].

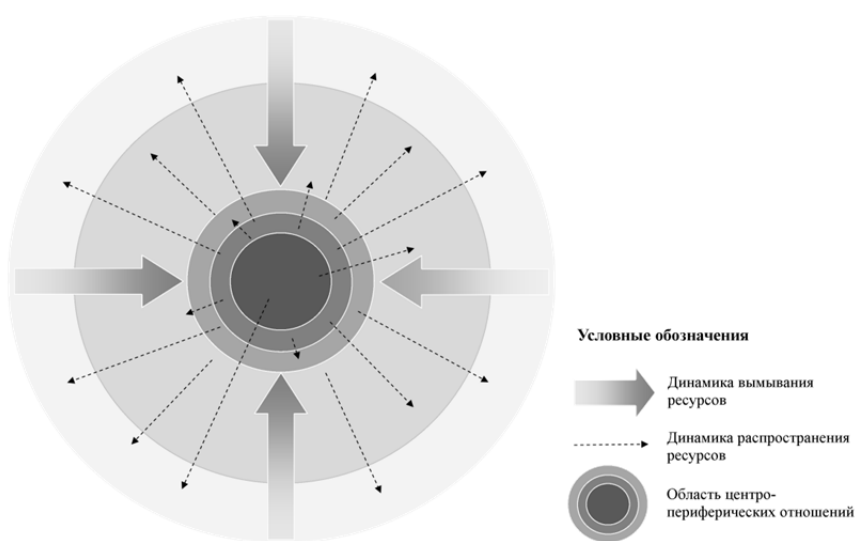

Рис. 2. Эффект вымывания и распространения ресурсов в динамике центрo-периферических отношений

С ростом подвижности товаров, капитала, людей и знания всеобъемлющая глобализация придала еще большую значимость фактору места, обеспечивая крупные агломерации конкурентными преимуществами. Территории с высокой концентрацией хозяйственной активности обеспечивают экономический рост, который приводит к увеличению плотности хозяйствующих субъектов и дальнейшему усилению хозяйственной активности [15; 16]. Местоположение следует рассматривать как конкурентное преимущество (аналогично технологическому или ресурсному потенциалу) и первопричину неравномерности, а гипотетическое уравнивание преимуществ экономико-географического положения, согласно Н. Смиту [17], приведет к идеальной конвергенции. Таким образом, распределение ресурсов в территориальном контексте имеет сложную конфигурацию, не характеризующуюся простым односторонним оттоком в пользу регионов-ядер. С одной стороны, происходит «вымывание» значительного объема ресурсов (человеческих, интеллектуальных, финансовых) в пользу центральных мест того или иного уровня. С другой — подобная концентрация сил позволяет добиться мультипликативного эффекта и обеспечить развитие районов-сателлитов, не обладающих достаточным уровнем экономи-

ческого потенциала и конкурентоспособности. Подобная система взаимосвязей, как правило, реализуется осознанно и согласованно всеми или большинством участвующих регионов. Изменение вектора развития как для центра — переориентация на другие регионы, так и для его сателлитов — становление нового центра — затрудняется устойчивостью сформированных социально-экономических и институциональных связей (в том числе «блокировкой» со стороны профсоюзов, сформированных институтов, особенностей транспортной инфраструктуры и системы расселения, технологических процессов в рамках сообществ добавленной стоимости и др.).

С формированием новых центров экономического роста, дополняющих, а нередко заменяющих старые промышленные центры, ученые получили свидетельства превалирующей значимости новых факторов экономического роста: научно-технического потенциала, человеческого капитала, межотраслевых кластерно-сетевых объединений и порождаемых ими эффектов, институциональных условий, поощряющих долгосрочные высокорисковые инвестиции, высокотехнологичных стартапов как ключевых блоков экономики знаний. Наличие природных месторождений угля, руды, торфа и других становится фактором-ингибитором инновационного развития территории (примером может служить регион Северный Рейн-Вестфалия, ФРГ); в свою очередь, катализатором инновационной активности становится развитость социальной и научной инфраструктуры, благоприятные климатические условия, уровень транспортной системы, наличие сопутствующих сфер обслуживания и другие факторы, способствующие притяжению сообщества инноваторов — предпринимателей, организующих высокотехнологичный малый и средний бизнес, — и формированию инновационной экосистемы. Несмотря на подобную переориентацию с природных и материально-технических ресурсов на интеллектуальный потенциал человека (и территориальный капитал как их совокупности), на сегодняшний день рано говорить о кардинальном сдвиге полюсов, поскольку территориальная система хозяйствования староосвоенных районов имеет значительный задел прочности в противовес недоразвитой инфраструктуре периферии (см. [18; 19]). Значительно вероятнее процесс «перерождения» в контексте перехода к инновационной экономике.

В данном контексте интересна специфика развития приморских агломераций, где подобное «перерождение» проявляется в снижении роли традиционных видов морехозяйственной деятельности (судостроения, судоремонта, рыболовства, марикультуры). Как отмечено в [20], лишь малая доля портовых комплексов выдержала глобальную конкуренцию, вынудив большинство искать новые ниши, в которых регион обладает конкурентными преимуществами или имеет существенный потенциал роста. Происходящие изменения в роли морской составляющей в экономике приморских регионов не пошатнули их лидирующие позиции, что порождает вопросы о первопричинах данного превосходства.

Талассоаттрактивность и региональный рост: специфика приморских регионов в территориальной неоднородности

В прибрежной зоне морей и океанов расположено $\frac{2}{3}$ всех городов мира [21], а плотность населения в 2,5—3 раза превышает континентальную [22; 23]. Миграция населения в приморские регионы свойственна как развитым, так и развивающимся странам. Например, темпы прироста населения приморских городов Южной Европы за последние пятьдесят лет прошлого века

составили 1,8 раза [24]. Разрастание приморских городов в контексте субурбанизации наблюдается и в других регионах Европы [25—27]. Подобный сдвиг к морю характерен на протяжении всей истории человечества, не ослабевая и по сей день. Прогнозируется дальнейшее увеличение численности населения приморских регионов до $\frac{3}{4}$ населения Земли [23; 28]. Несмотря на площадь территории приморской зоны, не превышающей 12%, она обеспечивает до 45% мировой экономики [29].

Приморские регионы выступают в роли контактных зон перераспределения ресурсов, располагаясь во фронтире международной коллаборации. Являясь средоточиями международной торговли, приморские регионы обеспечивают логистику товарных потоков, выступают финансовыми центрами, имеют развитый третичный сектор (особенно сферы банковских услуг, услуг страхования). При этом уровень развития сферы услуг имеет сильную корреляцию с развитием портового комплекса [30]. Крупные порты оказывают положительное влияние на развитие всего национального хозяйства. Например, межрегиональные потоки Гамбурга достигают южных регионов Германии, а Гавра — Парижской агломерации. Узкоспециализированные порты в большей степени ограничиваются развитием экономик региона. Яркий пример — портовые комплексы Роттердама и Антверпена [31]. Большая открытость приморских регионов способствует экономическому росту, сокращая региональную дивергенцию [32]. Основным фактором выступает интенсивная международная кооперация, что проявляется особенно сильно при либерализации торговли и институциональной поддержке международной промышленной интеграции, в том числе на трансакваториальном уровне [33—35].

Наибольший эффект инновационного развития в приморской зоне достигается на уровне городов и агломераций. Р. Флорида выделяет пять агломераций-лидеров США в сфере инновационного развития, четыре из которых — приморские: Бостон, Сан-Диего, Сан-Франциско, Сиэтл [36]. Концентрация ресурсов в приморских городах усиливается естественной ограниченностью приморской зоны, чья особенность позволяет регистрировать закономерности экономических и селитебных систем. Содействие размещению высокотехнологичных компаний в непосредственной близости к портам является одной из текущих стратегий формирования инновационных экосистем портовых городов по всему миру. Яркий пример — Монреаль (Канада) и Роттердам (Нидерланды) [37].

При изучении особой роли портов в диффузии инноваций ключевое внимание традиционно уделяется аспектам функционирования морехозяйственных кластеров (от англ. «maritime clusters») как промышленных комплексов, межотраслевых агломераций и территориальных общественных систем [38], реализующих конкурентный потенциал приморской зоны. При этом такой исследовательский подход позволяет оценить лишь ресурсную функцию приморской территории. Он не учитывает происходящие изменения в значении приморского положения, где море становится фактором комфортного проживания и удобства ведения бизнеса и в меньшей степени выступает источником морских биоресурсов в качестве основного драйвера развития экономики. Исследования канадских ученых на примере портового города Квебека показали, что концентрация наукоемких производств в меньшей степени происходит в морехозяйственном комплексе, а в большей степени в смежных отраслях экономики [39]. Данный факт говорит о том, что виды деятельности, непосредственно связанные с использованием морских транспортных путей и биоресурсов, не способны обеспечить инновационное развитие приморской зоны без развития всех элементов региональной инновационной системы.

Однако наличие портов обеспечивает более высокую концентрацию и циркуляцию ресурсов, миграцию населения, толерантность и открытость общества к новшествам и изменениям, формируя пространство повышенной насыщенности межорганизационных контактов, в том числе трансграничного и трансакториального характера [40—42]. С этих позиций специфика инновационного развития приморских регионов заключается в перекрестном влиянии нескольких факторов-феноменов: талассоаттрактивности, политрансграничности и урбанизации.

Выводы

Объективной реальностью современного инновационного пространства является его неоднородность на межрегиональном и внутрирегиональном уровнях, где особая роль отводится городам — крупным узловым центрам и аттракторам различного рода ресурсов. Выделение городов как мест концентрации людей, идей и капитала рассматривается в геоэкономических исследованиях в качестве наиболее яркой черты пространственного развития современной мировой экономики. Города и городские агломерации являются основными генераторами национального богатства и выступают продуктивной средой для развития инфраструктуры, коммерческих инвестиций, индустриализации, трудовой занятости, внутривосточной миграции, логистики и торговли, прогресса в образовании, потребительского маркетинга, культурной привлекательности, а также выполняют функции «живых лабораторий» (испытательных платформ, тестовых площадок) для внедрения новых решений в области экономики, здравоохранения, образования и экологической устойчивости. Эффективное управление городской средой через механизмы саморазвития, самосовершенствования города и инструменты целенаправленной государственной политики нередко становится сильным импульсом для развития инновационной деятельности, в том числе с диффузией на прилегающие территории.

Приморское положение, несмотря на свою периферийность, способствует развитию приморских городов и регионов. Выступая историческими центрами расселения, большинство приморских территорий относится к староосвоенному типу. Вместе с тем новые технологические уклады не приводят к упадку или отставанию приморских регионов, чья экономика проявляет гибкость и адаптируется под современные требования рынка. Большая интегрированность в мировые миграционные, финансовые, товарные потоки позволяет обеспечить своевременное обновление технологических процессов и спектра бизнес-услуг, модернизацию основных фондов, обеспеченность кадрами. Сверхконцентрация и последующая кластеризация хозяйствующих субъектов в границах городской агломерации приморской зоны позволяет снижать издержки (например, связанные с закупкой сырья и транспортировкой), получать доступ к развитой инфраструктуре и рынку труда, повышать эффективность НИОКР за счет внутриотраслевой или межорганизационной кооперации, объединять усилия по интернационализации или защите внутреннего рынка, а также осуществлять имитацию и перенимать лучшие практики на принципах кооперации — синтеза процессов кооперации и конкуренции. Реализуя функцию хаба глобальных цепочек добавленной стоимости, приморские города играют важную роль в развитии экономики страны и ее национальной инновационной системы. Имея опережающую траекторию развития в переходе от осуществления задач с низкой добавленной стоимостью до формирования самостоятельного инновационного потенциала и будучи первыми интегрированными в

международные сообщества добавленной стоимости, приморские регионы принимают значительное число прямых иностранных инвестиций, располагают иностранными представительствами, накапливают компетенции, что имеет большое значение для развития инноваций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-310-20016 «Приморские города в инновационном пространстве европейской части России».

Список литературы

1. *Бабурин В.Л., Земцов С.П.* География инновационных процессов в России // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2013. №5. С. 25—32.
2. *Глуценко К.П.* Мифы о бета-конвергенции // Журнал новой экономической ассоциации. 2012. №4 (16). С. 26—44.
3. *Moroshkina M.V.* Differentiation of the regions of Russia based on level of economic development // Studies on Russian Economic Development. 2016. 27 (4). P. 441—445. Doi: 10.1134/S1075700716040122.
4. *Uskova T.V., Lukin E.V.* Interregional cooperation: Appraisal and prospects of development // Studies on Russian Economic Development. 2014. 25 (5). P. 514—522. Doi: 10.1134/S1075700714050128.
5. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М., 2003.
6. *Шанин С.А.* Территориальная стратифицированность экономического пространства: особенности и типология. Белгород, 2005.
7. *Kuznets S.* Economic growth and income inequality // The American Economic Review. 1955. № 45 (1). P. 1—28.
8. *Williamson J.G.* Regional inequality and the process of national development: a description of patterns // Economic Development and Cultural Change. 1965. № 13 (4/2). P. 1—84.
9. *Fedorov G.M., Mikhaylov A.S.* Regional divergence dynamics in the Baltic region: towards polarisation or equalization? // Geographia Polonica. 2018. № 91 (4). P. 399—411. Doi.org/10.7163/GPol.0127.
10. *Hirschman A.O.* The Strategy of Economic Development. New Haven, Conn., 1958. Doi.org/10.1177/000271625932500118.
11. *Friedmann J.* Regional Development Policy. Cambridge, 1966.
12. *Myrdal G.* Economic theory and underdeveloped regions. L., 1957.
13. *Parr J.B.* Welfare differences within a nation: A comment // Papers of the Regional Science Association. 1974. № 32 (1). P. 83—91. Doi: 10.1007/BF01942291.
14. *Solow R.* Investment and technical progress // K.J. Arrow, S. Karlin, and P. Suppes (eds.). Mathematical models in the social sciences: Proceedings of the first Stanford symposium, Stanford mathematical studies in the social sciences. 1960. Vol. 4. P. 89—104.
15. *Baldwin R.E., Martin P.* Chapter 60 Agglomeration and regional growth // Handbook of Regional and Urban Economics. 2004. № 4. P. 2671—2711. Doi: 10.1016/S1574-0080(04)80017-8.
16. *Fujita M., Thisse J.-F.* Does geographical agglomeration foster economic growth? And who gains and loses from it? // Japanese Economic Review. 2003. № 54 (2). P. 121—145. Doi: 10.1111/1468-5876.00250.
17. *Smith N.* Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space (Ideas). Blackwell Publishers, 1984.
18. *Бабурин В.Л., Горлов В.Н., Шувалов В.Е.* Совершенствование территориальной структуры Московского региона. Экономико-географические аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 1985. № 1. С. 3—5.
19. *Территориальная структура хозяйства староосвоенных районов / Г.А. Приваловская, С.А. Тархов, А.И. Трейвиш и др.* М., 1995.
20. *Van Geenhuizen M., Rietveld P.* Land-borders and sea-borders: An exploration of differences in border region development // Journal of Borderlands Studies. 2002. 17 (2). P. 63—77. Doi: 10.1080/08865655.2002.9695591.

21. *Cracknell A.P.* Remote sensing techniques in estuaries and coastal zones — An update // *International Journal of Remote Sensing*. 1999. № 20 (3). P. 485—496. Doi: 10.1080/014311699213280.
22. *Emerton L.* Counting coastal ecosystems as an economic part of development infrastructure, *Ecosystems and Livelihoods Group Asia*. Colombo, 2006.
23. *Small C., Nicholls R.J.* A global analysis of human settlement in coastal zones // *Journal of Coastal Research*. 2003. № 19 (3). P. 584—599.
24. *Salvati L.* Looking at the Future of the Mediterranean Urban Regions: Demographic Trends and Socioeconomic Implications // *Romanian Journal of Regional Science*. 2014. № 8 (2). P. 74—83.
25. *Amen M., Harris R., Baird R.C.* Coastal urbanization: the challenge of management lag // *Management of Environmental Quality: An International Journal*. 2009. № 20 (4). P. 371—382. Doi: 10.1108/14777830910963726.
26. *Fedorov G.M., Kuznetsova T.Y., Razumovskii V.M.* How the proximity of the sea affects development of economy and the settlement pattern in Kaliningrad oblast // *Regional Research of Russia*. 2017. № 7 (4). P. 352—362. Doi: 10.1134/S2079970517040025.
27. *Mikhaylov A.S., Mikhaylova A.A., Kuznetsova T.Y.* Coastalization effect and spatial divergence: Segregation of European regions // *Ocean and Coastal Management*. 2018. № 161. P. 57—65. Doi: 10.1016/j.ocecoaman.2018.04.024.
28. *Crowell M., Edelman S., Coulton K., McAfee S.* How many people live in coastal areas? // *Journal of Coastal Research*. 2007. № 23 (5). P. III—VI. Doi: 10.2112/07A-0017.1.
29. *Glavovic B.C.* Coastal innovation paradox // *Sustainability (Switzerland)*. 2013. № 5 (3). P. 912—933. Doi: 10.3390/su5030912.
30. *Ducruet C., Itoh H.* Regions and material flows: Investigating the regional branching and industry relatedness of port traffics in a global perspective // *Journal of Economic Geography*. 2016. № 16 (4). P. 805—830. Doi: 10.1093/jeg/lbv010.
31. *Merk O.M., Manshanden W.J.J., Dröes M.I.* Inter-regional spillovers of seaports: The case of North-West Europe // *International Journal of Transport Economics*. 2013. № 40 (3). P. 401—417.
32. *Anderson E.* Openness and inequality in developing countries: A review of theory and recent evidence // *World Development*. 2005. № 33 (7). P. 1045—1063. Doi: 10.1016/j.worlddev.2005.04.003.
33. *Behrens K., Gaigné C., Ottaviano G.I.P., Thisse J.-F.* Countries, regions and trade: On the welfare impacts of economic integration // *European Economic Review*. 2007. № 51 (5). P. 1277—1301. Doi: 10.1016/j.eurocorev.2006.08.005.
34. *Ezcurra R., Rodriguez-Pose A.* Does Economic Globalization affect Regional Inequality? A Cross-country Analysis // *World Development*. 2013. № 52. P. 92—103. Doi: 10.1016/j.worlddev.2013.07.002.
35. *Дружинин А.Г.* Аквальные форматы трансграничной регионализации на Западном побережье России: центр-периферийная специфика // *Балтийский регион — регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного побережья России : матер. междунар. науч. конф. / под ред. Г.М. Федорова, Л.А. Жиндарева, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. Калининград, 2018. С. 6—16.*
36. *Florida R.* *The Rise of the Creative Class*. Basic Books, 2012.
37. *Witte P., Slack B., Keesman M. et al.* Facilitating start-ups in port-city innovation ecosystems: A case study of Montreal and Rotterdam // *Journal of Transport Geography*. 2018. № 71. P. 224—234. Doi: 10.1016/j.jtrangeo.2017.03.006.
38. *Doloreux D.* What is a maritime cluster? // *Marine Policy*. 2017. № 83. P. 215—220. Doi: 10.1016/j.marpol.2017.06.006.
39. *Doloreux D., Shearmur R., Figueiredo D.* Québec' coastal maritime cluster: Its impact on regional economic development, 2001—2011 // *Marine Policy*. 2016. № 71. P. 201—209. Doi: 10.1016/j.marpol.2016.05.028.
40. *Baldwin R.E., Martin P.* Chapter 60 Agglomeration and regional growth // *Handbook of Regional and Urban Economics*. 2004. № 4. P. 2671—2711. Doi: 10.1016/S1574-0080(04)80017-8.

41. Дружинин А.Г., Горочная В.В., Гонтарь Н.В. и др. Трансграничные кластеры в приморских зонах европейской части России: инвентаризация, типологизация, идентификация факторов и перспектив развития // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 29—44.

42. Druzhinin A. G., Gorochnaya V. V., Dets I. A. et al. Trans-aquatorial clustering within the trend of cross-border international economic interactions // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. № 6 (5). P. 128—135.

Об авторе

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5155-2628>

COASTAL AGGLOMERATIONS AND THE TRANSFORMATION OF NATIONAL INNOVATION SPACES

A. S. Mikhaylov¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, Russia, 236016

Submitted on November 27, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-3

In this article, I discuss the role of coastal agglomerations in the territorial heterogeneity of the world economy and the global innovation space. I pay particular attention to how proximity to the sea and ocean coasts influences the dynamics of innovation processes. I analyse coastalisation (the movement of economic activity and population to coastal zones) by considering the effects and inland diffusion of the exceptionally high innovative potential of coastal agglomerations. I put forward the hypothesis that coastal agglomerations are the most important transformational elements of a national innovation system. Further, I outline and systematise findings dealing with the specifics of innovative processes taking place in coastal agglomerations under the influence of the agglomerative and coastal factors. The result of this study is a comparison and assessment of the mutual influence of the two effects of spatial development that translate into the unique identity of coastal zone cities: urbanisation and coastalisation.

Keywords: innovation space, coastal agglomeration, innovation diffusion, innovation geography, urbanization, coastalisation

References

1. Baburin, V.L., Zemtsov, S.P. 2013, Geography of innovation processes in Russia, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], no. 5, p. 25—32 (in Russ.).
2. Gluschenko, K. 2012, Myths about Beta-Convergence, *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], no. 4 (16), p. 26—44 (in Russ.).
3. Moroshkina, M.V. 2016, Differentiation of the regions of Russia based on level of economic development, *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 27, no. 4, p. 441—445. Doi: 10.1134/S1075700716040122.
4. Uskova, T.V., Lukin, E.V. 2014, Interregional cooperation: Appraisal and prospects of development, *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 25, no. 5, p. 514—522. Doi: 10.1134/S1075700714050128.
5. Nefedova, T.G. 2003, *Sel'skaya Rossiya na pereput'e: Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads Sel'skaya Rossiya na pereput'e: Geograficheskie ocherki: Geographical Essays], Moscow (in Russ.).
6. Shanin, S.A. 2005, *Territorial'naya stratifikatsionnaya ekonomicheskogo prostanstva: osobennosti i tipologiya* [Territorial stratification of economic space: features and typology], Belgorod (in Russ.).
7. Kuznets, S. 1955, Economic growth and income inequality, *The American Economic Review*, Vol. 45, no. 1, p. 1—28.
8. Williamson, J.G. 1965, Regional inequality and the process of national development: a description of patterns, *Economic Development and Cultural Change*, Vol. 13, no. 4/2, p. 1—84.
9. Fedorov, G.M., Mikhaylov, A.S. 2018, Regional divergence dynamics in the Baltic region: towards polarisation or equalization? *Geographia Polonica*, Vol. 91, no. 4, p. 399—411. Doi: 10.7163/GPol.0127.
10. Hirschman, A.O. 1958, *The Strategy of Economic Development*. New Haven, Conn, doi: 10.1177/000271625932500118.
11. Friedmann, J. 1966, *Regional Development Policy*, Cambridge.
12. Myrdal, G. 1957, *Economic theory and underdeveloped regions*, London.
13. Parr, J.B. 1974, Welfare differences within a nation: A comment, *Papers of the Regional Science Association*, Vol. 32, no. 1, p. 83—91. Doi: 10.1007/BF01942291.
14. Solow, R. 1960, Investment and technical progress. In: Arrow, K.J., Karlin S., Suppes P. (eds.) *Mathematical models in the social sciences: Proceedings of the first Stanford symposium, Stanford mathematical studies in the social sciences*, Vol. IV, p. 89—104, Stanford, CA.
15. Baldwin, R.E., Martin, P. 2004, Chapter 60 Agglomeration and regional growth, *Handbook of Regional and Urban Economics*, no. 4, p. 2671—2711. Doi: 10.1016/S1574-0080(04)80017-8.
16. Fujita, M., Thisse, J.-F. 2003, Does geographical agglomeration foster economic growth? And who gains and loses from it? *Japanese Economic Review*, Vol. 54, no. 2, p. 121—145. Doi: 10.1111/1468-5876.00250.
17. Smith, N. 1984, *Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space (Ideas)*, Blackwell Publishers.
18. Baburin, V.L., Gorlov, V.N., Shuvalov, V.E. 1985, Improving the territorial structure of the Moscow region. Economic and geographical aspects, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography], no. 1, p. 3—5. (in Russ.).
19. Privalovskaya, G.A., Tarkhov, S.A., Treyvish, A.I. etc. 1995, *Territorial'naya struktura khozyaistva staroosvoennykh* [The territorial structure of the economy of the old developed areas], Moscow (in Russ.).
20. van Geenhuizen, M., Rietveld, P. 2002, Land-borders and sea-borders: An exploration of differences in border region development, *Journal of Borderlands Studies*, Vol. 17, no. 2, p. 63—77. Doi: 10.1080/08865655.2002.9695591.

21. Cracknell, A. P. 1999, Remote sensing techniques in estuaries and coastal zones — An update, *International Journal of Remote Sensing*, Vol. 20, no. 3, p. 485—496. Doi: 10.1080/014311699213280.
22. Emerton, L. 2006, *Counting coastal ecosystems as an economic part of development infrastructure*, *Ecosystems and Livelihoods Group Asia*, Colombo.
23. Small, C., Nicholls, R. J. 2003, A global analysis of human settlement in coastal zones, *Journal of Coastal Research*, Vol. 19, no. 3, p. 584—599.
24. Salvati, L. 2014, Looking at the Future of the Mediterranean Urban Regions: Demographic Trends and Socioeconomic Implications, *Romanian journal of regional science*, Vol. 8, no. 2, p. 74—83.
25. Amen, M., Harris, R., Baird, R. C. 2009, Coastal urbanization: the challenge of management lag, *Management of Environmental Quality: An International Journal*, Vol. 20, no. 4, p. 371—382. Doi: 10.1108/14777830910963726.
26. Fedorov, G. M., Kuznetsova, T. Y., Razumovskii, V. M. 2017, How the proximity of the sea affects development of economy and the settlement pattern in Kaliningrad oblast, *Regional Research of Russia*, Vol. 7, no. 4, p. 352—362. Doi: 10.1134/S2079970517040025.
27. Mikhaylov, A. S., Mikhaylova, A. A., Kuznetsova, T. Y. 2018, Coastalization effect and spatial divergence: Segregation of European regions, *Ocean and Coastal Management*, no. 161, p. 57—65. Doi: 10.1016/j.ocecoaman.2018.04.024.
28. Crowell, M., Edelman, S., Coulton, K., McAfee, S. 2007, How many people live in coastal areas? *Journal of Coastal Research*, Vol. 23, no. 5, p. III-VI. Doi: 10.2112/07A-0017.1.
29. Glavovic, B. C. 2013, Coastal innovation paradox, *Sustainability (Switzerland)*, Vol. 5, no. 3, p. 912—933. Doi: 10.3390/su5030912.
30. Ducruet, C., Itoh, H. 2016, Regions and material flows: Investigating the regional branching and industry relatedness of port traffics in a global perspective, *Journal of Economic Geography*, Vol. 16, no. 4, p. 805—830. Doi: 10.1093/jeg/lbv010.
31. Merk, O. M., Manshanden, W. J. J., Dröes, M. I. 2013, Inter-regional spillovers of seaports: The case of North-West Europe, *International Journal of Transport Economics*, Vol. 40, no. 3, p. 401—417.
32. Anderson, E. 2005, Openness and inequality in developing countries: A review of theory and recent evidence, *World Development*, Vol. 33, no. 7, p. 1045—1063. Doi: 10.1016/j.worlddev.2005.04.003.
33. Behrens, K., Gaigné, C., Ottaviano, G. I. P., Thisse, J.-F. 2007, Countries, regions and trade: On the welfare impacts of economic integration, *European Economic Review*, Vol. 51, no. 5, p. 1277—1301. Doi: 10.1016/j.euroecorev.2006.08.005.
34. Ezcurra, R., Rodríguez-Pose, A. 2013, Does Economic Globalization affect Regional Inequality? A Cross-country Analysis, *World Development*, no. 52, p. 92—103. Doi: 10.1016/j.worlddev.2013.07.002.
35. Druzhinin, A. G. 2018, Aquatic formats of cross-border regionalization in the western part of Russia: the center-peripheral specificity. In: Fedorov, G. M., Zhindarev, L. A., Druzhinin, A. G., Palmovsky, T. (eds.) *The Baltic region — the region of cooperation-2018: problems and prospects for cross-border cooperation along the Western border of Russia*, international scientific conference, p. 6—16.
36. Florida, R. 2012, *The Rise of the Creative Class. Basic Books*.
37. Witte, P., Slack, B., Keesman, M., Jugie, J.-H., Wiegman, B. 2018, Facilitating start-ups in port-city innovation ecosystems: A case study of Montreal and Rotterdam, *Journal of Transport Geography*, no. 71, p. 224—234. Doi: 10.1016/j.jtrangeo.2017.03.006.
38. Doloreux, D. 2017, What is a maritime cluster? *Marine Policy*, no. 83, p. 215—220. Doi: 10.1016/j.marpol.2017.06.006.
39. Doloreux, D., Shearmur, R., Figueiredo, D. 2016, Québec' coastal maritime cluster: Its impact on regional economic development, 2001—2011, *Marine Policy*, no. 71, p. 201—209. Doi: 10.1016/j.marpol.2016.05.028.
40. Baldwin, R. E., Martin, P. 2004, Chapter 60 Agglomeration and regional growth, *Handbook of Regional and Urban Economics*, no. 4, p. 2671—2711. Doi: 10.1016/S1574-0080(04)80017-8.

41. Druzhinin, A. G., Gorochnya, V. V., Gontar, N. V., Dets, I. A., Lachinskiy, S. S., Mikhailov, A. S. 2017, Transboundary clusters in the coastal zones of the european part of russia: inventory, typology, factors, and prospects, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 21—32. Doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-2.

42. Druzhinin, A. G., Gorochnaya, V. V., Dets, I. A., Latchninsky, S. S., Mikhaylov, A. S., Volkhin, D. A. 2016, Trans-aquatorial clustering within the trend of cross-border international economic interactions, *International Journal of Economics and Financial*, Vol. 6, no. 5, p. 128—135.

The author

Dr Andrey S. Mikhaylov, Leading Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: andrMikhaylov@kantiana.ru

ORCID: 0000-0002-5155-2628

To cite this article:

Mikhaylov, A. S. 2019, Coastal agglomerations and the transformation of national innovation spaces, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no. 1, p. 29—42. doi: 10.5922/2078-8555-2019-1-3.

ПОЛИТИКА

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКОГО МЕНЬШИНСТВА В ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

И. М. Бусыгина¹
А. Д. Онищенко²

Этнический состав населения в значительной степени определяет внутреннюю политику государства и его взаимоотношения с соседями. В Литве проблема взаимодействия с этническими меньшинствами хотя и не стоит столь остро, как в других странах Балтии, однако конфликтные ситуации продолжают возникать, особенно в отношениях литовского государства с крупнейшим по численности польским меньшинством. Одной из проблем является мягкая дискриминационная политика Литвы в отношении меньшинств. Помимо отношений в триаде «Литва — польское меньшинство — Польша» на положение поляков в Литве влияют как членство Литвы и Польши в Евросоюзе, так и отношения Литвы с Россией и русское меньшинство в Литве. Проведенный в статье анализ показывает, что членство Литвы и Польши в Евросоюзе не решило автоматически проблему польского меньшинства, хотя фактор ЕС вносит вклад в понижение степени интенсивности проблемы. Данный фактор играл принципиальную роль до вступления Литвы и Польши в Союз, сейчас же его влияние значительно сократилось. По-другому работает российский фактор: напряженные отношения между Польшей и Россией не отражаются на отношениях между польским и русским меньшинствами в Литве, напротив, оба меньшинства сотрудничают друг с другом по многим вопросам.

¹ НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, 190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.
² АНО «ТВ-Новости», 111020, Россия, Москва, ул. Боровая, 3.

Поступила в редакцию 20.09.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-4

Для цитирования:

Бусыгина И. М., Онищенко А. Д. Положение польского меньшинства в Литовской Республике: внутренние и внешние факторы влияния // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №1. С. 43—59. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-4.

© Бусыгина И. М., Онищенко А. Д., 2018

Ключевые слова: этнические меньшинства, польское меньшинство в Литве, Литва, Польша, Европейский союз, Россия

Введение

Вопрос о политике национального правительства в отношении этнического разнообразия считается одним из ключевых с точки зрения перспектив мира и демократии в Европе [1, с. 5—16]. Способы урегулирования проблем, связанных с положением этнических меньшинств, в европейских странах крайне разнообразны, европейские правительства по-раз-

ному реагируют на проблемы региональной безопасности, вопросы внутри-политической конкуренции, политического представительства и экономического перераспределения. Кроме того, положение этнических меньшинств является одним из важных индикаторов состояния либеральной демократической системы и ее развития, особенно в государствах, где процесс национального строительства еще не закончен.

Для стран региона Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) характерна тесная связь большинства этнических групп с соседними «странами происхождения». Это может вызывать значительную напряженность в отношениях между соседними странами и повышает риск межгосударственных конфликтов. Хотя конституции всех «новых» стран-членов Евросоюза (вступивших в ЕС с 2004 года) содержат гарантии прав этнических (национальных) меньшинств, их положение в регионе ЦВЕ значительно отличается от страны к стране [2, с. 40]. Сказанное можно с полным основанием отнести и к прибалтийскому региону. В целом ситуация с положением этнических меньшинств в Литве считается более благополучной, чем в соседних Латвии и Эстонии, уровень их дискриминация значительно ниже, тем не менее польское и русское меньшинства, проживающие на территории Литвы, высказывают претензии в отношении системной дискриминации со стороны правительства Литвы по ряду вопросов, включая недофинансирование образовательных и культурных учреждений меньшинств, «литизацию» польских фамилий и переименование названий улиц в нескольких польских сообществах. Однако, в отличие от Эстонии и Латвии, члены национальных меньшинств, проживающие в Литве, получили гражданство сразу после обретения независимости и не сталкиваются с открыто дискриминационной паспортной политикой.

В статье мы исследуем положение польского меньшинства в Литве. Характер исторического развития стран ЦВЕ обусловил отсутствие конгруэнтности между этническими нациями и государствами. В то же время народы этих стран рассматривают такую конгруэнтность, как некий идеал и в то же время свидетельство зрелости и полноценности национального государства. Такой подход неизбежно ведет к разочарованиям, напряжениям и конфликтам. Роджер Брубейкер предложил исследовать отношения в треугольнике — между государством в процессе национального строительства, этническим меньшинством на территории этого государства и «государством происхождения» меньшинства — на основе нескольких предпосылок. Согласно его подходу, наиболее важным приоритетом государства в процессе национального строительства (в нашем случае это Литва) является завершение этого процесса и обретение «полноценного» государства. Этнические меньшинства стремятся к тому, чтобы государство признало их особую этнокультурную идентичность и наделило эти группы особыми культурными и политическими правами (в нашем случае — польское меньшинство в Литве). В то же время меньшинства добиваются признания их полноправными членами «большой» этнической нации в «государстве происхождения» (в нашем случае это Польша) [2]. Модель Брубейкера представляется нам адекватной основой для исследования, поскольку она предусматривает анализ взаимоотношений между тремя наиболее значимыми акторами. В то же время ограничением модели является то, что она исходит из предпосылки закрытости системы (два государства и меньшинство), тогда как данная система принципиально открыта для внешних влияний. Таким образом, к модели Брубейкера мы добавляем еще два фактора, важные именно для предмета нашего изучения, — это фактор Евросоюза и российский фактор (русское меньшинство в Литве и географическая близость России). Мы

утверждаем, что на структуру интересов и положение этнического меньшинства в составе национального государства будут влиять не только отношения в триаде, но и внешние факторы (в нашем случае это ЕС и Россия). Это делает характер отношений и взаимосвязей еще более сложным и непредсказуемым.

Структура статьи выглядит следующим образом. В первых трех разделах рассмотрены отношения в триаде «Литва и Польша — польское меньшинство и литовское государство — польское меньшинство и его “страна происхождения” Польша». В четвертом разделе анализируются ограничения и возможности, возникающие для участников триады как следствие членства Литвы и Польши в Евросоюзе. Пятый раздел изучает роль российского фактора (и российского меньшинства) для соседней Литвы с точки зрения его влияния на положение польского меньшинства. В заключении подведены итоги.

Литва и Польша: характер межгосударственных отношений

Отношения Литвы и Польши носят неоднозначный характер. С одной стороны, это страны-союзники, члены блока НАТО и Евросоюза, что подразумевает высокий уровень взаимной политической лояльности. С другой — между этими странами до сих пор сохраняется ряд обусловленных историческим наследием противоречий, это прежде всего вопрос Вильнюса и Вильнюсского края, а также политика по отношению к этническим меньшинствам в Литве [3, р. 18—24].

Однако в отношениях между этими странами существуют особенности, связанные с весьма необычным историческим наследием. Во-первых, речь идет о нахождении Литвы и Польши в составе единого государства — Речи Посполитой. Речь Посполитая возникла в 1569 году в результате подписания Люблинской унии и рассматривается литовцами, скорее, как негативная страница в истории, поскольку уния наделила польскую шляхту значительно большими правами и возможностями, чем литовскую знать [4, р. 63—67].

Второй, и не менее значимой, исторической вехой, определяющей отношения Литвы и Польши, являются межвоенные годы (1917—1940), особенно конец этого периода. Литва столкнулась с серьезным кризисом после начала Второй мировой войны: в 1939—1940 годах страна была вынуждена принять не менее 27 тысяч беженцев из Польши. Не только польские беженцы, но и последовавшее за оккупацией Польши возвращение в октябре 1939 года Вильнюса при поддержке СССР оказало серьезное влияние на дальнейшую политику Литвы, связанную с польскими мигрантами [5, р. 461—462]. В сложившейся ситуации бесконфликтное взаимодействие между Литвой и Польшей и справедливая политика Литвы в вопросе польского меньшинства были маловероятны. Целый ряд дискриминационных мер в отношении поляков, проживающих на территории Литвы, был введен Литвой к 1940 году: около 83 тысяч поляков были лишены гражданских прав, все беженцы, не успевшие пройти регистрацию (многие из них были поляками), оказались заключены в тюрьму, последовательно проводилась «литуанизация» Вильнюса и делалось все для снижения политического участия беженцев, а позже и новоприбывших (англ. *newcomers*), и затрат на их поддержку [5, р. 462, 465, 468, 474]. Все это происходило на фоне разворачивающейся в Европе войны и осуждения политики Литвы в отношении беженцев и польского меньшинства со стороны союзников.

Тем не менее сегодня членство обеих стран в НАТО и ЕС свидетельствует о том, что связи между Польшей и Литвой тесны на многих направлениях: военном, экономическом, политическом и т. д., однако между этими странами получил развитие и двусторонний формат отношений в рамках разного рода

институтов — консультативных органов, парламентских обменов и т. п., в первую очередь по приграничным проблемам и вопросам культуры. Так, в двустороннем формате Литву и Польшу связывают такие институты, как консультационный комитет президентов Польши и Литвы, межпарламентская ассамблея Польши и Литвы (создана в 1997 году), межправительственный совет по сотрудничеству между Литвой и Польшей (1997), международная комиссия по приграничному сотрудничеству Литвы и Польши (1996) [3, р. 20]. Кроме того, Польша и Литва активно сотрудничают и по вопросам, связанным с отношениями с Российской Федерацией. Стоит подчеркнуть, что особую плотность связей между двумя государствами придает то, что сотрудничество развивается через институты как исполнительной, так и законодательной власти, как на «высоком» межправительственном, так и на местном уровнях.

Однако формально тесное сотрудничество в целом не умаляет имеющиеся проблемы между этими нациями. Одним из наиболее сложных в отношениях между Литвой и Польшей является Вильнюсский вопрос, который возник еще в начале XX века как конфликт между государствами из-за города Вильно (современный Вильнюс) и территорий вокруг него [6]. В 1920 году Польша на непродолжительный срок сумела захватить эти территории, что привело к тому, что до 1938 года дипломатические отношения между странами были прерваны. Многие исследователи отмечали, что конфликт вокруг Вильно и последующий захват города польскими войсками стали результатом противоречий, назревающих в течение десятилетий из-за неравномерного распределения прав, привилегий и представительства двух народов в объединенном государстве Польши и Литвы [7, с. 21]. Этот конфликт способствовал выработке особого отношения литовцев к окружающим их крупным странам и ревностному обереганию собственной идентичности и территории.

Тем не менее после распада Советского Союза Литва и Польша сумели найти компромисс, и в 1994 году эти страны подписали Договор о дружеских отношениях и добрососедской кооперации, согласно которому (ст. 13, 14 и 15) литовскому и польскому меньшинствам, проживающим в Польше и Литве соответственно, гарантировались одинаковые права¹.

Литва и польское меньшинство

Польская диаспора в Литве всегда была неотъемлемой частью населения этого государства. На современном этапе польское население представляет собой крупнейшую по численности этническую группу на территории литовского государства. В 2009 году процент поляков, постоянно проживающих в Литве, составлял 6,1 % от общего числа населения. Наибольшее их количество живет в Вильнюсе и Вильнюсском крае — около 200 тыс. человек². Динамика населения Литвы в 2001—2018 годах показывает, что, несмотря на постоянно снижающееся число как всего населения, так и представителей национальных меньшинств в стране, примерное соотношение в случае с польским населением страны остается на уровне 6 %. Так, в 2001 году население Литвы составля-

¹ *Lietuvos Respublikos ir Lenkijos Respublikos draugisku santykiu ir gero kaimyninio bendradarbiavimo sutartis*. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.11154> (дата обращения: 29.08.2018).

² В 2011 году на территории Вильнюса проживало около 88 тысяч поляков (16,5 % от общего населения города), а польское население Вильнюсского края составляло 60 % всего населения этого региона (*Lietuvos gyventojai 2009 metais. 2009 m. gyventoju sarasymo duomenys // Lietuvos statistikos departamentas*. URL: https://osp.stat.gov.lt/gyven_tojai1 (дата обращения: 01.08.2018)).

ло 3 483 972 человека, тогда как число поляков — 234 989 человек, или 6,7% от общего количества населения³. Через 10 лет, в 2011 году, при общем населении в 3 043 429 человек число поляков было 200 317 (6,6%)⁴. Общее количество поляков за первое десятилетие XXI века уменьшилось на 14,8%, а к 2018 году общее число населения Литвы снизилось до 2 800 738 человек⁵ (статистика за 2016—2018 годы показывает, что в этот период население Литвы уменьшилось с 2 870 351 до 2 800 738 человек⁶), но численность польских жителей в относительных значениях сохранилась на высоком уровне — около 6%. Снижение количества поляков, проживающих на территории Литвы в течение последних четырнадцати лет, связано в основном с вступлением Литвы в Евросоюз с последующим открытием границ для свободного перемещения без необходимости официально регистрировать свой отъезд из страны. Все эти данные свидетельствуют о том, что польское население Литвы является достаточно значимым фактором политической, экономической и общественной жизни литовского государства.

Этот фактор имеет весьма проблемный характер, оказывая в целом негативное воздействие на литовско-польские отношения. Еще в 1995 году в Евросоюзе был принят План Балладура, в результате реализации которого страны-кандидаты на членство в ЕС должны были двигаться к решению проблем национальных меньшинств, заключая двусторонние договоры с соседями [8]. В 1994 году Польша и Литва, ставшие членами Евросоюза одновременно в 2004 году, подписали двусторонний договор, гарантировавший получение образования на польском языке в регионе компактного проживания поляков в Литве, возможность двуязычия топографических знаков на этой территории и сохранение польского написания имен и фамилий в официальных литовских документах [9]. Однако проблема так и не была решена. Литва проводит довольно жесткую политику в отношении национальных меньшинств (польского в первую очередь), уменьшая их возможности в получении образования на родном языке: так, литовское правительство ввело ряд ограничений, касающихся национальных меньшинств (например, в 2011 году произошло сокращение количества школ, имеющих право преподавать на языке национального меньшинства, это произошло после принятия нового закона об образовании, который увеличил количество часов преподавания литовского языка, ввел преподавание истории и географии на литовском языке, в том числе и в школах национальных меньшинств, и т.д.⁷). Очевидно, что политика, проводимая литовскими властями, противоречит подписанному двустороннему договору о равных правах меньшинств от 1994 года и Конституции Литовской Республики, согласно которой (ст. 37) национальным меньшинствам гарантируется право на сохранение национального языка, его использование и получение образования на национальном языке⁸.

³ *Lietuvos gyventojai 2001 metais*. 2001 m. gyventoju sarasymo duomenys // Lietuvos statistikos departamentas. URL: <https://osp.stat.gov.lt/gyventojai1> (дата обращения: 01.08.2018).

⁴ *Lietuvos gyventojai 2011 metais*. 2011 m. gyventoju sarasymo duomenys // Ibid. URL: http://statistics.bookdesign.lt/esu_04.htm?lang=lt (дата обращения: 01.08.2018).

⁵ *Lietuvos gyventojai 2018 metais*. 2018 m. gyventoju sarasymo duomenys // Ibid. URL: <https://osp.stat.gov.lt/gyventojai1> (дата обращения: 01.08.2018).

⁶ *Lietuvos gyventojai 2016 metais*. 2016 m. gyventoju sarasymo duomenys // Ibid.

⁷ *Lietuvos Respublikos svietimo istatymo pakeitimo istatymas*. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.395105> (дата обращения: 29.08.2018).

⁸ *Lietuvos Respublikos Konstitucija*. URL: http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija.htm#II_SKIRSNIS_ZMOGUS_IR_VALSTYBE (дата обращения: 29.08.2018).

С другой стороны, литовское государство весьма либерально в отношении этнических организаций и политических объединений. В Литовской Республике разрешена организация политических партий по этническому признаку: наиболее крупные из зарегистрированных в Литве партий такого рода — это «Союз русских Литвы», «Русский альянс» и «Избирательная акция поляков Литвы». В настоящее время эти партии сформировали блок, чтобы эффективнее отстаивать общие интересы этнических групп в литовском государстве.

«Избирательная акция поляков Литвы» традиционно получает на выборах процент голосов, который приблизительно соответствует проценту поляков, проживающих в Литве согласно переписям (5—7%). На выборах в Сейм в 2016 году «Избирательная акция поляков Литвы» получила три мандата (5,48% голосов) совместно с партией «Союз христианских семей», с которой она объединилась⁹. Однако наиболее успешными результатами партия может похвастаться на региональных и муниципальных выборах в Вильнюсе и Вильнюсском крае: 31 и 51 мандат соответственно достались именно представителям «Избирательной акции поляков Литвы». Это весьма логично, принимая во внимание то, что в Вильнюсе и Вильнюсском крае проживает свыше половины всех литовских поляков¹⁰.

Нельзя, однако, не упомянуть, что добрососедские отношения между Литвой и Польшей, которые развиваются на уровне институционального взаимодействия, не смягчают достаточно жесткую риторику со стороны в основном литовских политиков, применяемую к участвующим в политике представителям польской диаспоры.

Например, в 2014 году премьер-министр Литвы Альгирдас Буткявичюс дал категорическую оценку претензиям Вальдемара Томашевски — лидера партии «Избирательная акция поляков Литвы», который (небезосновательно) обвинял правительство Литвы в дискриминационной политике в отношении польской диаспоры, проживающей на территории Литвы. А. Буткявичюс не просто опровергнул претензии лидера литовских поляков, но указал на его «недостаточную политическую культуру», а президент Литвы Даля Грибаускайте даже ставила в вину Томашевски попытки дискредитировать Литву на международной арене¹¹. Томашевски же в одном из своих интервью сказал, что всегда старается вести диалог с другими политиками, но все его попытки наладить таковой с президентом Грибаускайте обречены на провал, поскольку она «не приемлет наличие альтернативного мнения и всегда остается единственной правой»¹². В том же году «Избирательную акцию поляков Литвы» исключили из правящей коалиции [10], перед этим не позволив им внести на

⁹ 2016 m. Seimo rinkimu rezultatai. URL: <http://www.vrk.lt/2016-seimo/rezultatai?src=Url=rinkimai/102/1/1304/rezultatai/lt/rezultataiSuvestine1.html> (дата обращения: 29.08.2018).

¹⁰ 2015 m. Lietuvos Respublikos savivaldybiu tarybu rinkimu rezultatai. URL: http://www.vrk.lt/statiniai/puslapiai/2015_savivaldybiu_tarybu_rinkimai/output_lt/rinkimu_diena/stat1.html (дата обращения: 29.08.2018).

¹¹ *PM Butkevicius evaluates Tomasevski's EP statements as 'lack of political culture'* // Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija. URL: https://www.lrt.lt/en/news-in-english/29/339_22/pm-butkevicius-evaluates-tomasevski-s-ep-statements-as-lack-of-political-culture (дата обращения: 04.11.2018).

¹² *V. Tomasevski is chasing D. Grybauskaitė after Strasbourg: she will be ashamed if I tell what she has commented on* // DELFI Zinios. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/europietis/d-grybauskaitė-po-strasbura-vaikesis-v-tomasevskis-jai-bus-geda-jei-pasakysiu-ka-ji-komentavo.d?id=63750742> (дата обращения: 04.11.2018).

рассмотрение Сейма законопроект о национальных меньшинствах, что глава фракции «Избирательной акции поляков Литвы» Рита Тамашунене назвала «демонстрацией истинного лица» партнеров по коалиции¹³.

Проблемы, о которых говорил Томашевски в 2014 году, были известны и ранее. Так, Государственный департамент США в 2010 году опубликовал доклад о соблюдении прав человека в странах мира, согласно которому правительство Литвы проводило неэффективную политику по прекращению и минимизации случаев этнической дискриминации в стране, а также уделяло проблеме слишком мало внимания. Также в 2009 году среди литовских парламентариев было три представителя этнических меньшинств, но ни одного среди министров. И хотя в 2009 году Литва приняла новую «Национальную антидискриминационную программу — 2009—2011», ситуация не сильно изменилась: новая программа вообще не получила финансирования, а количество расследований, связанных с ненавистью на национальной почве, в том же году составило 39 случаев, что, конечно, в два раза меньше, чем в 2008-м, но жертвы дискриминационного отношения, согласно докладу, получили недостаточную компенсацию, а некоторые и вовсе никакой¹⁴.

Все это можно расценивать, как логичное следствие событий, происходивших в 1990-е годы: еще 6 октября 1990 года поляки, проживающие в Литве, попытались образовать Польский национально-территориальный край в составе Литвы, что вызвало негативную реакцию литовцев и привело к обвинениям со стороны Генеральной прокуратуры в попытке незаконной автономизации. Позднее конфликт удалось урегулировать, и польское население получило право использования своего языка на территории проживания, но было обязано применять литовский алфавит при написании своих фамилий в документах. Все это никак не способствовало окончательному урегулированию конфликта, но лишь отложило его, как и постоянные обещания со стороны президентов Литвы решить проблемный вопрос. Эти обещания так и не были выполнены [11].

Таким образом, несмотря на сосуществование Литвы и Польши в рамках одних международных союзов, наличие исторических связей (общего наследия) и, казалось бы, объединяющего фактора — «угрозы» со стороны России, правительственные институты Литвы в своей политике построения и укрепления национального единства использует дискриминирующие другие этнические группы средства, что негативно сказывается на связях с этими меньшинствами и на отношении меньшинств к самим государственным институтам и открывает пути влияния государств-родин национальных меньшинств (одним из таких каналов оказываются неправительственные польские организации (НПО)).

Кроме того, политика литовского государства, касающаяся этнических меньшинств, позволяет увидеть его важную особенность: асимметричное развитие разных аспектов либеральной демократии в процессе национально-государственного строительства. Так, государство поощряет институциональный аспект демократии (в данном случае развитие конкурентной партийно-политической системы) и в то же время сужает ее либеральный аспект через ограничение уровня многообразия (в данном случае этнического).

¹³ *Meannes and Cynicism in Lithuania: Baltic States in Polish Mass Media* // REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1817157.html> (дата обращения: 04.11.2018).

¹⁴ *Country Reports on Human Rights Practices, 2010* // Bureau of Democracy, Human Rights and Labor, U.S. Department of State. С. 13—21. URL: <https://www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/2010/eur/154435.htm> (дата обращения: 02.11.2018).

Польша и польское меньшинство в Литве: каналы влияния

В Литве существуют и ведут активную деятельность неправительственные польские организации (их более 20 на территории страны¹⁵). Именно НПО являются одним из самых значимых каналов влияния Польши на польскую диаспору в Литве, при этом наиболее важной особенностью ситуации является то, что, «обслуживая» польское меньшинство в Литве, НПО не сотрудничают с польским государством, фактически изолируясь от него.

Еще в 1998 году между Литовской Республикой и Республикой Польшей был подписан договор о сотрудничестве в сферах культуры, образования и науки. Согласно этому договору обе стороны планировали развивать сотрудничество посредством участия НПО в деятельности в этих областях, а также уделять внимание проблемам национальных меньшинств в обеих странах¹⁶. Это соглашение предполагало роль НПО в качестве партнеров государства, на территории которого они осуществляют свою деятельность. Однако заявленные цели не были реализованы, поскольку в своем большинстве НПО не сотрудничали с правительством Литвы или делали это на минимальном формальном уровне.

Источники финансирования неправительственных организаций, действующих на территории Литвы (не только польских)¹⁷, представлены на рисунке.

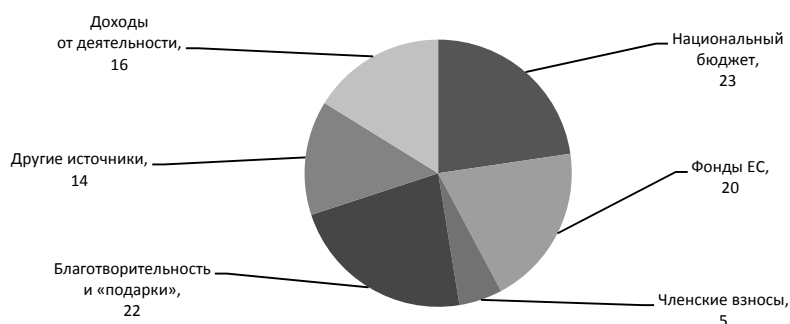

Рис. Источники финансирования НПО, %

Не менее 10% неправительственных организаций финансируется (полностью или частично) из фондов иностранных государств. Около половины НПО, действующих в Литве, ни разу не предоставляли финансовый отчет к 2005 году.

¹⁵ *NVO paieška // Nevyriausybių*. URL: <http://www.3sektorius.lt/trecias-sektorius/nvo-duomeniu-baze/> (дата обращения: 08.09.2018).

¹⁶ *Lietuvos ir Lenkijos sutartis del bendradarbiavimo kulturos, svietimo ir mokslo srityje*. URL: <http://www.kpd.lt/lietuvos-respublikos-vyriausybes-ir-lenkijos-respublikos-vyriausybes-sutartis-del-bendradarbiavimo-kulturos-svietimo-ir-mokslo-srityje/> (дата обращения: 29.08.2018).

¹⁷ *Lithuania's NGOs data base*. URL: <http://www.3sektorius.lt/trecias-sektorius/nvo-duomeniu-baze/> (дата обращения: 10.08.2018).

Существует целый ряд форм НПО, которые фактически никак не сотрудничают с государственными институтами Литвы: это благотворительные организации; НПО, действующие на уровне районов или на международном уровне; организации в ряде городов, примыкающих к другим странам (Вильнюс, Мариямполье, Алитус); организации, полностью финансируемые из-за рубежа. Довольно часто это одни и те же объединения (чаще всего польские)¹⁸.

Помимо этого на территории Литвы публикуются и распространяются следующие журналы «для поляков»:

- 1) «Аушра» (с 1960 года; «Ausra»/«Auszra»)¹⁹;
- 2) «Аушреле» (с 1998 года; «Ausrele»);
- 3) «Сувалькиетис» (с 1992 года; «Suvalkietis»);
- 4) «Шальтинис» (1906—1915 года, затем с 2005 года; «Saltinis»);
- 5) «Демесио» (с 11 марта 1990 года — Дня восстановления независимости Литвы; «Demesio»).

Деятельность этих журналов направлена на освещение важных для польского населения событий и его просвещение, издаются они на польском и литовском языках. Не все журналы имеют доступную интернет-версию, объединяют их в основном темы: ввиду отсутствия явных конфликтов между Литвой и Польшей они сосредоточены на освещении событий культурной жизни²⁰. В целом журналы стараются обходить «горячие» международные темы и концентрируются на локальных событиях.

Все это свидетельствует о том, что польские НПО в Литве весьма успешно функционируют, практически не сотрудничая при этом с литовскими властями, однако разнообразными путями вовлекая представителей диаспоры в диалог и оказывая им поддержку. Польские НПО организуют мероприятия для представителей польской диаспоры, оказывают социальную поддержку полякам, проживающим в Литве, и ведут просветительскую деятельность среди поляков Литвы через СМИ на польском языке. Это приводит к укреплению сплоченности польской диаспоры в Литве и, как следствие, к стабильным и достаточно успешным (при учете числа поляков от общего числа граждан Литовской Республики) результатам «Избирательной акции поляков Литвы» на всеобщих, региональных и муниципальных выборах. Это позволяет, сохраняя польскую идентичность среди представителей диаспоры и помогает этническим полякам, проживающим на территории Литвы, отстаивать свои политические интересы на всех уровнях.

Фактор ЕС и проблема польского меньшинства в Литве

Одной из важных характеристик процессов трансформации в регионе ЦВЕ в последние десятилетия является беспрецедентная роль в этих процессах внешних акторов, прежде всего Европейского союза [12, р. 39—50, 43]. Стра-

¹⁸ *Lithuania's* NGOs. URL: <http://www.3sektorius.lt> (дата обращения: 10.08.2018) ; *Lithuanian* NGOs analysis // Nevyriasybiniu organizaciju informacijos ir paramos centras. URL: http://www.3sektorius.lt/docs/Treciojo_sektoriaus_instituciju_situacija_Lietuvoje1_2013-01-17_15_28_40.pdf (дата обращения: 09.08.2018).

¹⁹ *Ausra* Journal. URL: <http://e-ausra.pl> (дата обращения: 08.08.2018).

²⁰ *Ausra* Journal. Jan. 2018. No. 1 (746). URL: <http://e-ausra.pl/wp-content/uploads/2018/01/Ausra1.pdf> (дата обращения: 08.08.2018) ; *Ausra* Journal. Aug. 2018. No. 15—16 (760—761). URL: <http://e-ausra.pl/wp-content/uploads/2018/08/Ausra15.pdf> (дата обращения: 08.08.2018).

ны региона получили реальную возможность членства в ЕС после подписания Европейских соглашений об ассоциации — статуса, регулируемого так называемыми Копенгагенскими критериями членства 1992 года. Страна, претендующая на членство в ЕС, должна была, в частности, принять весь комплекс европейского права (*aquis communautaire*), соблюдая стандарты открытого демократического общества и правового государства. Эти стандарты включали уважение прав человека и защиту национальных меньшинств.

Евросоюз обладает различными типами влияния на решение проблем национальных меньшинств. Во-первых, это «обязывающее влияние» (*compulsory influence*), реализуемое через политику кондициональности (*conditionality policy*) и направленное непосредственно на политических акторов, которые принимают решения на национальном уровне. Во-вторых, ЕС воздействует через политические и финансовые механизмы, оказывающие селективную поддержку социальным акторам, которые способствуют желаемым изменениям в странах-кандидатах в ЕС. В-третьих, это «связывающее влияние» (*connective influence*), использующее механизмы для усиления взаимосвязей между странами и обществами, сближая их в приграничных регионах. Этот тип влияния более ориентирован на общества, чем на политических или социальных акторов. Наконец, ЕС оказывает «конструктивистское влияние» (*constructive influence*), которое призвано способствовать постепенным изменениям в идентификациях граждан ЕС [2, p. 39—50].

«Обязывающее влияние» оказывается решающим до вступления стран(ы) в Евросоюз, когда, стремясь к этому, страны стараются урегулировать свои прошлые конфликты и принять законы о соблюдении прав национальных меньшинств. Однако после вступления в ЕС решающим для урегулирования конфликтов становятся внутренние факторы, прежде всего структура политических институтов [12]. Так, Польша активно поддерживала членство Литвы в ЕС и НАТО, в Литве же был принят закон о национальных меньшинствах. Вопрос об интеграции с ЕС был слишком важным для обеих стран, поэтому конфликты в двусторонних отношениях временно отошли на второй план, проблема польского меньшинства в Литве приобрела латентный характер.

После вступления Польши и Литвы в ЕС влияние Союза на проблему польского меньшинства осуществляется в основном по конструктивистскому типу. ЕС предлагает сообществам и его гражданам новые арены для выражения озабоченности и новые возможности для обращения к наднациональным институтам, таким как Европарламент и Еврокомиссия [2, p. 47—48].

В марте 2011 года юрист из Гданьска Томаш Снарский обратился в Европарламент с петицией использовать все возможные правовые инструменты для того, чтобы гарантировать польскому меньшинству в Литве фундаментальные права, такие как право писать в документах имена и фамилии на родном (польском) языке, а также именовать улицы и города в местах проживания поляков в Литве на двух языках — литовском и польском. В 2012 году в Европарламенте состоялись общественные слушания, в которых приняли участие представители польского и литовского правительств. Еврокомиссия подготовила два отчета по проблеме, Европарламент дважды направлял письма литовским властям с предложением прокомментировать ситуацию²¹. В свою очередь, литовские власти неоднократно заверяли Европарламент, что все необходимые меры приняты. В 2017 году Снарский подал повторную петицию, на

²¹ *European Parliament about discrimination of Polish people in Lithuania // EFHR Media. URL: <http://media.efhr.eu/2015/05/04/european-parliament-about-discrimination-of-polish-people-in-lithuania-2/> (дата обращения: 30.08.2018).*

этот раз относительно дискриминации польского меньшинства в Литве в области языковых прав и прав на образование. По его словам, «пока поляк в Литве не может открыть свой паспорт и увидеть свое имя, написанное на родном языке, мы не вправе утверждать, что заботимся о фундаментальных правах в ЕС. Такая ситуация недопустима в XXI веке»²². Дальнейшая судьба петиции зависит от поддержки членов Европарламента и их последующего решения. Пока петиция получает предсказуемую поддержку парламентариев польского происхождения.

Помимо Европарламента и Еврокомиссии важным каналом является обращение в Европейский суд. Обращение с иском о признании права поляков в Литве вносить в официальные документы имена на польском языке было действительно подано (дело *Runevič-Vardyn*), однако в 2011 году Суд принял решение о том, что литовская практика написания польских имен в идентификационных документах не противоречит законодательству Евросоюза [13; 14].

Отметим, что объективным препятствием для расширения влияния Евросоюза на указанную проблему стала относительно слабая европейская идентичность польского меньшинства в Литве. Как показывают опросы, европейская идентичность не является существенной для всех респондентов в польской диаспоре в Литве (за исключением некоторых опрошенных с высшим образованием). При этом для всех респондентов европейская идентичность гораздо менее значима по сравнению с региональной и национальной [15, р. 11]. Таким образом, можно ожидать, что представители польского меньшинства, недовольные статус-кво, будут обращаться либо к литовским властям, либо к польским (для решения проблем через двусторонние польско-литовские отношения), но не в институты Евросоюза.

Проблема польского меньшинства в Литве не решилась автоматически, с присоединением обеих стран к Евросоюзу. ЕС позволяет сообществам, ощущающим давление или дискриминацию, привлечь широкое внимание к проблеме [2, р. 47—48]. Более того, можно утверждать, что именно благодаря ЕС как нормативной силе [16, р. 45—60], его политике кондициональности, а также привлекательности для стран-нечленов (благодаря чему возможность вступления становится действенным политическим инструментом) конфликты между большинством и меньшинством в новых странах-членах ЕС не стали более серьезными. Иными словами, делая конфликт более прозрачным, «фактор ЕС» позволяет (хотя и не во всех случаях) держать под контролем «градус» конфликта. Однако сам характер ЕС как политической системы, в частности ограничения на использование инструментов принуждения, делает его влияние на урегулирование проблем меньшинств в странах-членах принципиально ограниченным.

«Российский фактор», русское и польское меньшинства в Литве: неожиданный альянс

Русское меньшинство в Литве занимает второе место по численности после польского и составляет 5,8%. Однако при этом русское меньшинство в Литве значительно меньше, чем в Латвии и Эстонии, и отношение литовских властей к нему после распада Советского Союза и обретения страной независимости было гораздо более толерантным [17]. Как показывают опросы,

²² *Situation of polish minorities in Lithuania is a discrimination of EU citizens // EFHR Media. URL: <http://media.efhr.eu/2017/05/09/situation-polish-minorities-lithuania-discrimination-eu-citizens/> (дата обращения: 30.08.2018).*

большинство русских в Литве (80%) считают важной свою этническую идентификацию [18, р. 9]. Этнические русские группы проживают преимущественно в городах: Висагинасе, Клайпеде и Вильнюсе. Русское меньшинство состоит из двух основных групп: потомков староверов, которые переселились на территорию Великого княжества Литовского в XVIII столетии, спасаясь от притеснений Российской империи, и тех, кто переехал в Литовскую ССР из других регионов Советского Союза после окончания Второй мировой войны [19, р. 4—5].

Принимая во внимание весьма напряженный характер отношений между Польшей и Россией, логично было бы ожидать, что это отразится и на отношениях между польским и русским меньшинствами в Литве. Однако в реальности дело обстоит совершенно иначе: оба меньшинства сотрудничают друг с другом по многим вопросам. Эксперты называют это «странной дружбой» [20]. Так, согласно опросу, нелитовцы (включая поляков) отдают предпочтение не литовским, а российским СМИ, 61% представителей национальных меньшинств в Литве смотрят российское телевидение по крайней мере один раз в день. Тот же опрос показал еще более примечательные результаты: национальные меньшинства поддерживают российскую политику больше, чем литовцы. Так, лишь 16% опрошенных представителей меньшинств обвиняют Россию в конфликте на Украине, среди литовского большинства эта доля составляет 55% респондентов [21]. Эти результаты подтверждаются и другими опросами. Например, опрос, проведенный в 2017 году, показал, что 64% поляков в Литве симпатизируют президенту Путину, а 40,5% считают присоединение Крыма к России легитимным²³. Кроме того, русское и польское национальные меньшинства проводят совместные акции, протестуя против дискриминации меньшинств литовскими властями в образовательной и языковой политике²⁴. Некоторые литовские и польские эксперты говорят о том, что основная проблема, связанная с польским меньшинством в Литве, — это его русификация [20].

Часть польских экспертов возлагает вину за «изоляцию» польского меньшинства в Литве от Польши и излишнее сближение его с русским меньшинством и с Россией на литовские и польские власти. Так, по мнению Д. Бочковски, «современная политика Литвы в отношении национальных меньшинств — это не просто дорога в никуда, но дорога к полной катастрофе. Если люди не идентифицируют себя с Литвой, то это происходит не потому, что они внезапно обиделись, а потому, что политика [литовских властей] в области языка, культуры, имущественных вопросов вызывает чувство отторжения» [21]. Пренебрегая законными требованиями меньшинств и не проводя в их отношении никакой внятной политики, литовские власти способствуют сотрудничеству меньшинств друг с другом для решения общих проблем.

С другой стороны, Варшава, озабоченная многочисленными проблемами на территории самой Польши, рассматривает вопросы польских меньшинств как второстепенные. В Польше отсутствует эффективная восточная политика, и это большая стратегическая ошибка. В то же время Россия, как признают польские эксперты, более активно защищает свое меньшинство, ее пропаганда более эффективна. В результате же происходит отторжение и польского и русского меньшинств литовским большинством, что, в свою очередь, ведет к эскалации конфликтов [21].

²³ *Russians join Poles for minority protest in Lithuania* // Radio Poland. URL: <http://www.thenews.pl/1/10/Artykul/55673,Russians-join-Poles-for-minority-protest-in-Lithuania> (дата обращения: 30.08.2018).

²⁴ *Ibid.*

Для улучшения ситуации необходим полный пересмотр политики Варшавы в отношении польского меньшинства в Литве, поскольку в условиях отсутствия активной позиции литовских властей «единственной жизнеспособной силой остается Варшава»²⁵. В то же время следует учитывать, что многое зависит и от общего состояния двусторонних польско-литовских отношений, поскольку конфликты в одной сфере имеют свойство «мигрировать» в другие. Чем глубже и острее будут польско-литовские конфликты, тем меньше шансов ожидать, что проблема польского меньшинства в Литве будет решена в обозримой перспективе. С другой стороны, если поддержка Варшавой меньшинства в Литве будет слишком интенсивной, это может вызвать негативную реакцию Вильнюса.

Отношение литовской стороны к проблеме носит гораздо более спокойный характер. Многие литовские политики не считают, что польское и русское меньшинства являются катализаторами политической напряженности в стране, и полагают, что ситуация с национальными меньшинствами в Литве выглядит гораздо более благоприятной, чем во многих других государствах постсоветского пространства. Так, по мнению депутата литовского Сейма А. Анушаускаса, польское и русское меньшинства имеют разные повестки: русские хорошо интегрированы в литовское общество и озабочены в основном вопросами экономического благосостояния, в то время как поляки «самоизолируются» и поднимают вопросы, которые могут перерасти в открытые политические требования [22]. Литовский политолог В. Думбляускас считает, что ментальность русских в Литве отлична от ментальности русских в России, это, скорее, западная ментальность. Русские в Литве видят и ценят преимущества проживания на территории Евросоюза, в том числе свободу перемещения, карьерные возможности, поэтому для них важны прежде всего экономические, а не политические вопросы [22].

Заключение

После распада Советского Союза Литва и Польша в целом сумели найти основу для развития добрососедских отношений, однако это не означает, что все проблемы были автоматически разрешены. Одна из них связана с польским меньшинством в Литве, которое является достаточно значимым фактором политической, экономической и общественной жизни литовского государства. Стремясь к завершению процесса национального строительства и обретению «полноценного» государства, правительство Литвы, невзирая на существование Литвы и Польши в рамках одних международных союзов, использует дискриминирующие этнические группы средства.

Отношение литовского государства к проблеме этнических меньшинств позволяет увидеть важную особенность процесса строительства политической системы Литвы. Речь идет об асимметричном развитии разных аспектов либеральной демократии. Так, государство поощряет институциональный аспект демократии (в данном случае существование конкурентной партийно-политической системы) и в то же время ограничивает ее либеральный аспект через снижение многообразия (в данном случае этнического). В то же время литовское государство и польские агенты гражданского общества (через которые и осуществляются в основном связи польского меньшинства со «страной происхождения») функционируют изолированно друг от друга.

²⁵ *Russians join Poles for minority protest in Lithuania* // Radio Poland. URL: <http://www.thenews.pl/1/10/Artykul/55673,Russians-join-Poles-for-minority-protest-in-Lithuania> (дата обращения: 30.08.2018).

Членство Литвы и Польши в Евросоюзе не решило автоматически проблему польского меньшинства, хотя фактор ЕС вносит вклад в понижение степени интенсивности проблемы, делая отношения более прозрачными и создавая для меньшинств новые каналы для того, чтобы быть услышанными на наднациональном уровне. Однако фактор ЕС играл очень существенную роль до вступления Литвы и Польши в Союз, сейчас же его влияние принципиально ограничено. По-другому работает российский фактор: напряженные отношения между Польшей и Россией не отражаются на отношениях между польским и русским меньшинствами в Литве, напротив, оба меньшинства сотрудничают друг с другом по многим вопросам. В целом же ключевое влияние на положение польского меньшинства в Литве будут играть не внешние, но внутренние факторы.

Список литературы

1. *Csergő Z., Vangelov O., Vizi B.* Minority Inclusion in Central and Eastern Europe: Changes and Continuities in the European Framework, Intersections // *East European Journal of Society and Politics*. 2018. Vol. 3, №4. P. 5—16.
2. *Törnquist-Plewa B., Magdalena G.* The EU as a Normative Success for National Minorities // *Baltic Worlds*. 2014. № 4. P. 39—50.
3. *Barwinski M.* Polish Interstate Relations With Ukraine, Belarus and Lithuania After 1990 in the Context of the Situation of National Minorities // *European Spatial Research and Policy*. 2013. Vol. 20, № 1. P. 5—26.
4. *Lukowski J.* A concise history of Poland. Cambridge University Press, 2001.
5. *Balkelis T.* War, Ethnic Conflict and the Refugee Crisis in Lithuania // *Contemporary European History*. 2007. Vol. 16, №4. P. 461—477.
6. *Ковалева М.А.* Проблема Вильнюса в польско-литовских отношениях (1918—1920) // *Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей*. 2006. № 2. С. 51—55.
7. *Манкевич М.А.* Вильнюсский вопрос в международных отношениях: историография проблемы // *Балтийский регион*. 2012. №2. С. 19—31.
8. *McManus C.* Poland and the European Agreements: The EU as a Regional Actor / A Common Foreign Policy for Europe? Competing Visions of the CFSP / ed. by J. Peterson, H. Sjørnsen. L. ; N. Y., 1998. P. 115—132.
9. *Тэвдой-Бурмули А.И.* Этнополитическая динамика Европейского союза. М., 2018.
10. *Gotev G.* Lithuanian coalition drops ethnic Polish party // EURACTIV Foundation, 2014. URL: <https://www.euractiv.com/section/elections/news/lithuanian-coalition-drops-ethnic-polish-party/> (дата обращения: 04.08.2018).
11. *Кретинин Г.В., Федоров Г.М.* Исторические и национальные истоки формирования современного польско-литовского конфликта // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2012. №12. С. 46—55.
12. *Schwellnus G., Balázs L., Mikalayeva L.* It Ain't Over When It's Over: The Adoption and Sustainability of Minority Protection Rules in New EU Member States in Post-Accession Compliance in the EU's New Member States / ed. by F. Schimmelfennig, F. Trauner // *European Integration Online Papers*. 2009. Vol. 13, № 2. P. 28. Doi: 10.1695/2009024/
13. *Tracevskis R.* Discussing the future of EU and Lithuanian-Polish relations // *The Baltic Times*. 2016. 1—14 Dec. URL: <https://www.lnb.lt/en/news/1732-discussing-the-future-of-eu-and-lithuanian-polish-relations> (дата доступа 30.08.2018).
14. *Sabanovic A.* The Polish national minority in Lithuania: three reports later // *Nouvelle Europe*. 2012. 3 Jan. URL: <http://www.nouvelle-europe.eu/en/polish-national-minority-lithuania-three-reports-later> (дата обращения: 05.08.2018).
15. *Matulionis A.*, The Polish Minority in Lithuania // ENRI-East research project 2008—2011. URL: https://www.abdn.ac.uk/socsci/documents/8_The_Polish_Minority_in_Lithuania.pdf (дата обращения: 01.08.2018).
16. *Manners I.* The Normative Ethics of the European Union // *International Affairs*. 2008. Vol. 84, №1. P. 45—60.

17. Kallonen M. Minority protection and linguistic rights in Lithuania // *Noves SL, Revista de Sociolingüística*. 2004. URL: <http://www.gencat.cat/llengua/noves/noves/hm04tardor/docs/kallonen.pdf> (дата обращения: 15.07.2018).

18. Matulionis A., Beresnevičiūtė V., Leončikas T. et al. The Russian Minority in Lithuania // ENRI-East research project 2008—2011. 2011. URL: http://www.ces.lt/wp-content/uploads/2013/01/ENRI_Russians-in-Lithuania.pdf (дата обращения: 01.08.2018).

19. Vasilevich H. Lithuania's minority-related legislation: is there a legal vacuum? // ECMI Working Paper. 2013. № 70.

20. Popovaite I. Lithuania needs to listen to its Poles before the Kremlin does // *Open Democracy*. 2015. 19 June. URL: www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/inga-popovaite/lithuania-needs-to-listen-to-its-ipoles-before-kremlin-does (дата обращения: 03.08.2018).

21. Boćkowski D. Pro-Russian sympathies of Poles result from the policy of Lithuania // *EFHR Media*. 2017. 10 Jan. URL: <http://media.efhr.eu/2017/01/10/bockowski-pro-russian-sympathies-ipoles-result-policy-lithuania/> (дата обращения: 30.08.2018).

22. Jegelevicius L. Why Russians are content and Poles unhappy in Lithuania // *BNE IntelliNews*. 2015. 14 Sep. URL: <http://www.intellinews.com/why-russians-are-content-and-ipoles-unhappy-in-lithuania-500447211/?archive=bne> (дата обращения: 30.08.2018).

Об авторах

Ирина Марковна Бусыгина, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия.

E-mail: ira.busygina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9866-9738

Антон Дмитриевич Онищенко, журналист-редактор АНО «ТВ-Новости», Россия.

E-mail: onishchenko.ad@gmail.com

THE POLISH MINORITY IN THE REPUBLIC OF LITHUANIA: INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS

I. M. Busygina¹

A. D. Onishchenko²

¹ Saint Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics
16 Soyuza Pechatnikov Str., St Petersburg, 190121, Russia

² TV-Novosti Non-Profit Organisation
3 Borovaya Str., Moscow, 111020, Russia

Submitted on September 20, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-4

The ethnic makeup of the population significantly affects the domestic policy of any state, and its relations with neighbouring countries. Although interactions with ethnic minorities are not as urgent a problem in Lithuania as they are in the two other Baltic States, ethnicity-related conflicts continue to occur, particularly, as regards the relations between the Lithuanian state and the Polish minority, which is the largest in the country. The Polish minority—Lithuania—Poland relations are not the only factor that affects the situation of the Poles in Lithuania. The other important factors are Lithuania and Poland's EU membership, the relations between Lithuania and Russia, and the Russian minority in Lithuania. Our analysis shows that the EU membership of Lithuania and Poland did not provide an instant solution to

the problem of the Polish minority but rather attenuated it. Although the EU factor played a significant role before the accession of Poland and Lithuania to the Union, its influence is very limited today. The effect of the Russian factor is different. Strained Polish-Russian relations do not affect the relations between the Polish and Russian minorities in Lithuania. On the contrary, both minorities collaborate on a wide range of issues.

Keywords: ethnic minorities, Polish minority in Lithuania, Lithuania, Poland, European Union, Russia

References

1. Csörgő, Z., Vangelov, O., Vizi, B. 2018, Minority Inclusion in Central and Eastern Europe: Changes and Continuities in the European Framework, Intersections, *East European Journal of Society and Politics*, Vol. 3, no. 4, p. 5—16.
2. Törnquist-Plewa, B., Magdalena, G. 2014, The EU as a Normative Success for National Minorities, *Baltic Worlds*, no. 4, p. 39—50.
3. Barwinski, M. 2013, Polish Interstate Relations With Ukraine, Belarus and Lithuania After 1990 in the Context of the Situation of National Minorities, *European Spatial Research and Policy*, Vol. 20, no. 1, p. 5—26.
4. Lukowski, J. 2001, *A concise history of Poland: Second Edition*, Cambridge University Press, 336 p.
5. Balkelis, T. 2007, War, Ethnic Conflict and the Refugee Crisis in Lithuania, *Contemporary European History*, Vol. 16, no. 4, p. 461—477.
6. Kovaleva, M.A. 2006, The problem of Vilnius in the Polish-Lithuanian relations (1918—1920), *Retrospektiva: vsemirnaya istoriya glazami molodykh issledovatelei* [Retrospective: World History through the Eyes of Young Researchers], p. 51—55 (in Russ.).
7. Mankevich, M. 2012, The Vilnius issue in international relations: the historiography of the problem, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 13—22. Doi: 10.5922/2079-8555-2012-2-2.
8. McManus, C. 1998, Poland and the European Agreements: The EU as a Regional Actor. In: Peterson, J., Sjursen, H. (eds.) *A Common Foreign Policy for Europe? Competing Visions of the CFSP*, London and New York, p. 115—132.
9. Tevdoy-Burmuli, A.I. 2018, Etnopoliticheskaya dinamika Evropeiskogo soyuza [Ethnopolitical dynamics of the European Union], Moscow, 224 p. (in Russ.).
10. Gotev, G. 2014, Lithuanian coalition drops ethnic Polish party, *EURACTIV Foundation*, available at: <https://www.euractiv.com/section/elections/news/lithuanian-coalition-drops-ethnic-polish-party/> (accessed 04.08.2018).
11. Kretinin, G. V., Fedorov, G. M. 2012, The historical and national sources of the development of the modern Polish-Lithuanian conflict, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences], no. 12, p. 46—55 (in Russ.).
12. Schweltnus, G., Balázs, L., Mikalayeva, L. 2009, It Ain't Over When It's Over: The Adoption and Sustainability of Minority Protection Rules in New EU Member States. In: Schimmelfennig, F., Trauner, F. (ed.) *Post-Accession Compliance in the EU's New Member States*, European Integration Online Papers, Vol. 13, no. 2, p. 28. Doi: 10.1695/2009024.
13. Tracevskis, R. 2016, Discussing the future of EU and Lithuanian-Polish relations. *The Baltic Times*, December 1 — December 14, available at: <https://www.lnb.lt/en/news/1732-discussing-the-future-of-eu-and-lithuanian-polish-relations> (accessed 30.08. 2018).
14. Sabanovic, A. 2012, The Polish national minority in Lithuania: three reports later, *Nouvelle Europe*, 3 January, available at: <http://www.nouvelle-europe.eu/en/polish-national-minority-lithuania-three-reports-later> (accessed 05.08. 2018).
15. Matulionis, A. 2011, The Polish Minority in Lithuania, ENRI-East research project 2008—2011, available at: https://www.abdn.ac.uk/socsci/documents/8_The_Polish_Minority_in_Lithuania.pdf (accessed 01.08. 2018).
16. Manners, I. 2008, The Normative Ethics of the European Union, *International Affairs*, Vol. 84, no. 1, p. 45—60.

17. Kallonen, M. 2004, Minority protection and linguistic rights in Lithuania, *Noves SL, Revista de Sociolingüística*, available at: <http://www.gencat.cat/llengua/noves/noves/hm04tardor/docs/kallonen.pdf> (accessed 15.07.2018).

18. Matulionis A., Beresnevičiūtė, V., Leončikas, T., Frėjutė-Rakauskienė, M., Šliavaitė, K., Heinrich, H-G., Alekseeva, O. 2011, The Russian Minority in Lithuania, ENRI-East research project 2008—2011, available at: http://www.ces.lt/wp-content/uploads/2013/01/ENRI_Russians-in-Lithuania.pdf (accessed 01.08.2018).

19. Vasilevich, H. 2013, Lithuania's minority-related legislation: is there a legal vacuum? ECMI Working Paper, no. 70, 18 p.

20. Popovaite, I. 2015, Lithuania needs to listen to its Poles before the Kremlin does, *OpenDemocracy*, 19 June, available at: www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/inga-popovaite/lithuania-needs-to-listen-to-its-roles-before-kremlin-does (accessed 03.08.2018).

21. Boćkowski, D. 2017, Pro-Russian sympathies of Poles result from the policy of Lithuania, *EFHR Media*, January 10, available at: <http://media.efhr.eu/2017/01/10/bocko-wski-pro-russian-sympathies-roles-result-policy-lithuania/> (accessed 30.08.2018).

22. Jegelevicius, L. 2015, Why Russians are content and Poles unhappy in Lithuania, *BNE IntelliNews*, September 14, available at: <http://www.intellinews.com/why-russians-are-content-and-roles-unhappy-in-lithuania-500447211/?archive=bne> (accessed 30.08.2018).

The authors

Prof. Irinia M. Busygina, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia.

E-mail: ira.busygina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9866-9738

Anton D. Onishchenko, journalist-editor, Autonomous Nonprofit Organization «TV-Novosti», Russia.

E-mail: onishchenko.ad@gmail.com

To cite this article:

Busygina, I. M., Onishchenko, A. D. 2019, The Polish minority in the Republic of Lithuania: internal and external factors, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no. 1, p. 43—59. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-4.

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОБСТАНОВКА
В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ
В КОНЦЕ XX —
НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
ПЕРСПЕКТИВЫ
«ХУДОГО МИРА»**

В. Г. Кикнадзе^{1,2}

Д. А. Миронюк³

Г. В. Кретинин⁴

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49.

² Российская академия ракетных и артиллерийских наук, 107564, Россия, Москва, 1-я Мясниковская ул., 3, стр. 3.

³ Министерство по культуре и туризму Калининградской области, 236022, Россия, Калининград, ул. Дмитрия Донского, 7а.

⁴ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 20.03.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-5

Для цитирования:

Кикнадзе В. Г., Миронюк Д. А., Кретинин Г. В. Военно-политическая обстановка в Балтийском регионе в конце XX — начале XXI века: перспективы «худого мира» // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 1. С. 60—75. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-5.

© Кикнадзе В. Г., Миронюк Д. А., Кретинин Г. В., 2019

Рассмотрено развитие международных отношений в Балтийском регионе в конце XX — начале XXI века. Целью исследования стал анализ перспектив безопасности в Балтийском регионе с учетом изменения геополитической обстановки в Европе в целом и во взаимоотношениях России как с ее ближайшими соседями, так и с ведущими странами НАТО.

Анализируются прогнозы и взгляды международных и российских экспертов на состояние и динамику военной безопасности в регионе в начальный период пребывания прибалтийских государств в Североатлантическом блоке, на изменение стратегических взглядов руководства НАТО по превращению Балтийского региона в приоритетную зону потенциальных военных действий и, соответственно, на увеличение своего военного присутствия в регионе. Отмечено, что именно такие шаги руководства НАТО привели к выделению российской стороной особой роли и места Калининградской области во внешнеполитической стратегии Российской Федерации, к реальным, практическим шагам по обеспечению мира и безопасности на Балтике.

Ключевые слова: международные отношения, сотрудничество, политика, безопасность, Балтийский регион, Россия, Калининградская область, США, НАТО

Введение

Последняя смена администрации США позволила некоторым СМИ заговорить о возможности очередной «перегрузки» отношений между Москвой и Вашингтоном [1]. Британское издание *The Telegraph* в сентябре 2017 года сообщило, что российская сторона передала новому руководству США некую «дорожную карту» с конкретными предложениями по «возобновлению работы дипломатических, военных и разведывательных каналов и началу консультаций на уровне глав оборонных ведомств двух стран по разрешению сложившейся ситуации в Сирии, Афганистане, Иране, Северной Корее и на Украине» [2]. На деле этим «секретным», по мнению западных СМИ, документом являлся расширенный доклад

по российско-американским отношениям, подготовленный в 2017 году Российским советом по международным делам (РСМД)¹. Дорожная карта действительно рассматривала перспективы стратегического партнерства России и США в разных областях, но, являясь аналитическим материалом, отнюдь не претендовала на статус государственной программы или стратегии. Очевидность намерений сторон по укреплению взаимного сотрудничества вызвала реакцию даже у официальных представителей Китая, которые оказались «обеспокоены развитием ситуации и возможным ухудшением российско-китайских отношений на фоне изменения внешнеполитической риторики США в пользу Москвы» [3].

При этом, несмотря на царившую в информационном пространстве эйфорию относительно возможной политики США при 45-м президенте Д. Трампе, некоторые эксперты все же прогнозировали сохранение целеполагания США на мировое господство и продолжение геополитического противостояния с Россией. Новый виток обострения противоречий представлялся даже в области стратегических ядерных вооружений и реальной возможности их применения [4].

Развитие ситуации в 2018 году не сказалось на формировании однозначной позиции США по отношению к политическому диалогу с Россией. Давление американского политического истеблишмента на позицию президента Д. Трампа в этом вопросе не во всех случаях компенсировало стремление последнего к поиску понятных экономических выгод США во взаимоотношениях со своими союзниками. Так, в июне 2018 года на саммите «Большой семерки» (G-7) в Квебеке Д. Трамп заявил, что «НАТО так же плох, как НАФТА². Он слишком дорого обходится США». Впоследствии его пресс-секретарь смягчил этот тезис, заявив, что президент США таким образом призывает союзников по Альянсу к исполнению взятых на себя обязательств [5].

Вряд ли в ближайшей перспективе будет возможно говорить об изменении ключевой роли США в деятельности НАТО, но определенные решения действующей администрации США, как, например, выход из ЮНЕСКО, открытие американского посольства в Иерусалиме и заявления американской стороны о приостановке участия в Договоре о ракетах средней и меньшей дальности, позволяют ожидать и других, достаточно непредсказуемых политических акций. Особенную обеспокоенность такая ситуация вызывает у некоторых союзников США в Балтийском регионе, в последние 15 лет выстраивающих свои военно-политические доктрины на противостоянии с Россией.

Страны Балтийского региона на пути в НАТО

Происходящие сегодня международные процессы наглядно свидетельствуют об изменении мирового баланса сил в пользу развивающихся государств и возникновении новых мировых центров силы. Этот тезис ставит перед российским экспертным сообществом новую научную задачу по определению адекватной формы выстраивания взаимоотношений между Россией и США. Для ее решения следует обратиться к историческому опыту развития связей по линии «Россия — НАТО» и особенностям обеспечения военной безопасности Российской Федерации на северо-западном стратегическом направлении. Не случайно в Стратегии национальной безопасности России отмечено,

¹ Report «A Roadmap for U. S. — Russia Relations» // Russian International Affairs Council Center For Strategic And International Studies: [аналитический портал]. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-USA-Roadmap-Report30-En.pdf> (дата обращения: 07.04.2018).

² Североамериканское соглашение о свободной торговле.

что государства в качестве реакции на рост международной нестабильности все чаще берут на себя ответственность за обстановку в своих регионах. Региональные и субрегиональные торговые и иные экономические соглашения становятся одним из важнейших средств защиты от кризисных явлений³. Эти тезисы подкреплены положениями Концепции внешней политики Российской Федерации (2016), где указано, что Россия последовательно выступает за укрепление международной безопасности, стабильности на стратегическом и региональном уровнях⁴.

Расширение НАТО на Восток в конце 1990-х — начале 2000-х годов стало одной из важных тем международного политического диалога. Часто его повестка увязывалась с обстановкой в Калининградской области, которая играет важную роль не только в обеспечении национальных интересов России на Балтике, но и в формировании факторов европейской безопасности в целом. Обусловлено это тем обстоятельством, что Балтийский регион находится в сфере геополитических интересов Германии, Польши, Литвы и некоторых других европейских стран. Так, по мнению В.В. Воротникова, «членство в НАТО было для стран Балтии одной из основных задач евроатлантической интеграции. С одной стороны, оно удовлетворяло запросам политических элит и виктимизированного общественного сознания на обеспечение безопасности. С другой стороны, позволило элитам позиционировать свои страны как форпост против России, пограничную территорию между Западом и Востоком» [6, с. 10].

Надо отметить, что российские государственные деятели, военные аналитики и эксперты постоянно отмечали и отмечают, что Альянс и процесс его расширения представляют собой военную угрозу для Российской Федерации (см., напр.: [7, с. 98]). В то же время Г.И. Грибанова и Ю.В. Косов конкретизировали, что «в 90-е годы XX века Балтийский регион не являлся приоритетной зоной потенциальных военных действий в стратегии НАТО. Соответственно, и заинтересованность США в своем военном присутствии здесь стала не столь ярко выраженной» [8, с. 58].

Этим же вопросам посвящен и ряд трудов представителей российской школы прибалтийских исследований: Н.М. Межевича, Г.М. Федорова и Ю.М. Зверева. Ученые утверждают, что ситуация изменилась в конце 2000-х, приведя к тому, что «регион, который двадцать лет назад рассматривался как относительно стабильный, перспективный с позиций социально-экономического развития, эволюционирует в модели гибридного конфликта и потенциально приближается к военному противостоянию» [9, с. 4]. Отдельно следует упомянуть мнение российского ученого-международника К.К. Худолея, который, изучая эволюцию международной обстановки в Балтийском регионе с начала 90-х годов XX века, приходит к выводу, что «несмотря на то, что в последние годы в условиях конфронтации с Западом произошел определенный поворот на Восток, евроатлантическое направление внешней политики России будет по-прежнему оставаться одним из важнейших» [10, с. 20]. Тему международно-правовых аспектов отношений «Россия — НАТО» разви-

³ *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 // Российская газета : [интернет-издание]. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 07.04.2018).

⁴ *Концепция внешней политики Российской Федерации* (утверждена Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [официальный интернет-сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 07.04.2018).

вают И.И. Кузнецов [11] и А.И. Никитин [12], которые оценивают деятельность НАТО на восточных границах в качестве долгосрочной стратегии по глубокой интеграции стран Центрально-Восточной Европы в Альянс. При этом некоторые зарубежные исследователи оценивают данные процессы с позиций более широкого контекста геополитических изменений, делая акцент на вопросе стремления России и США к военно-политическому лидерству [13]. К примеру, К. Мартен отмечает, что «расширение НАТО на Восток в действительности имело для России меньшее значение, чем непринятие во внимание ее мнения и интересов в проведении силовых военных операций на внешних театрах военных действий» [14, р. 160].

Вступление в НАТО новых государств не только количественно увеличивало суммарный боевой потенциал, но и наращивало военную активность Альянса. В 2002 году впервые после распада СССР вблизи российских границ НАТО провел широкомасштабное учения с отработкой задач по нанесению превентивных ядерных ударов [15]. Совершенствовалась военная инфраструктура НАТО, причем на территории Польши, Венгрии и Чехии она разворачивалась в восточном направлении. Даже гражданские аэродромы готовились для использования боевой и военно-транспортной авиации. Всего НАТО планировал только в Европе задействовать 120 аэродромов передового базирования. С аэродромов Латвии, Литвы и Эстонии авиация НАТО получала возможность достигать российские объекты на глубину восточнее Волги.

Дискуссии в Совете Россия — НАТО, учрежденном 28 мая 2002 года по итогам Римской встречи⁵, не сняли обеспокоенности России возможным размещением военных контингентов и вооружений других участников Альянса на территории Польши, Литвы, Латвии или Эстонии. Данный сценарий представлялся некоторым российским политикам достаточно вероятным, особенно с учетом планов США передислоцировать часть своих войск на Европейском континенте с территории «старых» (например, Германии) членов Альянса в восточноевропейские государства, претендовавшие на вступление в НАТО. Негативные прогнозы в кругах российских военных косвенно подтверждались малой вероятностью присоединения стран Балтии к адаптированному ДОВСЕ⁶. Такое присоединение могло произойти только после вступления данного договора в силу, для чего требовалась его ратификация государствами-участниками ДОВСЕ. На тот момент, исходя из обстановки, Россия официально предлагала странам Балтии взять на себя взаимные обязательства по «сдержанности» в отношении своих вооруженных сил и предупреждению непропорционального наращивания военных потенциалов на своих территориях. Согласовать данную позицию не удалось [16].

На фоне активно обсуждаемой темы перспектив безопасности в Европе 31 мая 2003 года в Москве была проведена конференция на тему «Региональная интеграция в Северной Европе: современные проблемы и будущая повестка дня», в ходе которой обсуждались проблемы, связанные с международными отношениями в регионе Балтийского моря, включая международно-политическую ситуацию в мире, перемены во внешней политике России, США, стран Северной Европы и Балтии; расширение НАТО на страны Балтии и реакция на это России; проблемы вступления в силу адаптированного ДОВСЕ. Вместе с тем в большей мере выступления спикеров были посвящены вопросам

⁵ Совет Россия — НАТО : [официальный интернет-сайт]. URL: <https://www.nato.int/nrc-website/ru/about/index.html> (дата обращения: 07.04.2018).

⁶ В 1999 году по инициативе Российской Федерации в Стамбуле состоялся саммит ОБСЕ, на котором было заключено Соглашение об адаптации ДОВСЕ (СА ДОВСЕ).

невоенной («мягкой») безопасности региона Балтийского моря, поиску путей сотрудничества государств региона в решении экологических, экономических, социальных и других проблем⁷.

Данная конференция стала в определенном смысле знаковой, так как, по мнению ее участников, международная политическая обстановка на тот момент прошла трансформацию и стала благоприятной для позитивных изменений в Балтийском регионе: с момента распада СССР прошло достаточно времени для изменения взглядов не только в российском экспертном сообществе, но и на уровне руководства страны, благодаря чему внешнеполитическая элита России смягчила негативное отношение к расширению НАТО. Предполагалось, что именно Североευропейский регион будет играть ведущую роль в российской интеграции в Европу. Соответственно, на северо-западном направлении своей внешней политики Россия демонстрировала, что она сосредоточена на создании в регионе более комфортных условий для всех субъектов отношений и обеспечении стабильности. Позитивный фон, по оценке участников конференции, создавало снижение озабоченности стран Балтии возможным российским силовым давлением на них. Во многом этому способствовала появившаяся определенность относительно участия стран Балтии в НАТО и ЕС.

Латвия, Литва и Эстония 29 марта 2004 года вступили в Североатлантический альянс. Эти действия прибалтийских государств вызвали негативную реакцию со стороны ряда представителей военно-политического руководства России, поскольку расширение НАТО на Восток не отвечало ее национальным интересам и нарушало сложившийся в послевоенный период баланс сил в Европе. Так, подразумеваемая риторика прибалтийских стран, тогдашний министр обороны России С. Иванов «потребовал от НАТО, чтобы он отказался от “антироссийской позиции”, и не допускал высказываний своих членов, направленных против Москвы» [18]. Кроме того, размещение военных баз НАТО в непосредственной близости от российских границ не соответствовало духу добрососедства и создавало напряженность в международных отношениях, сохранившуюся до настоящего времени.

Со вступлением в НАТО Польши (1999) и Литвы (2004) Калининградская область стала еще более уязвима и подвержена внешним угрозам: Россия потенциально становилась мишенью шантажа со стороны сопредельных государств, так как линии коммуникаций по морю, воздуху и суше в любое время могли быть перекрыты. Тема строительства для жителей Калининградской области транспортного коридора Гродно — Калининград, возникшая и активно обсуждаемая в 1995—1999 годах, в риторике НАТО трансформировалась в так называемую «сувалкскую брешь», защита которой сегодня является одним из критических приоритетов Альянса [9, с. 12].

При этом Россия еще с петровских времен стремилась к Балтийскому морю именно как к объекту сближения с европейскими государствами. Если учесть, что российские порты в мелководном и узком конце Финского залива, который к тому же замерзает, могут быть заблокированы, то понятна цель России развивать свое военно-морское присутствие в южной, незамерзающей части Балтийского моря. Вполне закономерно, что Россия, имея в Калининградской области свои вооруженные силы, не только обеспечивает безопасность региона, но и имеет возможность влиять на европейскую безопасность в целом. Также отметим, что, по мнению некоторых европейских исследовате-

⁷ Региональная интеграция в Северной Европе: современные проблемы и будущая повестка дня. URL: <http://www.obraforum.ru/pdf/k2003program.pdf> (дата обращения: 24.12.2018).

лей, дальнейшая милитаризация Балтийского региона и Калининградской области как его неотъемлемой части в перспективе приведет к еще большему обострению взаимоотношений по линии «Россия — ЕС — НАТО» [19].

К сожалению, предположения экспертов о том, что роль проблем военной безопасности региона в межгосударственных отношениях в регионе Балтийского моря будет снижаться, к настоящему моменту не оправдались. Наоборот, как отмечает И. Тимофеев, «регион Балтийского моря сегодня находится в числе наиболее сложных пространств взаимодействия России и НАТО. Эстония, Латвия, Литва и Польша, будучи членами Альянса, выступают его фронтиром — областью непосредственного соприкосновения с восточным соседом». «Балтийский регион в этой ситуации оказывается одним из наиболее уязвимых звеньев. Именно здесь может быть спровоцирована очередная, хотя, возможно, и непреднамеренная эскалация», — добавляет он [20].

Это подтверждают Н.М. Межевич и Ю.М. Зверев, рассматривая возникновение локального военного конфликта в качестве одного из сценариев развития военно-политической обстановки в Балтийском регионе [9, с. 21]. При этом представляется, что Литва, Латвия и Польша в начале 2000-х годов в определенной мере были заинтересованы в сохранении конструктивного диалога по линии «Россия — НАТО». Прежде всего это касалось политических сил, лишенных ценностно-идеологических разногласий с Россией. Принцип «перманентной конфликтности» в некоторых случаях уступал прагматическим отношениям с базисом в торгово-экономической сфере. К примеру, Польша, после 1 мая 2004 года⁸ активно включившаяся в реализацию внешнеполитической стратегии ЕС на Востоке, стремилась к усилению своих позиций в качестве значимого актора в отношениях «Россия — ЕС — НАТО». Такое сближение не только предоставляло ей дополнительные возможности в диалоге со странами — лидерами ЕС, в первую очередь с Германией, но и обеспечивало экономические выгоды, в особенности учитывая границу с Калининградской областью.

Балтийский регион в условиях военной эскалации и политической конфронтации

Еще в 2012 году некоторые российские эксперты отмечали, что вступление стран Балтии в Североатлантический альянс существенно не изменило сложившийся в послевоенный период баланс сил в Европе: «Даже при участии военных НАТО в странах Балтии не удалось создать вооруженные силы, которые были бы способны нанести ущерб обороноспособности России» [21].

Однако к настоящему моменту очевидно, что военно-политическая обстановка в Балтийском регионе находится на новом витке обострения, близком к условиям середины 2000-х. Более того, имеется достаточно оснований предполагать развитие данного военно-стратегического вектора, появление новых рисков военной безопасности, возможность их трансформации в военные опасности и угрозы национальной безопасности. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства.

С 2012 года численность размещенных военных контингентов НАТО у западных рубежей России увеличилась в три раза, срок приведения их готовности к боевому применению сокращен с 45 до 30 суток. Система ПРО США в Европе выведена на уровень начальной оперативной готовности. Интенсивность ведения воздушной разведки НАТО у российских границ увеличилась в

⁸ Дата вступления Польши в ЕС.

3,5 раза, а морской — в 1,5. НАТО в два раза нарастило интенсивность военных учений у границ России. В 2014 году альянсом проведено 282 учения, а в 2017-м — уже 548. Ежегодно у западных границ России проводится более 30 учений, сценарий которых основывается на вооруженном противоборстве с Российской Федерацией⁹. По заявлению министра обороны России С. Шойгу, озвученному в качестве реакции на итоги саммита НАТО, состоявшегося в июле 2018 года в Брюсселе, «с начала этого года проведено уже свыше 100 учений, в которых участвовало до 80 тысяч военнослужащих. При этом численность личного состава, ежегодно привлекаемого к серии учений за 5 лет выросла в 10 раз, а количество боевой авиации — с 11 единиц до 101». Опасение российской стороны вызывает также вопрос втягивания в структуры НАТО Финляндии и Швеции [22].

Данные действия не могли остаться без внимания российской стороны. Первого апреля 2016 года в составе Балтийского флота на территории Калининградской области был сформирован 11-й армейский корпус¹⁰. На вооружение одной из его бригад, размещенной в Калининградской области, в начале февраля 2018 года для постоянного базирования поступили ОТРК «Искандер-М». Это официально подтвердил глава комитета по обороне Государственной думы РФ В. Шаманов. По его словам, «первоочередными целями для "Искандеров" является размещаемая у российских границ иностранная военная инфраструктура»¹¹.

Данная информация вызвала бурную реакцию со стороны руководства НАТО и прибалтийских государств, в один голос заявивших о намеренном обострении обстановки российской стороной. Их особую озабоченность, по мнению Г.И. Грибановой и Ю.В. Косова, вызывает тот факт, что «эти комплексы способны нести ядерные или обычные боеголовки и радиус их действия — 250 миль, что делает доступными для них Ригу, Вильнюс и Варшаву» [8, с. 60]. При этом достаточно очевидной является выборочная позиция НАТО в вопросах укрепления обороноспособности стран, не являющихся членами Альянса — по принципу «одним разрешено, а другим нет».

Это как нельзя лучше характеризуется принятым 8 июля 2016 года на саммите Североатлантического альянса в Варшаве решением о размещении четырех батальонов в Прибалтике и Польше, которое, по словам генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга, «оборонительный, пропорциональный ответ на действия России» [23]. На этом же саммите НАТО было принято решение о создании единой Службы разведки и безопасности. По замыслу, новое подразделение кроме своих основных задач — сбора и анализа информации — должно обеспечить эффективное использование полученной информации, предоставляемой союзниками блока [24].

О проецировании новых опасностей для России также свидетельствует ранее принятое решение альянса о выходе на новый уровень военной готовности стран Балтийского региона за счет закрепления за Польшей, Латвией, Литвой и Эстонией позиции «лидирующих наций» — членов НАТО. Следовательно, обеспечение обороноспособности России на северо-западном

⁹ *Расширенное заседание коллегии Министерства обороны // Президент России* : [официальный сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56472> (дата обращения: 04.01.2018).

¹⁰ *Соединения береговых войск ВМФ преобразуют в армейские корпуса // Флот.com* (бывший Центральный Военно-Морской Портал) : [аналитический портал]. URL: <https://flot.com/2017/%D0%92%D0%BC%D1%8415/> (дата обращения: 04.01.2018).

¹¹ *Депутат Шаманов: Россия разместила «Искандеры» в Калининграде навсегда // Вести.ру* : [интернет-СМИ]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2984428> (дата обращения: 04.01.2018).

стратегическом направлении требует постоянной оценки обстановки и принятия адекватных военно-политических решений, оборачиваясь в том числе и новыми расходами для бюджета.

Увеличение интенсивности боевой подготовки в вооруженных силах стран Балтийского региона — членов НАТО, ротационная основа базирования их ВВС, патрулирующих границы стран Балтии, не могли не повлиять на безопасность в воздушном пространстве региона. В 2016 году проблема обособленно стала объектом внимания высших государственных лиц на международной арене, в том числе президента России В.В. Путина. По его распоряжению Минобороны России разработало предложения по повышению безопасности полетов в регионе Балтийского моря и представило их для рассмотрения на Совете Россия — НАТО 13 июля 2016 года. Еще до начала заседания Йенс Столтенберг отметил, что НАТО приветствует «повышение интереса с российской стороны к теме открытости, прозрачности и сокращения рисков в Балтийском море»¹². Но, как постоянно констатирует глава МИД России С. Лавров, «конкретные переговоры, несмотря на инициативу российской стороны, до сих пор не проведены»¹³.

Столтенберг также отмечал, что НАТО должен сделать все, чтобы избежать недопонимания и инцидентов с Россией: «Россию нельзя и не нужно изолировать». Несмотря на увеличение военной активности НАТО в Европе и у границ России, руководство блока, со слов Столтенберга, заинтересовано в согласовании правил взаимодействия с Россией. «Мы сделаем все возможное, чтобы избежать недопонимания и инцидентов», — заверил он. Но уже в январе 2017 года в Литву прибыли военнослужащие подразделений специального назначения США. Директор Департамента государственной безопасности Литвы Дарюс Яунишкис заявил, что развертывание американских сил является ответом России: «НАТО и другие страны не будут мириться с российской агрессией в регионе»¹⁴. Кроме того, в конце 2017 года в Литве (аэробаза Зокняй), Латвии (аэробаза Лиелварде) и Эстонии (аэробаза Эмари) были завершены мероприятия по созданию сети передовых аэродромов, обеспечивающей прием боевой и вспомогательной авиации военно-воздушных сил США и стран Западной Европы [25].

Ранее в 2017 году министр обороны Польши Антоний Мацеревич заявлял, что стране необходимо больше американских военных для ее защиты. По его мнению, в стране для обороны и противостояния внешним угрозам необходимо разместить не менее двух дивизий США. Парламент Польши постановил увеличить расходы на оборону до 2,5% ВВП. Эти средства «необходимы» для того, чтобы «противостоять угрозам с Востока», сказал Мацеревич: Россия

¹² *Столтенберг*: НАТО приняла решение о размещении четырех батальонов в Прибалтике и Польше // ТАСС : [интернет-издание]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3441084> (дата обращения: 31.07.2016).

¹³ *Выступление* и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Финляндской Республики Т. Сойни, Усадьба «Хайкон картано», г. Порвоо, 4 мая 2017 года // Министерство иностранных дел России : [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2743998 (дата обращения: 12.06.2018).

¹⁴ *Литва* подтвердила размещение военного спецназа США // Новости mail.ru : [интернет-сайт]. URL: <https://news.mail.ru/politics/28329996/?frommail=1> (дата обращения: 20.11.2017).

«использует силу для достижения своих политических целей»¹⁵. Схожую позицию занимают и другие прибалтийские страны. Например, оборонный бюджет Литвы в 2017 году составил 747,73 млн долларов, что практически вдвое превышает аналогичный показатель 2005 года. По примеру Польши, идет активная полемика об увеличении расходов на оборону до тех же 2,5% ВВП¹⁶. Значительный рост оборонного бюджета наблюдается также в Эстонии и Латвии. Согласно статистическим показателям среднегодовой рост бюджетных расходов на оборону составляет порядка 15%.

Из официального отчета об оборонных расходах НАТО следует, что в 2018 году расходы бюджетов Литвы, Латвии, Эстонии и Польши достигнут требуемых от них администрацией США 2% ВВП. Это пропорционально отразится также на численности вооруженных сил стран-участниц Альянса¹⁷. Можно предположить, что «планка» военных расходов для членов Альянса продолжит повышаться. Ожидается, что вскоре речь пойдет о расходах на оборону в 4% от ВВП. Задаваемый США тон будет и в дальнейшем вынуждать прибалтийские страны смещать акцент с развития собственных национальных экономик и социальной сферы на военную составляющую. В данном контексте следует отметить мнение Н. М. Межевича и Ю. В. Зверева, согласно которому «несбалансированные военные расходы могут угрожать безопасности страны не в меньшей степени, чем внешние угрозы. В понимании этого обстоятельства экспертное и научное сообщество России опирается на относительно недавний советский опыт» [26, с. 73—88].

Следует также упомянуть о создании в районе польского населенного пункта Редзиково в 300 км от Калининграда американской военной базы ПРО, где будут размещаться компоненты наземной системы радиолокационного отслеживания ракет «Иджис» («Aegis Ashore») и установки вертикального пуска Mk 41 с зенитными управляемыми ракетами класса Standard SM-3 Block IIА и Block IВ [27]. Полное введение в строй военной базы было запланировано на 2018 год, но, по информации Министерства обороны Польши, из-за технических проблем отложено до 2020 года [28]. По мнению некоторых экспертов, такая задержка вызвана не официально заявляемыми «техническими причинами», но сложностями в американо-польских отношениях и низким уровнем взаимного доверия¹⁸. По мнению редактора российского журнала «Национальная оборона» И. Коротченко, «польское правительство не будет иметь доступа к тому, что происходит на этом объекте». «Никто не будет знать, какие ракеты американцы загружают в свои системы. Могут вооружить их в ракеты ПВО, а могут положить туда наступательные ракеты типа «Томагавк». Польского города это не касается, речь идет только исключительно об американской базе»¹⁹.

¹⁵ *Польша* сочла размещение не менее двух дивизий США необходимым для обороны // Новости mail.ru : [интернет-сайт]. URL: https://news.mail.ru/politics/31181775/?from_mail=1 (дата обращения: 20.11.2017).

¹⁶ *Литовский спецслужбист: с Россией нельзя договориться* // EADaily : [интернет-издание]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/04/07/litovskiy-specsluzhbit-s-rossiey-nelzya-dogovoritsya> (дата обращения: 07.04.2018).

¹⁷ *Defence Expenditure of NATO Countries (2011—2018)*. NATO Communique PR/CP (2018)091 10 July 2018 // NATO : [официальный сайт]. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_07/20180709_180710-pr2018—91-en.pdf (дата обращения: 07.06.2018).

¹⁸ *MSZ: baza w Redzikowie z opóźnieniem* // Defence24 : [интернет-издание]. URL: <https://www.defence24.pl/msz-baza-w-redzikowie-z-opoznieniem> (дата обращения: 07.04.2018).

¹⁹ *«Искандеры» оставят в Калининградской области на постоянной основе* // Вести.Ру : [интернет-СМИ]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2953621> (дата обращения: 07.04.2018).

Это подтверждается позицией В. Волового и И. Баторшиной, которые отмечают, что «Прибалтийские республики и Польша традиционно считают основой своей безопасности США, а не Евросоюз, который рассматривают в основном как инструмент улучшения экономического благосостояния». «Польша и страны Балтии, традиционно настроенные на противостояние с Россией, в данном случае выполняют функцию проводника стратегии Вашингтона в Европе и “санитарного кордона” в форме *Intermarium*, призванного отделить Россию от ЕС. Они активно действуют на этом направлении, стремясь получить статус ключевых союзников США в регионе и на европейском континенте в целом» [29, с. 27].

По словам руководителя канцелярии президента Польши К. Шчерского, «наша страна стремится к тому, чтобы стать центром американской военной активности в регионе, своего рода региональной операционной базой для вооруженных сил США». «Идея создания в Польше так называемого “Форта Трамп”, предложенная польским президентом, должна была убедить американцев в еще большей необходимости военного сотрудничества с нашей страной. И это удалось. Мне бы хотелось, чтобы военное усиление Польши обеспечивало безопасность не только нашей стране, но и всему региону, от Эстонии до Болгарии». Как отмечается, в настоящее время в Польше размещается 4,3 тыс. американских военнослужащих. Это самый большой американский контингент на восточном фланге и четвертый по численности в Европе после Германии (37,5 тыс. чел.), Италии (12 тыс. чел.) и Великобритании (8,3 тыс. чел.)²⁰.

Заключение

Таким образом, почти 15 лет нахождения стран Балтии в НАТО свидетельствуют о том, что угроза от расширения альянса на Восток не была преувеличена. Являясь добровольным заложником блоковой политики, страны Балтийского региона — члены НАТО вынуждены жертвовать интересами безопасности региона и регионального развития в результате обострения международных отношений на глобальном уровне.

Вместе с тем для российских государственных и военных деятелей будет ошибочным не использовать участие стран Балтии в НАТО для развития взаимодействия с Альянсом. Прежде всего целесообразно совершенствовать сотрудничество в тех областях, где очевиден взаимный интерес: например, безопасность мореплавания и полетов авиации на Балтике. Успешность такого сотрудничества, безусловно, будет способствовать более тесным региональным сетевым связям, повышению уровню доверия между сторонами и в целом благоприятно скажется на атмосфере партнерства России — НАТО. Необходимым представляется также возврат к опыту совместного участия в международных военно-морских учениях «*Baltops*» на Балтике. Отметим, что корабли ВМФ России начиная с 1993 года 19 раз участвовали в этих маневрах. В 2014 году руководством НАТО было принято решение проводить учения без российского участия.

В то же время минимизации негативных последствий для России от вступления стран Балтии в НАТО, как ни парадоксально, должно способствовать сотрудничество в сфере военной безопасности на уровне «Россия — НАТО». Оно может позволить предотвратить возникновение реальных угроз и отработать эффективные механизмы взаимодействия, прежде всего в региональном масштабе.

²⁰ *Polska bazą USA na flance wschodniej // Rzeczpospolita* : [интернет-СМИ]. URL: <https://www.rp.pl/Polityka/301109904-Polska-baza-USA-na-flance-wschodniej.html> (дата обращения: 11.01.2019).

Уроком, извлеченным из анализа и обобщения исторического опыта развития международных отношений в Балтийском регионе в конце XX — начале XXI века, является следующее положение: активное сотрудничество в военной сфере делает регион менее опасным для всех его участников. Как только региональный формат реального взаимодействия и партнерства уступает место интересам глобальной политики, военная сфера моментально катализирует обострение международных отношений — это тенденция, которую также следует учитывать политикам и военным деятелям. Принцип «держать дверь открытой» (англ. *keep the door open*), согласно которому «стабильность и предсказуемость развития ситуации более вероятны в случае возобновления разрывного диалога между США и Россией по вопросам глобальной и региональной безопасности, а НАТО должно обсуждать с Россией меры по минимизации возможных конфликтов, в особенности основанных на отсутствии достоверной информации либо непонимании», несомненно, остается актуальным [30, p. 15].

В краткосрочной и среднесрочной перспективах, вероятнее всего, деятельность партнеров России — государств Балтийского региона будет подчинена интересам США, реализуемым инструментами глобальной политики. В «калининградском вопросе» сохранится превалирование военного фактора в ущерб разрешению проблем «мягкой» безопасности на Балтике, поскольку последнее не входит в сферу национальных интересов США. Именно поэтому трансатлантический вояж «Абрамсов» и «Брэдли» к берегам Балтики и границам Российской Федерации скорее является частью военной стратегии США, а не разовой акцией [31]. Сценарий, согласно которому страны-члены ЕС создадут независимый Европейский оборонительный союз, который на паритетных правах будет взаимодействовать с Россией и НАТО, в том числе по вопросам безопасности в Балтийском регионе, представляется маловероятным [32, p. 7].

Так, предпринимая превентивные и ответные меры по обеспечению военной безопасности, в будущем Россия должна стать лидером в решении проблем «мягкой» безопасности и развития Балтийского региона. Иными словами, страны Балтии должны получить в лице России альтернативный американскому вектор долгосрочного гарантированного государственного развития в условиях равноправного партнерства. Для этого необходимо использовать все сферы международного и межрегионального сотрудничества, в том числе и на территории калининградского эксклава. Этому могут способствовать политика федерального центра, направленная на развитие экономики Калининградской области посредством создания зоны с льготными условиями для работы иностранных компаний, введение электронных виз для иностранных граждан и реализация проектов по линии приграничного сотрудничества.

В целом опыт показывает, что попытки утверждения какой-либо формы гегемонизма — с исторической точки зрения — бесполезны. Гораздо более перспективна и выгодна для всех стран, расположенных на берегах Балтики, реализация тезиса, возникшего в конце 1950-х годов: «Балтийское море — море мира» [33]. В преломлении к текущей, не слишком оптимистической ситуации в регионе этот тезис может звучать как «Худой мир лучше доброй войны».

Список литературы

1. *Putz C.* Will Donald Trump Reset US-Russia Relations? // *The Diplomat* : [интернет-журнал]. URL: <https://thediplomat.com/2016/11/will-donald-trump-reset-us-russia-relations/> (дата обращения: 07.04.2018).
2. *Litvinova D.* Russia prepared a plan to reset relations with the US after Donald Trump became president // *The Telegraph* : [интернет-журнал]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/09/13/russia-prepared-plan-reset-relations-us-donald-trump-became/> (дата обращения: 07.04.2018).

3. *Ide W.* Prospect of Warming US-Russia Ties Worries China // Voice of America : [новостной портал]. URL: <https://www.voanews.com/a/prospect-of-warming-us-russia-ties-worries-china/3679349.html> (дата обращения: 07.04.2018).

4. *Сивков К.В.* Президент Трамп: выжить и победить! // Военная безопасность России: взгляд в будущее : матер. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. научного отделения №10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук. Москва, 2 марта 2017 года / РАН, МГТУ им. Н.Э. Баумана, ВА ГШ ВС РФ. М., 2017.

5. *Borger J.* Trump trashed Nato at G7, calling it 'as bad as Nafta', officials confirm // The Guardian : [интернет-журнал]. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/28/trump-nato-latest-news-as-bad-as-nafta-g7-summit> (дата обращения: 10.06.2018).

6. *Воротников В.В.* Страны Балтии в НАТО: итоги десятилетия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6 (39). С. 9—17.

7. *Арбатов А.Г.* Расширение НАТО и национальные интересы России // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshirenie-nato-i-natsionalnye-interesy-rossii> (дата обращения: 07.04.2018).

8. *Грибанова Г.И., Косов Ю.В.* Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 1. С. 56—72.

9. *Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности.* Рабочая тетрадь №35/2016 / Н.М. Межевич, Ю.М. Зверев ; гл. ред. И.С. Иванов ; Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2016.

10. *Худoley К.К.* Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 7—25.

11. *Кузнецов И.И.* Развитие отношений Россия — НАТО: проблемы контроля над вооружениями и ограничения дестабилизирующей военной деятельности альянса // Международная аналитика. 2018. № 1. С. 62—70.

12. *Никитин А.И.* Усиление НАТО на восточных границах альянса и перспективы его расширения на север // Международная аналитика. 2018. № 1. С. 34—43.

13. *Petersson M.* NATO and the Crisis in the International Order: The Atlantic Alliance and Its Enemies. Routledge, 2018.

14. *Marten K.* Reconsidering NATO expansion: a counterfactual analysis of Russia and the West in the 1990s // European Journal of International Security. 2018. Т. 3, № 2. P. 135—161.

15. *Гриняев С.* Управляемый хаос разрастается // Независимая газета: [интернет-издание]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2002-03-06/11_chaos.html (дата обращения: 07.04.2018).

16. *Троицкий М.А.* «Мягкая» безопасность: российско-балтийский аспект // Международные процессы. 2003. № 1. С. 135—139.

17. *Гаврилов Ю.* Россия и НАТО пересчитают свое вооружение в Европе // Армейский вестник : [интернет-издание]. URL: <http://army-news.ru/2013/05/rossiya-i-nato-pereschitayut-svoe-vooruzhenie-v-evrope/> (дата обращения: 07.04.2018).

18. *Богданов В.* В Москве нарастает раздражение // Российская газета : [интернет-издание]. URL: <https://rg.ru/2004/03/30/kreml.html> (дата обращения: 10.06.2018).

19. *Oldberg I.* Kaliningrad's Difficult Plight Between Moscow and Europe // Swedish Institute of International Affairs. 2015. № 2.

20. *Тимофеев И.* Россия и НАТО в регионе Балтийского моря // Российский совет по международным делам : [аналитический портал]. URL: http://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-nato-v-regione-baltiyskogo-morya/?sphrase_id=3873161 (дата обращения: 07.04.2018).

21. *Войников В.* Роль стран Балтии в отношениях России — НАТО // Российский совет по международным делам : [аналитический портал]. URL: http://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-stran-baltii-v-otnosheniyakh-rossii-nato/?sphrase_id=527578 (дата обращения: 07.04.2018).

22. *Петров И.* Шойгу: С помощью США в Европе развернуто 5 центров киберопераций // Российская газета : [интернет-издание]. URL: <https://rg.ru/2018/07/24/shojgu-s-pomoshchiu-ssha-v-evrope-razvernuto-5-centrov-kiberoperacij.html> (дата обращения: 12.06.2018).

23. *Вендик Ю.* НАТО в Балтии: не одними батальонами // Русская служба Би-би-си : [интернет-издание]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-37291992> (дата обращения: 07.04.2018).

24. *Витвицкий А.* Эксперт: новая «разведка НАТО» — вообще не вызов для России // РИА Новости : [интернет-издание]. URL: http://ria.ru/radio_brief/20160711/1463825621.html (дата обращения: 31.07.2016).
25. *Бобров А.* Совершенствование военной инфраструктуры НАТО в Прибалтике // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 11. С. 15—19.
26. *Межевич Н.М., Зверев Ю.М.* Экономические дилеммы безопасности в восточной части Балтийского моря // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 1. С. 73—88.
27. *Palowski J.* Tarcza antyrakietowa NATO w gotowości. Następny krok — Redzikowo // Defence24 : [интернет-издание]. URL: <http://www.defence24.pl/tarcza-anty-rakietowa-nato-w-gotowosci-nastepny-krok-redzikowo> (дата обращения: 07.04.2018).
28. *Сидорова Э.* Развертывание системы ПРО в Польше перенесли на 2020 год // Life.ru : [новостной портал]. URL: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1100580/razviorotyvanie_sistemy_pro_v_polshie_pieniesli_na_2020_god (дата обращения: 07.06.2018).
29. *Воловой В., Баторшина И.А.* Система безопасности в Балтийском регионе как проекция глобального противостояния России и США // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 27—43.
30. *Sokolsky R.D.* The new NATO-Russia military balance: implications for European Security // Carnegie Endowment for International Peace. 2017. Vol. 13.
31. *Тухонов П.* Американские танки едут на «войну с Россией»: в Германии не рады действиям НАТО // Телевизионная сеть Russia Today : [интернет-портал]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/348609-tanki-nato-germaniya> (дата обращения: 07.04.2018).
32. *Schmitz J.* The future of EU — Russia relations: case study about the EU as defence acto. University of Twente, 2017.
33. *Клемешев А.П., Кретинин Г.В.* Балтика — средиземноморье Европы // Балтийский регион в Новое и Новейшее время: история и региональная политика : монография. Калининград, 2016.

Об авторах

Владимир Георгиевич Кикнадзе, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия; советник, Российская академия ракетных и артиллерийских наук, Россия.

E-mail: kiknadzeVG@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4574-4778

Денис Алексеевич Миронюк, кандидат исторических наук, начальник департамента перспективного развития, Министерство по культуре и туризму Калининградской области, Россия.

E-mail: p.aeg.iordt@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2774-8708

Геннадий Викторович Кретинин, доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gvkretinin@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0730-0826

THE MILITARY AND POLITICAL SITUATION
IN THE BALTIC REGION IN THE LATE 20TH/EARLY 21ST CENTURIES:
THE PROSPECTS OF 'UNEASY PEACE'

V. G. Kiknadze^{1,2}
D. A. Mironyuk³
G. V. Kretinin⁴

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation*

49 Leningradsky Prospect, Moscow, Russia, 125993

² *Russian Academy of Missile and Artillery Sciences*

3 build, 3, Myasnikovskaya 1-st, Moscow, Russia, 107564

³ *Ministry of Culture and Tourism of the Kaliningrad region*

7A Dmitriya Donskogo St, Kaliningrad, Russia, 236022

⁴ *Immanuel Kant Baltic Federal University*

14 A. Nevskogo St, Kaliningrad, Russia, 236016

Submitted on March 20, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-5

In this article, we consider the development of international relations in the Baltic region in the late 20th/early 21st centuries. This study aims to analyse the security prospects of the Baltic region in view of the changes in the overall geopolitical situation in Europe and in the relations between Russia and its closest neighbours and the leading NATO countries.

We examine the ideas and forecasts of international and Russian experts relating to the state and dynamics of military security in the region at the first stage of the Baltics' membership in NATO. Another focus is on changes in the strategy of the NATO leadership for the Baltic region as a priority zone of potential warfare and, thus, for the presence of the alliance in the area. We stress that the steps taken by the NATO leadership prompted the Russian side to assign a special role in the country's foreign policy to the Kaliningrad region and to take practical steps to ensure peace and security in the region.

Keywords: international relations, cooperation, politics, security, Baltic region, Russia, Kaliningrad region, USA, NATO

References

1. Putz, C. 2016, Will Donald Trump Reset US-Russia Relations? *The Diplomat*, available at: <https://thediplomat.com/2016/11/will-donald-trump-reset-us-russia-relations/> (accessed 07.04.2018).
2. Litvinova, D. 2017, Russia prepared a plan to reset relations with the US after Donald Trump became president, *The Telegraph*, available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/09/13/russia-prepared-plan-reset-relations-us-donald-trump-became/> (accessed 07.04.2018).
3. Ide, W. 2017, Prospect of Warming US-Russia Ties Worries China, *Voice of America*, available at: <https://www.voanews.com/a/prospect-of-warming-us-russia-ties-worries-china/3679349.html> (accessed 07.04.2018).
4. Sivkov, K. V. 2017, President Trump: Survive and win! *Voennaya bezopasnost' Rossii: vzglyad v budushchee: Materialy 2-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. nauchnogo otdeleniya №10 Rossiiskoi akademii raketnykh i artilleriiskikh nauk* [Russia's military security: a look into the future: Proceedings of the 2nd International. scientific-practical conf. Scientific Department No. 10 of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences], *Moscow, March 2, 2017*, RA RAS, MSTU. N. E. Bauman, VA General Staff, Moscow (in Russ.).

5. Borger, J. 2018, Trump trashed Nato at G7, calling it 'as bad as Nafta', officials confirm, *The Guardian*, available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/28/trump-nato-latest-news-as-bad-as-nafta-g7-summit> (accessed 10.06.2018).
6. Vorotnikov, V. V. 2014, Baltic countries in NATO: the results of the decade, *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], no. 6 (39), p. 10 (in Russ.).
7. Arbatov, A.G. 2006, NATO expansion and Russia's national interests // *Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki «Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz»* [Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics "Politia. Analysis. Chronicle. Forecast"], no. 2, p. 98 (in Russ.).
8. Gribanova, G.I., Kosov, Yu.V. 2018, NATO Policies in the Baltics: Objectives and Priorities, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 1, p. 56—72. Doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-4.
9. Mezhevich, N.M., Zverev, Yu. M. 2016, *Rossiia i Pribaltika: stsensarii bezopasnosti v usloviyakh politicheskoi napryazhennosti. Rabochaya tetrad'* [Russia and the Baltic states: security scenarios in the context of political tensions. Workbook], no. 35/2016, Russian International Affairs Council, Moscow, 2016, 32 p. (in Russ.).
10. Khudoley, K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 1, p. 4—16. Doi: 10.5922/2079-8555-2016-1-1.
11. Kuznetsov, I. I. 2018, Development of Russia-NATO Relations: Arms Control Problems and Limitations of the Alliance's Destabilizing Military Activities, *Mezhdunarodnaya analitika* [International analytics], no. 1, p. 62—70 (in Russ.).
12. Nikitin, A. I. 2018, Strengthening of NATO on the eastern borders of the alliance and the prospects for its expansion to the north, *Mezhdunarodnaya analitika* [International analytics], no. 1, p. 34—43 (in Russ.).
13. Petersson, M. 2018, *NATO and the Crisis in the International Order: The Atlantic Alliance and Its Enemies*, Routledge, 88 P.
14. Marten, K. 2018, Reconsidering NATO expansion: a counterfactual analysis of Russia and the West in the 1990s, *European Journal of International Security*, Vol. 3, no. 2. p. 135—161.
15. Grinyaev, S. 2002, Driven chaos is growing, *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper], available at: http://www.ng.ru/ideas/2002-03-06/11_chaos.html (accessed 07.04.2018) (in Russ.).
16. Troitsky, M. A. 2003, "Soft" security: the Russian-Baltic aspect, *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], no. 1, p. 135—139 (in Russ.).
17. Gavrilov, Yu. 2013, Russia and NATO recount their weapons in Europe. *Armeiskii vestnik* [Army Gazette], available at: <http://army-news.ru/2013/05/rossiya-i-nato-pereschita-yut-svoe-vooruzhenie-v-evrope/> (accessed 07.04.2018) (in Russ.).
18. Bogdanov, V.B 2004, Moscow, growing irritation, *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], available at: <https://rg.ru/2004/03/30/kreml.html> (accessed 10.06.2018) (in Russ.).
19. Oldberg, I. 2015, *Kaliningrad's Difficult Plight Between Moscow and Europe*, Swedish Institute of International Affairs, no. 2, 9 p.
20. Timofeev, I. 2016, Russia and NATO in the Baltic Sea region, *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Council], available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-nato-v-regione-baltiyskogo-morya/?sphrase_id=3873161 (accessed 07.04.2018) (in Russ.).
21. Voynikov, V. 2019, The role of the Baltic States in the Russia-NATO relationship, *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Council], available at: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-stran-baltii-v-otnosheniyakh-rossii-nato/?sphrase_id=527578 (accessed 07.04.2018) (in Russ.).
22. Petrov, I. 2018, Shoigu: With the help of the USA, 5 centers of cyber-operations are deployed in Europe, *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], available at: <https://rg.ru/2018/07/24/shojgu-s-pomoshchiu-ssha-v-evrope-razvernuto-5-centrov-kiberoperacij.html> (accessed 12.06.2018) (in Russ.).
23. Vendik, Yu. 2016, NATO in the Baltics: not only battalions, Russian service *BBC*, available at: <https://www.bbc.com/russian/features-37291992> (accessed 07.04.2018) (in Russ.).

24. Vitvitsky, A. 2016, Expert: New "NATO intelligence" — not a challenge at all for Russia, *RIA Novosti* [RIA News], available at: http://ria.ru/radio_brief/20160711/1463825621.html (accessed 31.07.2016) (in Russ.).
25. Bobrov, A. 2017, Improving the military infrastructure of NATO in the Baltic States, *Zarubezhnoe voennoe obozrenie* [Foreign military review], no. 11, p. 15—19 (in Russ.).
26. Mezhevich, N. M., Zverev, Yu. M. 2018, East Baltics: Economic Dilemmas of Security, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 1, p. 73—88. Doi: 10.5922/2079-8555-2018-1-5.
27. Palowski, J. 2016, Tarcza antyrakietowa NATO w gotowości. Następny krok — Redzikowo, *Defence24*, available at: <http://www.defence24.pl/tarcza-antyrakietowa-nato-w-gotowosci-nastepny-krok-redzikowo> (accessed 07.04.2018).
28. Sidorova, E. 2018, Deployment of a missile defense system in Poland postponed to 2020, *Life.ru*, available at: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1100580/razviorotyvaniie_sistiemy_pro_v_polshie_pierieniesli_na_2020_ghod (accessed 07.06.2018).
29. Volovoj, V., Batorshina, I. A. 2017, Security in the Baltic region as a Projection of Global Confrontation between Russia and the USA, *Balt. Reg.*, Vol. 9, №1, p. 18—29. Doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-2.
30. Sokolsky, R. D. 2017, *The new NATO-Russia military balance: implications for European Security*, Carnegie Endowment for International Peace, Vol. 13, p. 15.
31. Tikhonov, R. 2017, American tanks are going to the "war with Russia": in Germany, not happy with the actions of NATO, *Russia Today*, available at: <https://russian.rt.com/world/article/348609-tanki-nato-germaniya> (accessed 07.04.2018) (in Russ.).
32. Schmitz, J. 2017, *The future of EU—Russia relations: case study about the EU as defence actor*, University of Twente, p. 7.
33. Klemeshev, A. P., Kretinin, G. V. 2016, Baltic — Mediterranean Europe. In: *Baltiiskii region v Novoe i Noveishee vremya: istoriya i regional'naya politika* [Baltic region in the New and Newest time: history and regional policy], Kaliningrad, 323 p.

The authors

Prof. Vladimir G. Kiknadze, Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia; Adviser, Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Russia.

E-mail: kiknadzeVG@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4574-4778

Dr Denis A. Mironyuk, Head of the Department, Ministry of Culture and Tourism of the Kaliningrad region, Russia.

E-mail: p.aeg.iordt@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2774-8708

Prof. Gennady V. Kretinin, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gvkretinin@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0730-0826

To cite this article:

Kiknadze, V. G., Mironyuk, D. A., Kretinin, G. V. 2019, The military and political situation in the Baltic region in the late 20th/early 21st centuries: the prospects of 'uneasy peace', *Balt. Reg.*, Vol. 11, no. 1, p. 6—75. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-5.

СОСТОЯНИЕ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ИНКЛЮЗИВНОГО И СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ БАЛТИИ

*И. Н. Симаева*¹

*А. О. Бударина*¹

*С. Сундх*²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

² Университет Уппсала, SE-621 57, Швеция, Висбю, ул. Црамёргатан, 3.

Поступила в редакцию 27.07.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-6

Для цитирования:

Симаева И. Н., Бударина А. О., Сундх С., Состояние и привлекательность инклюзивного и специального образования в России и странах Балтии // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 1. С. 76—91. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-6.

© Симаева И. Н., Бударина А. О., Сундх С.. 2019

Статья посвящена оценке состояния образовательной ситуации и перспектив специального (коррекционного) и инклюзивного образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в странах Балтийского региона (Польша, Швеция, Германия, Эстония, Латвия, Норвегия и России). Представлен SWOT-анализ развития коррекционной и инклюзивной систем образования детей с ОВЗ в разных странах, его сильные и слабые стороны, риски, угрозы и возможные перспективы в ракурсе политических, экономических и технологических аспектов. Трактовка инклюзивного образования выведена авторами статьи за рамки проблемы обучения детей с инвалидностью, рассматриваются политические, экономические, социальные и технологические аспекты внешней среды, которые влияют на образовательную ситуацию детей с ОВЗ. Инклюзивное образование рассматривается в русле документов Европейского агентства по особым потребностям и инклюзивному образованию как актив института образования, который способствует подготовке и адаптации всех обучающихся к жизнедеятельности в сложных поликультурных и интегрированных обществах на основе обеспечения прав, свободы, толерантности и отсутствия дискриминации инвалидов. Анализ тенденций инклюзивного образования основывается на оценке целей и задач, доступности, социально-культурной и экономической целесообразности систем инклюзивного образования. Показаны политические, социально-культурные и технологические отличия в ситуации, динамике и перспективах специального (коррекционного) и инклюзивного образования в странах Балтии и России.

Ключевые слова: инклюзивное образование, специальное (коррекционное) образование, особые образовательные потребности, позиция сострадания (благотворительности), позиция изоляции (сегрегации), позиция социально-культурной целесообразности (инклюзии и интеграции)

Введение

Социально-культурная эволюция, научный и технический прогресс в XX веке привели к изменению демографического состава населения. Одним из последствий стало увеличение численности детей-инвалидов во всем мире. По данным Европейского агентства по особым потребностям и инклюзивному образованию, на 2017 год в тридцати странах зарегистрировано от 1,11 до 17,47% детей школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Так, в странах Балтии более 3% — в Польше, 5% — в Германии и Дании, 6% — в Латвии, 8% в Эстонии и Норвегии, в то же время около 12% — в Литве. Средний показатель по европейским странам составляет 4,53%¹.

Не является исключением и Россия: сегодня статус ребенка с ограниченными возможностями здоровья, в частности с инвалидностью, имеют более 651 тысяч детей (2,4%)².

Жизнь и судьба этих людей почти двести лет назад перестали быть эксклюзивными прецедентами и поставили государства и общества перед необходимостью решить проблемы социализации, адаптации к социуму и экономическим условиям жизнедеятельности детей и взрослых с ОВЗ и ООП. Одним из главных механизмов для решения поставленных проблем служит система образования.

В этой связи исторически проявилось несколько антагонистических позиций, имеющих политическую, экономическую, социокультурную и технологическую составляющие [1]. Каждая из противоборствующих позиций имеет сильные и слабые стороны, создает возможности и открывает перспективы для обучающихся с инвалидностью. Одновременно они таят в себе угрозы и риски для субъектов образования с ОВЗ и общества в целом. Целью данной статьи является анализ антагонистических позиций в ракурсе оценки состояния и привлекательности коррекционного и инклюзивного образования для разных субъектов образования путем выявления достоинств и преимуществ каждой из позиций образования обучающихся с ОВЗ, а также описание возможных негативных последствий, связанных с ними в контексте развития образовательной ситуации в России и странах Балтии. Результаты данного анализа могут послужить поводом для размышлений не только ученых, оценивающих функционирование общественных институтов, но и политиков и экономистов, принимающих стратегические решения в сфере образования.

Методы исследования

Для оценки состояния и привлекательности разных систем образования обучающихся с ОВЗ нами избран и адаптирован метод SWOT-анализа. Выбор обусловлен тем, что этот достаточно универсальный гибкий метод со свободным выбором анализируемых элементов, применяемый в стратегическом

¹ *Inclusive education for learners with disabilities* // Petitions. European Agency, 2017. Policy Department C: Citizens' Rights and Constitutional Affairs. URL: <http://www.europarl.europa.eu/supporting-analyses> (дата обращения: 12.05.2018).

² *Уровень инвалидизации в Российской Федерации / ГИС Федеральной службы государственной статистики*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/en/statistics/population/disabilities (дата обращения: 13.04.2018); *Численность детей-инвалидов на 01.03.2018 // Федеральный реестр инвалидов*. URL: <https://sfri.ru/stat/> (дата обращения: 30.04.2018).

управлении самыми разнообразными сферами общественной жизни, позволяет дать структурированное описание ситуации, относительно которой необходимо принимать решения. В данном случае объектом SWOT-анализа являются разные позиции в отношении образования детей с ограниченными возможностями здоровья. SWOT-анализ известен как эффективный метод для общей оценки текущей ситуации в разрезе сильных и слабых сторон отдельных позиций, а также связанных с ними угроз и рисков, хотя и не может заменить выработку стратегии. Поэтому задача оценки отдельных феноменов положения детей-инвалидов в школах России, а также разработки конкретных мероприятий для усиления слабых сторон и устранения угроз не ставилась в рамках данной статьи.

Стремясь более рельефно представить контекст развития образования людей с ОВЗ, мы адаптировали PEST-анализ для выявления политических (Political), экономических (Economic), социальных (Social) и технологических (Technological) аспектов внешней среды, которые влияют на образовательную ситуацию детей и взрослых с ОВЗ. Политические и экономические аспекты очерчиваются потому, что они влияют на получение ключевых ресурсов для обеспечения образования инвалидов на уровне государства. Однако ядром разных позиций по отношению к образованию инвалидов выступают, на наш взгляд, потребительские предпочтения, то есть привлекательность для субъектов образования. Они представлены с помощью социального компонента PEST-анализа. Не менее важным фактором является технологический компонент, который выявляет тенденции в технологическом обеспечении развития образования инвалидов, их связь с непривлекательностью и результатами, а также указывает на перспективы внедрения новых форматов образования.

Применение названных методов позволило выделить несколько обобщенных категорий анализа — позиций. Под позицией в данном случае понимается ориентация государства, общества в целом и субъектов образования в частности, которая находит отражение в отношении к образованию людей с ОВЗ. Ввиду многоликости и многоаспектности позиций, связанных с образованием инвалидов, мы условно обозначили их как позицию сострадания (благотворительности), позицию изоляции (сегрегации) и позицию социально-культурной целесообразности (инклюзии и интеграции). Введение данных обобщенных понятий обусловлено необходимостью анализа достоинств, слабых сторон и рисков, перспектив специального (коррекционного) и инклюзивного образования в определенном социально-политическом, экономическом и культурном контексте.

Позиция сострадания в странах Балтийского региона и России по отношению к образованию граждан с инвалидностью: сильные и слабые стороны

Позиция сострадания в образовании исторически возникла раньше остальных (XIII — XIX века) как отражение принципа альтруизма в общественном сознании в его утилитарном понимании, была нацелена на обеспечение милосердного обращения при обучении инвалидов вне зависимости от их ограничений в здоровье и особенностей развития. Образование ориентировалось на обучение простейшим рабочим профессиям для социальной адаптации в обществе.

Декларация благих намерений с социально-культурной точки зрения выглядела привлекательно, однако политическая, экономическая и технологиче-

ская стороны благотворительного образования были явно слабее. В планы государства и общества не входило обеспечение равных прав и возможностей для данной категории населения. Благотворительность и государственное финансирование обеспечивали лишь минимальные образовательные запросы. На повестке дня не стояли и оставались нерешенными проблемы получения качественного образования и помощи в развитии способностей, социальной автономии и гражданственности. Педагогические технологии оставались уделом энтузиастов-одиночек и не имели широкого распространения.

При несомненном прогрессе в отношении государства и общества к инвалидам и детям со специфическими потребностями подобная позиция латентно приводила к дискриминации прав и ограничению доступа к образованию и карьере людей с ограничениями здоровья, зачастую лишала их возможности стать полноправными гражданами. Более того, отношение к детям с нарушениями в развитии в отдельных (даже цивилизованных) странах приобрело жестокие и насильственные формы [2, с. 154].

Современные приверженцы позиции сострадания, как правило, объединяются в общественные организации, имеют поддержку и благотворительное финансирование от компаний и отдельных граждан, а также гранты от государства на образовательные проекты с инвалидами. Наиболее существенные расходы по подобным статьям предусмотрены в бюджетах государств с более высоким качеством жизни: в Швеции, Дании, Норвегии. В Швеции в течение многих лет осуществлялась существенная поддержка учителей в сфере инклюзивного образования в начальной и средней школе. Ряд крупных образовательных проектов был реализован в сотрудничестве с организациями, специализирующимися в области преподавания и изучения особых потребностей обучающихся, такими, как Национальное агентство по специальному образованию Швеции (*Special pedagogiska skolmyndigheten*)³.

В России же половина семей, имеющих инвалидов, бедна и может позволить себе только еду и одежду⁴. Низкий финансовый статус существенно ограничивает возможности содержать студентов и оставляет детей с ОВЗ за порогом высшего, а порой и среднего профессионального образования.

Еще одной современной слабой стороной позиции сострадания в системе образования является то, что увеличение финансовой поддержки детей и взрослых с ОВЗ в части государственных пенсий и пособий в названных странах отнюдь не способствует их стремлению к получению профессионального образования и экономической независимости. В России трудятся лишь 25% инвалидов трудоспособного возраста и лишь половина из них вовлечена в местные сообщества и выражает готовность вести самостоятельный образ жизни⁵.

Рискуя вызвать критику, выскажем тезис о том, что позиция сострадания правомерна и конструктивна для весьма узкой категории детей-инвалидов 1—2-й группы, которые имеют существенные ограничения интеллекта и не способны к освоению общеобразовательной программы. Что касается остальных детей с

³ *Special pedagogiska skolmyndigheten*. URL: www.spsm.se (дата обращения: 23.06.2018).

⁴ *Комплексное наблюдение условий жизни населения в 2014 году, в процентах* / ГИС. Федеральный реестр инвалидов. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab3-8.htm (дата обращения: 20.04.2018).

⁵ *Труд и занятость инвалидов. Самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество* / ГИС Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities (дата обращения: 20.04.2018).

ОВЗ, то динамика развития высших психических функций (внимания, памяти, мышления, воображения, речи) у многих из них может отличаться от средне-статистической нормы. К примеру, вследствие дефектов зрения, слуха, центральной нервной системы или поведения им может потребоваться больше времени и специальные междисциплинарные методы для стимуляции развития речи и мышления.

Создание условий для удовлетворения особых образовательных потребностей позволяет большинству детей с ОВЗ получить полноценное образование, профессию и социальный статус, что, собственно и доказывает вся история дефектологии [3—5].

Одно лишь сострадание по отношению ко многим детям с ОВЗ формирует у них низкий уровень притязаний, приобретенную беспомощность и потребительские стратегии поведения. Также не актуализируется потребность в использовании такого социального лифта, как профессиональное образование. Круг бедности замыкается: в бедных семьях вырастают дети-инвалиды без профессионального образования, живущие на пособие и не имеющие жизненных перспектив.

Коррекционное образование: противоречие между технологичностью и социокультурной и экономической целесообразностью

Прогресс в общественном сознании, понимание слабых сторон и благотворительного образования и попытки решить указанные проблемы на уровне государства привели к трансформации позиции сострадания в институциональную поддержку образования детей с ОВЗ⁶ — организацию системы специального (коррекционного) образования. Начало становления специального образования относят к 60—80 годам XVIII века, а подлинное развитие оно получило уже в XX веке⁷ [6; 7].

Парадоксально, но стремление к унификации — всеобщему начальному, а затем и среднему образованию — породило необходимость дифференциации. Технологическое обеспечение образовательных программ и методов требует коррекции с учетом уровня и особенностей развития интеллекта, сенсорных систем, физического и психологического статуса обучающихся в целом. Сложность программ потребовала значительных финансовых затрат на обучение педагогов, разработку специального оборудования и содержание детей в специальных учреждениях закрытого или интернатного типа⁸. Данная специфика привела к изоляции: коррекционное обучение заняло отдельную обособленную нишу.

⁶ *Об образовании* в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 07.05.2013 № 99-ФЗ, от 23.07.2013 № 203-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ *О социальной защите инвалидов* в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ *Требования к организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в профессиональных образовательных организациях, в том числе оснащенности образовательного процесса* : письмо Департамента подготовки рабочих кадров и ДПО Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 марта 2014 г. № 06—281. URL: http://www.mubint.ru/disabl/normativnye_dokumenty/Pismo_Minobrnauki_Rossii_ot_18.03.2014_g_N_06-281.pdf (дата обращения: 01.03.2018).

Позиция изоляции в образовании детей с ОВЗ и особыми потребностями актуальна и в России имеет много adeptов из числа педагогов и родителей. Они отстаивают систему обучения детей с ОВЗ в учреждениях узкой направленности, в первую очередь детей с нарушениями слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, задержкой психического развития и др., на основе дифференциации детей по типу дефекта и отделении их от остальных обучающихся. Подобные учреждения достаточно успешно компенсируют в процессе обучения ограничения в здоровье, используя высококвалифицированных специалистов и специальные образовательные технологии.

Сильной стороной позиции изоляции является поддержка специальных образовательных услуг родителями детей-инвалидов. Многим из них в силу низкого финансово-экономического статуса весьма затруднительно оставить работу ради ухода за больным ребенком. Образовательное учреждение в данной ситуации выполняет не только образовательную функцию, но и функцию социальной поддержки, позволяя родителям трудиться и участвовать в социальной жизни.

Еще одной сильной стороной позиции изоляции в образовании обучающихся с ОВЗ и ООП является прогресс в умственном развитии, освоении адаптированных программ. Однако сопоставление уровня и качества компетенций выпускников коррекционных и массовых школ опровергает это утверждение. Большинство абитуриентов с ОВЗ, желающих поступить в вуз, за редким исключением имеют низкие оценки ЕГЭ и поступают на льготных условиях. Общая численность российских инвалидов, получающих профессиональное образование, в 2017 году составила менее пяти тысяч, то есть 8,5% молодежи от 18 до 30 лет⁹. Статистика указывает на снижение численности инвалидов, получающих высшее и среднее профессиональное образование¹⁰.

Данный результат вполне объясним. Специальное (коррекционное) образование в России, как и 30—50 лет назад в странах Балтии, построено на дифференцированном подходе с учетом потенциальных возможностей ученика. Создаются специальные психолого-педагогические условия образования: щадящий режим, удлиненные сроки обучения, существенное изменение содержания программ, пониженная степень сложности подачи материала, ориентация на усвоение социально-бытовых навыков, а не программного материала в полном объеме.

Согласно федеральным государственным стандартам специального образования РФ цель и главный результат образования — общекультурное и личностное развитие обучающегося. «Личностные результаты включают овладение обучающимися социальными (жизненными компетенциями), необходимыми для решения практико-ориентированных задач и обеспечивающими становление социальных отношений обучающихся, сформированность мотивации к обучению и познанию»¹¹. Требования к предметным результатам дифференцированы в зависимости от степени нарушений в здоровье. По отношению к обучающимся, имеющим комбинированную структуру дефекта, выраженные сложные нарушения, законодательно обоснована реальная воз-

⁹ Образование инвалидов // ГИС Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 30.04.2018).

¹⁰ Численность инвалидов, получивших высшее и среднее профессиональное образование на 01.01.2018 // Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/stat> (дата обращения: 30.04.2018).

¹¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями) : приказ Министерства образования и науки РФ № 1599 от 19.12.2014 г. С. 27—28. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70760670/> (дата обращения: 30.04.2018).

возможность достижения максимально возможной жизненной компетенции и доступной академической успешности по индивидуальной реабилитационной программе.

Иными словами, специальное образование на законодательном уровне обеспечивает лицам с ОВЗ равные возможности путем предоставления специально организованных образовательных услуг в достаточно закрытой системе образовательных учреждений. Дополнительно изоляция играет роль социальной поддержки семей, которые имеют таких детей. Представляется, что вопрос о личностном развитии, социализации и равных правах обучающихся является весьма дискуссионным.

Сторонники коррекционного образования игнорируют те обстоятельства, что дети находятся в условиях закрытого микросоциума и гиперопеки педагогов, не взаимодействуют с обычными сверстниками, зачастую изолированы от семьи. Подобная сегрегация приводит к значительным трудностям коммуникации в открытом социуме, социально-экономической адаптации и профессиональной ориентации по окончании школьного обучения. Выпускники коррекционных школ социально инфантильны и нуждаются в постоянной опеке.

Особые затруднения вызывает профессиональное обучение и трудоустройство ввиду того, что количество специальных образовательных учреждений профессионального образования весьма невелико. По данным Федерального реестра инвалидов, работающих инвалидов трудоспособного возраста в России — 25,7%¹². Незначительно и количество рабочих мест для лиц с ОВЗ без профессиональной подготовки.

В поисках возможностей для решения данной проблемы средствами системы образования общественные организации и волонтеры из 46 стран, в том числе России, объединились в уникальное международное некоммерческое движение «Абилимпикс». Движение пытается обеспечить релевантную профессиональную ориентацию, усилить мотивацию людей с инвалидностью и ОВЗ к получению профессионального образования, содействовать их трудоустройству и социокультурной инклюзии в обществе. Для поддержки и пропаганды профессионального образования инвалидов используются популяризация лучших практик и разработка профессиональных стандартов для образования инвалидов во всем мире. Только в Российской Федерации проведено около сотни региональных и четыре национальных конкурса профессионального мастерства среди обучающихся-инвалидов¹³. И действительно, 94,7% из числа участвующих в чемпионате «Абилимпикс» в 2017 году трудоустроены или продолжают обучение¹⁴. При оценке перспектив обратим внимание на мастер-классы, запланированные в рамках IV Московского чемпионата: соревнования по профессиональным компетенциям, мастер-классы «Выпечка», «Вязание крючком», «Вязание спицами», «Карвинг», «Кондитерское дело», «Кулинарное дело», «Макраме», «Массаж», «Эстетическая косметология»¹⁵. Очевидно, что специальное образование продолжает попытки выполнять адаптивную функцию, хотя эффективность ее недостаточно высока.

¹² Количество работающих инвалидов трудоспособного возраста. Статистика. Аналитика // Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/stat> (дата обращения: 01.03.2018).

¹³ Национальный чемпионат по профессиональному мастерству для людей с инвалидностью «Абилимпикс». URL: <https://abilympicspro.ru/centers/national-center> (дата обращения: 19.05.2018).

¹⁴ Федеральный реестр инвалидов. Международное некоммерческое движение «Абилимпикс». 6 октября 2017 г. URL: https://sfri.ru/news/_abilympicspro/~2017/10/06/21 (дата обращения: 29.04.2018).

¹⁵ Абилимпикс, 2018. URL: http://abilympics.moscow/news/ID_56.html (дата обращения: 19.05.2018).

Таким образом, сильная технологическая сторона коррекционного образования находится в противоречии со слабыми социокультурными возможностями и экономической целесообразностью. Существует и политическое противоречие: специальное образование, с одной стороны, обеспечивает право на образование, гарантированное Конституцией, так как компенсирует ограничения в здоровье для развития интеллекта и познавательных навыков, а с другой — ограничивает гражданские права обучающихся с ОВЗ и ООП, создает барьеры для социализации выпускников специальных школ, для построения маршрута профессионального обучения, карьеры и автономной жизнедеятельности. Наличие указанных противоречий свидетельствует о неэффективности позиции изолированного образования детей с ОВЗ и ООП и одновременно о сложности обеспечения равноправия. На это же указывают научные дискуссии о необходимости изменения методологических принципов и определения терминологии в специальной психологии и коррекционной педагогике — науках, изучающих развитие и обучение детей-инвалидов в России и за рубежом [8, с. 51—54; 9, с. 152—174].

Инклюзивное образование: целесообразность и экономическая перспектива

В странах Балтии почти 50 лет тому назад выбор сделан в сторону обеспечения гражданских прав¹⁶. Позиция изолированного образования детей с ОВЗ и ООП утратила привлекательность для европейских идеологов социального развития и не имеет широкого распространения. К примеру, коэффициент детей с ОВЗ, обучающихся в специальных школах в Швеции, — всего 1%, в Дании — 2%, в Эстонии — чуть больше 3%, в Германии и Латвии — менее 4%, а в Норвегии — менее 1%¹⁷. Утилитарность специального образования перестала быть приоритетом и уступила место функциям социализации детей с ОВЗ и интеграции их в общество как равноправных граждан.

Политики, экономисты и социологи продвигают модель образования инвалидов, которую можно охарактеризовать как позицию социально-культурной целесообразности. Целесообразность, как нам представляется, заключается в корреляции политических, социальных и культурных целей общества с механизмами их достижения с помощью социального лифта — образования. На современном этапе развития общества данная позиция воплотилась в концепции инклюзивного образования или интеграции детей с ОВЗ и ООП в систему дошкольного, общего среднего и высшего образования.

Как отмечено в петиции Европейского агентства по особым потребностям и инклюзивному образованию, «конечным итогом внедрения систем инклюзивного образования является обеспечение того, чтобы всем учащимся любого возраста предоставляли значимые качественные образовательные возможности в своем местном сообществе, рядом со своими друзьями и сверстниками»¹⁸. Поставленная цель предполагает принципиальные изменения политики

¹⁶ Декларация о правах инвалидов. Принята резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1975 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения 30.04.2018).

¹⁷ *Inclusive education for learners with disabilities* // Petitions. European Agency, 2017. Policy Department C: Citizens' Rights and Constitutional Affairs. URL: <http://www.europarl.europa.eu/supporting-analyses> (дата обращения: 12.05.2018)

¹⁸ *Inclusive education for learners with disabilities* // European Parliament Committees. URL: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/supporting-analyses-search.html> (дата обращения: 23.04.2018).

и технологии образования в практике преподавания и поддержки. Вместо изоляции и группировки детей по характеру и степени дефекта система образования должна приобрести способность реагировать на разнообразные потребности учащихся без необходимости их категоризации, маркировки и стигматизации. Ведущие идеи и базовые концепции инклюзивного образования Г. Фойзера, А. Зандера, Г. Райзера, У. Хэберлина и О. Шпека, С.В. Алехиной, Т.А. Басиловой, В.И. Лубовского, Т.В. Фурляевой, каждая по-своему, обращены не только к содержанию образования, но и к его социальной реальности и социальной функции, необходимости формировать инклюзивную образовательную культуру [9, с. 152—174; 10—14].

Таким образом, инклюзивное образование в школе должно компенсировать разные стартовые позиции, а не индивидуальные слабости обучающихся¹⁹. Данный принцип является абсолютным прорывом в области образования детей с ОВЗ и ООП, поскольку выводит общество на новый социокультурный уровень развития и открывает новые возможности и перспективы для развития педагогических технологий.

Гуманное мировоззрение и принципы равноправия, на которых базируется инклюзивное образование, обеспечивают цели развития, заявленные в конституциях всех цивилизованных стран, в Декларации прав человека и других документах ООН, и представляют собой наиболее сильную сторону позиции социально-экономической целесообразности.

Следует понимать, что социально-культурная целесообразность инклюзивного образования стала возможной благодаря развитию технологической составляющей: новых цифровых технологий коммуникации, обучения, баз данных и сети «Интернет». К примеру, современные технологии представления обучающего контента для учащихся с нарушениями зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата и специальное оборудование вполне могут быть освоены педагогами массовой школы или педагогами специальных классов, интегрированных в общеобразовательные учреждения. В этой связи в интегративные программы подготовки специалистов в вузе в области педагогического и психолого-педагогического образования необходимо внедрять модули и блоки дисциплин для работы с детьми с ОВЗ и в сфере инклюзивного образования [15; 16].

Социально-культурная целесообразность имеет и экономическую перспективу. Она состоит в возможности снижения уровня психологической беспомощности и в формировании у школьников с ОВЗ более широкой и гибкой профессиональной ориентации, способности включаться в экономические отношения за счет развитых социальных сетей школьного сообщества.

Встает закономерный вопрос: «Почему же система инклюзивного образования при всей ее социально-культурной и даже экономической целесообразности не получила развития до XXI века?» Дело в том, что она имеет и ряд слабых сторон. Они обнаружили еще в середине XIX века, когда во Франции, Великобритании и Германии были предприняты первые официально упоминаемые попытки совместного обучения детей с ОВЗ в массовой школе [17].

Несмотря на то что идея нашла поддержку правительств, сторонники обучения детей с нарушениями слуха в общеобразовательных государственных школах столкнулись с жестким сопротивлением со стороны педагогов специального образования и родителей обучающихся. Педагоги усмотрели в ней стремление сэкономить на образовании детей-инвалидов в ущерб качеству и

¹⁹ О государственной программе Российской Федерации «Доступная среда» на 2011—2015 годы (с изменениями и дополнениями) : постановление Правительства РФ от 17 марта 2011 г. № 175. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

условиям обучения. Кроме того, в массовых школах отсутствовало необходимое оборудование, а педагоги не владели специальными технологиями обучения детей с ОВЗ.

Родители обучающихся в разных странах были обеспокоены тем, что дети с ОВЗ и ООП не могли освоить общую программу вместе со сверстниками. Необходимо учесть и тот факт, что обучающиеся с ОВЗ и ООП оставались на попечении семьи, что создавало для нее дополнительные финансовые и социальные трудности.

Подобные аргументы и сегодня используют сторонники системы специального образования и противники инклюзии и интеграции обучающихся с особыми потребностями и ограничениями здоровья. По данным исследования [18], и в наши дни главными причинами, которые угрожают благополучию и спокойствию родителей детей с особыми потребностями развития, являются информационный дефицит, ограниченный доступ к социальным услугам, несоответствие реальных доходов и необходимых затрат, слабое включение в общую образовательную среду и широкие социальные отношения. Те же проблемы видят и российские родители детей-инвалидов [19].

Ратификация Россией Конвенции о правах инвалидов вызвала одобрение широкой общественности. Однако отношение педагогов и населения к инклюзивному образованию за последние сто лет почти не изменилось. Пытаясь успокоить педагогическую общественность и родителей, министр образования О.В. Васильева была вынуждена официально заверить, что «коррекционных школ как было 1764, так и останется, сохранится их финансирование... Одновременно более 11 тысяч общеобразовательных школ приняли детей на инклюзивное образование. Это очень большое достижение, всего там учатся 367 тыс. детей»²⁰. В действительности первые шаги к инклюзии весьма скромны, поскольку система общего среднего образования Российской Федерации включает более чем 41 100 учебных заведений и охват инклюзией 27% учреждений образования трудно считать достижением²¹.

Слабой стороной инклюзивного образования в России является не только малая динамика его распространения. Отечественные ученые-исследователи проблем инклюзивного образования сходятся во мнении, что, несмотря на эпохальную значимость принятых государственных программ и планов, очевидный прогресс инклюзии, разрыв между реальной практикой образования, целями и возможностями остается весьма существенным [20; 21—23].

Исследования ученых Балтийского федерального университета им. И. Канта в 2012—2016 годах выявили недостаточный уровень психологической и профессиональной готовности педагогов к обучению и воспитанию детей с особыми потребностями. При этом недостаточность присуща всем компонентам инклюзивной готовности: когнитивному, эмоционально-оценочному, мотивационному, рефлексивному и коммуникативному, что оказывает влияние на характер общения и взаимодействия с участниками инклюзивного образовательного пространства [24].

Не готов пока и институт тьюторства для социально-психолого-педагогического сопровождения инклюзии. Профессиональный стандарт «Специа-

²⁰ Родительское собрание ведет министр. URL: <https://rg.ru/2017/08/30/glava-minobr-nauki-provela-vserossijskoe-roditelskoe-sobranie.html> (дата обращения: 30.04.2018).

²¹ Образование в 2017 году (по данным Министерства образования и науки Российской Федерации на начало учебного года) // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/ (дата обращения: 07.10.2018).

лист в области воспитания»²², который регламентирует работу тьютора по разработке и подбору методических средств для формирования открытой, вариативной, адаптированной образовательной среды для обучающихся с ОВЗ и инвалидностью, утвержден Правительством в январе 2017 года и только начал формировать профессиональную среду инклюзии²³.

В странах Европы, согласно исследованию *DLA Piper* в 2017 году, проведенному по запросу Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, наиболее слабой стороной инклюзивного образования является его правовое обеспечение и защита. Угрозы и препятствия для инклюзии группируются по четырем темам:

1. Дефицит информации о том, как оспаривать отказ в нарушении права на образование среди людей с ОВЗ.

2. Трудности получения юридической помощи в делах, возбужденных против школы или государственных администраций, включая формальные и неформальные процедурные барьеры для апелляций по отказам в инклюзивном образовании и т. п.

3. Отдельная правовая защита для детей-инвалидов и их родителей или опекунов от виктимизации и стигматизации в процессе отстаивания права на инклюзивное образование.

4. Отсутствие независимого, эффективного, доступного, понятного, безопасного и подлежащего исполнению механизма рассмотрения жалоб, недостаток средств правовой защиты [25].

Выводы

Инклюзивное и специальное образование в России и в странах Балтии на современном этапе представляет собой две отдельные подсистемы института образования. Первая — открытая, динамическая система, которая развивается на основе разрешения противоречий между благими пожеланиями и действительным состоянием данной системы, преодолевая несовершенство технологического обеспечения, формализм, недостаточный уровень психологической и профессиональной готовности педагогов к обучению и воспитанию детей с особыми потребностями, сопротивление части родителей. Функционально инклюзивное образование ориентировано на подготовку и адаптацию всех обучающихся, а не только детей с ОВЗ к жизнедеятельности в сложных поликультурных и интегрированных обществах на основе обеспечения прав, свободы, толерантности и отсутствия дискриминации инвалидов.

Вторая подсистема — специальное (коррекционное) образование — достаточно изолирована в силу высокой степени дифференцированности программ, необходимости высокотехнологичного психолого-педагогического сопровождения. Перспективы ее развития определяются возможностями использования достижений научно-технического прогресса в области высокотехнологичного оборудования (протезирования, имплантации и т. д.) и информационных технологий. Функционально она предназначена для довольно узкого контингента обучающихся с инвалидностью и имеет тенденцию к сокращению контингента обучающихся ввиду сложности их социализации и профессионализации после получения общего среднего образования.

²² *Специалист в области воспитания* : профессиональный стандарт (утв. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 января 2017 г. № 10н). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

²³ *Образование без границ*: информационно-методический портал по инклюзивному и специальному образованию. URL: <http://window.edu.ru/resource/946/77946> (дата обращения: 19.05.2018).

Обе подсистемы являются следствием исторически сложившихся позиций относительно образования людей с инвалидностью: позиции социально-культурной целесообразности (инклюзии и интеграции) обучающихся с ОВЗ, позиции сострадания (благотворительности) и позиция изоляции (сегрегации).

Анализ сильных и слабых сторон, перспектив и угроз, свойственных различным позициям, исторически сложившимся при организации образования детей-инвалидов в России и странах Балтии, показывает, что в настоящее время для населения России более привлекательна позиция изоляции — коррекционное образование детей с ОВЗ в специальных учреждениях. Социально и культурно целесообразное инклюзивное образование разворачивается медленно, поскольку политическая воля Правительства РФ вынуждена преодолевать открытое сопротивление родителей и завуалированное — педагогической общности, несовершенство специального технологического обеспечения массовых школ.

В странах Балтийского региона сложилась другая ситуация: большинство детей-инвалидов обучается в условиях инклюзивного образования. Латентное сопротивление инклюзии наблюдается со стороны образовательных учреждений и местных администраций. Современный взгляд на проблему, например в Швеции, заключается в том, что следует избегать изолированного воспитания детей в пользу инклюзивного образования и интеграции как на уровне классов, так и на уровне школы, и эта цель вполне достижима даже при наличии определенных вызовов. Основное понимание ситуации заключается в том, что организация максимально эффективного процесса обучения является основной определяющей задачей, но в процессе принятия решений должна непременно учитываться ситуация каждого ребенка.

Следует понимать и то, что всегда будет определенный процент детей с инвалидностью, не способных к обучению или способных освоить лишь самые простые навыки самоорганизации. Поэтому позиции благотворительности и изоляции сохраняют свою актуальность в системе образования, и никакая целесообразность и экономия не должны доминировать в принятии политических и экономических решений в отношении образования подобных лиц.

Несмотря на все сказанное, вероятность повсеместного распространения инклюзивного образования достаточно высока. Основанием для оптимизма являются в первую очередь гуманистические тенденции и ценностные ориентации в педагогической среде, а во вторую — прогресс технологических и коммуникационных технологий, нивелирующих отвращающих ряд барьеров при обучении и воспитании детей с ОВЗ и ООП.

Список литературы

1. *Lewis A.* Attitudes and Related Psychosocial Constructs: Theories, Assessment, and Research. SAGE Publications, 2002.
2. *Wang H.L.* Should be included in the Mainstream Education Provision?: a critical analysis // *International Education Studies*. 2009. Vol. 2, № 4. P. 154—160.
3. *Малофеев Н.Н.* Специальное образование в меняющемся мире. Россия : учеб. пособие для студентов педагогических вузов : в 2 ч. М, 2010. Ч. 1.
4. *Назарова Н.М.* Междисциплинарный подход в специальной педагогике: история вопроса // Междисциплинарный подход в исследованиях по специальной педагогике и специальной психологии : матер. IX Междунар. теоретико-методологического семинара. М., 2017. С. 10—16.
5. *Михайленко А.А., Шамрей В.К., Литвиненко И.В. и др.* Врачебно-воспитательное заведение доктора И.В. Маляревского (забытые страницы истории психиатрии и неврологии Военно-медицинской академии и Санкт-Петербурга // *Вестник Российской военно-медицинской академии*. 2013. № 1 (41). С. 184—191.

6. *Малофеев Н.Н.* Система специального образования на этапе модернизации // Дефектология. 2011. №2. С. 3—17.
7. *Ратнер Ф.Л., Сигал Н.Г.* История становления и развития идей инклюзивного образования: международный опыт // Грамота. №12 (26) : в 3 ч. Тамбов, 2012. Ч. 2. С. 162—167. URL: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/38.html (дата обращения: 20.04.2018).
8. *Лубовский В.И., Басилова Т.А.* О перспективах специальной психологии // Культурно-историческая психология. 2008. №3. С. 51—54.
9. *Фуряева Т.В.* Педагогика инклюзии за рубежом: теоретико-методологический дискурс (обзор) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, №6. С. 152—174. Doi: 10.15293/2226-3365.1706.10.
10. *Feuser G.* Eine zukunftsfähige «Inklusive Bildung» — keine Sache der Beliebigkeit! // Zugriff am. 2012. Vol. 4. URL: http://www.georg-feuser.com/conpresso/_data/Feuser_G_Zukunftsf_hige_Inklusive_Bildung_HB_06_06_2012.pdf (дата обращения: 01.10.2018).
11. *Reiser H.* Vom Begriff Integration zum Begriff Inklusion — Was kann mit dem Begriffswechsel angestoßen werden? // Sonderpädagogische Förderung. 2003. Vol. 48, №4. S. 305—312.
12. *Sander A.* Von der integrativen zur inklusiven Bildung — Internationaler Stand und Konsequenzen für die sonderpädagogische Förderung in Deutschland // Perspektiven Sonderpädagogischer Förderung in Deutschland. Dokumentation der Nationalen Fachtagung vom. 2002. S. 143—164. URL: <http://bidok.uibk.ac.at/library/sander-inklusion.html> (дата обращения: 10.01.2018).
13. *Speck O.* Wage es nach wie vor, dich deines Verstandes zu bedienen! Ideologische Implikationen einer Schule für alle // Zeitschrift für Heilpädagogik. 2011. Vol. 2, № 3. S. 84—91.
14. *Haeblerlin U.* Inklusive Bildung. Sozialromantische Traeme // Inklusive Bildung und gesellschaftliche Exklusion. Zusammenhaenge-Widersprueche-Konsequenzen / Hrsg. M. Gercke, S. Opalinski, T. Thonagel. Wiesbaden, 2017. S. 87—99.
15. *Budarina A.O., Parakhina O.V.* Diversification of an Educationalist: Redesigning Postgraduate Programmes in Response to Public Needs // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2017. Vol. 29. P. 117—123. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/KazanFederalUniversityRussia> (дата обращения: 19.05.2018). Doi: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.08.02.15>.
16. *Бударина А.О., Симаева И.Н., Чуприс А.С., Шахторина Е.В.* Готовность к медиации как компетенция бакалавров гуманитарных направлений // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, №2(23). С. 224—229.
17. *Фуряева Т.В.* Проблема интеграции/инклюзии в психолого-педагогических исследованиях ученых Германии (середина XX— начало XI века) // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7, №1. С. 18—28. Doi: 10.17759/jmfp.2018070102.
18. *Resch A.-J., Mireles G., Benz M.-R. et al.* Giving Parents a Voice: A Qualitative Study of the Challenges Experienced by Parents of Children with Disabilities // Rehabilitation Psychology. 2010. Vol. 55, № 2. P. 139—150.
19. *Симаева И.Н., Хитрюк В.В.* Проблемы готовности к инклюзивному образованию родителей обучающихся // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. №11. С. 54—62.
20. *Алехина С.В.* Инклюзивное образование: от политики к практике // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21, №1. С. 136—145. Doi: 10.17759/pse.2016210112.
21. *Кулагина Е.В.* Социальная политика в отношении инвалидов в государствах благосостояния и России: переход к независимой жизни и инклюзии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, №10 (355). С. 1944—1971.
22. *Малофеев Н.Н.* Похвальное слово инклюзии, или Речь в защиту самого себя // Проблемы современного образования. 2011. №6.
23. *Психолого-педагогические основы инклюзивного образования* : монография / отв. ред. С.В. Алехина. М., 2013.
24. *Хитрюк В.В., Симаева И.Н., Пономарёва Е.И.* Готовность будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования: механизмы обеспечения // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2013. №4. С. 114—120.

25. *Khadar L.* Access to Justice and the Right to Education for Children with Disabilities: a Report Exploring Barriers to Access to Justice // The Context of Inclusive Education. Ten European Countries. 2017. URL: <http://www.academia.edu/34262854> (дата обращения: 19.05.2018).

Об авторах

Ирина Николаевна Симаева, доктор психологических наук, профессор, Балтийский государственный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: ISimaeva@kantiana.ru

Анна Олеговна Бударина, доктор педагогических наук, профессор, Балтийский государственный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: ABudarina@kantiana.ru

Стеллан Сундх, доцент, Университет Уппсала, Швеция.
E-mail: stellan.sundh@edu.uu.se
ORCID: 0000-0003-1940-3865

INCLUSIVE EDUCATION IN RUSSIA AND THE BALTIC COUNTRIES: A COMPARATIVE ANALYSIS

I. N. Simaeva¹
A. O. Budarina¹
S. Sundh²

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St, Kaliningrad, 236041, Russia

² Uppsala University

³ Cramérgatan, Visby, 621 57 Sweden

Submitted on July 27, 2018
doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-6

In this study, we examine the current state and prospects of inclusive education for learners with special needs and disabilities in the countries of the Baltic region (Poland, Sweden, Germany, Denmark, Latvia, Lithuania, Estonia, Norway, and Russia). We present a SWOT analysis of the development of inclusive education in different countries and analyse its strengths and weaknesses, risks, threats, and challenges from a political, economic, and technological perspective. In our analysis, we dissociate the issue of inclusive education from the problem of teaching learners with disabilities and examine the political, economic, social, and technological aspects of the environment that affect the educational situation of learners with disabilities. We consider inclusive education in the context of the documents of the European Agency for Special Needs and Inclusive Education — an active educational institution that facilitates the preparation and adaptation of all learners to life in complex multicultural and integrated societies through rights, freedom, tolerance, and non-discrimination of persons with disabilities. Our analysis of inclusive education trends relies on the assessment of the goals and objectives, accessibility, and socio-cultural and economic feasibility of inclusive educational systems. We stress political, socio-cultural, and technological differences in practices, dynamics, and prospects for inclusive education in the Baltic region countries and Russia.

Keywords: inclusive education, special education, special educational needs, compassion-based approach (charity), isolation-based approach (segregation), socio-cultural efficiency-based approach (inclusion and integration)

References

1. Lewis, A. 2002, *Attitudes and Related Psychosocial Constructs: Theories, Assessment, and Research*, SAGE Publications, 328 p.
2. Wang, H.L. 2009, Should be included in the Mainstream Education Provision?: a critical analysis, *International Education Studies*, Vol. 2, no. 4, p. 154—160.
3. Malofeev, N.N. 2010, *Spetsial'noe obrazovanie v menyayushchemsya mire. Rossiya* [Special education in a changing world. Russia], Textbook for students of pedagogical universities in 2 hours. Part I, Moscow, 22 p.
4. Nazarova, N.M. 2017, Interdisciplinary approach in special pedagogy: background, *Mezhdistsiplinarnyi podkhod v issledovaniyakh po spetsial'noi pedagogike i spetsial'noi psikhologii: materialy IX Mezhdunarodnogo teoretiko-metodologicheskogo seminar* *Mezhdistsiplinarnyi podkhod v issledovaniyakh po spetsial'noi pedagogike i spetsial'noi psikhologii: materialy IX Mezhdunarodnogo teoretiko-metodologicheskogo seminar* [Interdisciplinary approach to research on special pedagogy and special psychology: materials of the IX International Theoretical and Methodological Seminar], Moscow, March 16, 2017, p. 10—16 (in Russ.).
5. Mikhaylenko, A.A., Shamrey, V.K., Litvinenko, I.V., Kolomencev, S.V., Ilin-sky, N.S. 2013, Medical institution of Dr. I.V. Malyarevsky (forgotten pages of the history of psychiatry and neurology of the Military Medical Academy and St. Petersburg, *Vestnik Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii* [Bulletin of the Russian Military Medical Academy], no. 1 (41), p. 184—191 (in Russ.).
6. Malofeev, N.N. 2011, Special education system at the stage of modernization, *Defektologiya* [Defectology], no. 2, p. 3—17 (in Russ.).
7. Ratner, F.L., Sigal N.G. 2012, The history of the formation and development of ideas of inclusive education: international experience, *Gramota* [Literate], no. 12 (26), in 3 parts. Part II. Tambov, p. 162—167, available at: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/38.html (accessed 20.04.2018) (in Russ.).
8. Lubovsky, V.I., Basilova, T.A. 2008, On the prospects of special psychology, *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], no. 3, p. 51—54 (in Russ.).
9. Furyaeva, T.V. 2017, Pedagogy of Inclusion Abroad: Theoretical and Methodological Discourse (Review), *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University], Vol. 7, no. 6, p. 152—174. Doi: 10.15293/2226—3365.1706.10 (in Russ.).
10. Feuser, G. 2012, Eine zukunftsfähige «Inklusive Bildung» — keine Sache der Beliebigkeit! *Zugriff am*, no. 4, 17 p., available at: http://www.georg-feuser.com/compresso/_data/Feuser_G_Zukunftsf_hige_Inklusive_Bildung_HB_06_06_2012.pdf (accessed 01.10.2018).
11. Reiser, H. 2003, Vom Begriff Integration zum Begriff Inklusion — Was kann mit dem Begriffswechsel angestoßen werden? *Sonderpädagogische Förderung*, Vol. 48, no. 4, p. 305—312.
12. Sander, A. 2002, Von der integrativen zur inklusiven Bildung — Internationaler Stand und Konsequenzen für die sonderpädagogische Förderung in Deutschland, *Perspektiven Sonderpädagogischer Förderung in Deutschland. Dokumentation der Nationalen Fachtagung vom*, p. 143—164, available at: <http://bidok.uibk.ac.at/library/sander-inklusion.html> (accessed 10.01.2018).
13. Speck, O. 2011, Wage es nach wie vor, dich deines Verstandes zu bedienen! Ideologische Implikationen einer Schule für alle, *Zeitschrift für Heilpädagogik*, Vol. 2, no. 3, p. 84—91.
14. Haeberlin, U. 2017, Inklusive Bildung. Sozialromantische Traeme. Gercke, M., Opalinski, S., Thonagel, T. (Hrsg.) *Zusammenhaenge-Widersprueche-Konsequenzen*, Wiesbaden, Springer Verlag, p. 87—99.
15. Budarina, A.O., Parakhina, O.V. 2017, Diversification of an Educationalist: Redesigning Postgraduate Programmes in Response to Public Needs, *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*, Vol. XXIX, p. 117—123, available at: <https://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/KazanFederalUniversityRussia> (accessed 19.05.2018). Doi: 10.15405/epsbs.2017.08.02.15.

16. Budarina, A. O., Simaeva, I. N., Chupris, A. S., Shakhtorina, E. V. 2018, Readiness for mediation as the competence of bachelors of humanitarian areas, *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Herald], Vol. 7, no. 2 (23), p. 224—229 (in Russ.).
17. Furyaeva, T. V. 2018, The problem of integration / inclusion in the psycho-pedagogical research of German scientists (mid-XX — early XI century), *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], Vol. 7, no. 1, p. 18—28. Doi: 10.17759/jmfp.2018070102 (in Russ.).
18. Resch, A.-J., Mireles, G., Benz, M.-R. et al. 2010, Giving Parents a Voice: A Qualitative Study of the Challenges Experienced by Parents of Children with Disabilities, *Rehabilitation Psychology*, Vol. 55, no. 2, p. 139—150.
19. Simaeva I., Khitryuk V. 2015, Problems of preparedness of students' parents for inclusive education, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika i psikhologiya* [I. Kant Baltic Federal University's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy and Psychology], no. 11, p. 54—62 (in Russ.).
20. Alekhina, S. V. 2016, Inclusive education: from policy to practice, *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], Vol. 21, no. 1, p. 136—145. Doi: 10.17759/pse.2016210112 (in Russ.).
21. Kulagina, E. V. 2017, Social policy in relation to persons with disabilities in the welfare states and Russia: transition to independent living and inclusion, *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], Vol. 13, no. 10 (355), p. 1944—1971 (in Russ.).
22. Malofeev, N. N. 2011, The acclaimed word of inclusion, or Speech in defense of oneself, *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education], no. 6, p. 46 (in Russ.).
23. Alekhina, S. V. (responsible ed.) 2013, *Psikhologo-pedagogicheskie osnovy inkluzivnogo obrazovaniya* [Psychological and pedagogical foundations of inclusive education], collective monograph, Moscow, 334 p. (in Russ.).
24. Khitryuk, V. V., Simaeva, I. N., Ponomareva, E. I. 2013, Willingness of future teachers to work in an inclusive education: mechanisms to ensure, *Vestnik Mozyrskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. P. Shamyakina* [Bulletin of Mozyr State Pedagogical University. I. P. Shamyakina], no. 4, p. 114—120 (in Russ.).
25. Khadar, L. 2017, Access to Justice and the Right to Education for Children with Disabilities: a Report Exploring Barriers to Access to Justice, *The Context of Inclusive Education. Ten European Countries*, available at: <http://www.academia.edu/34262854> (accessed 19.05.2018).

The authors

Prof. Irina N. Simaeva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: ISimaeva@kantiana.ru

Prof. Anna O. Budarina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: ABudarina@kantiana.ru

Dr Stellan Sundh, Senior Lecturer, Uppsala University, Sweden.
E-mail: stellan.sundh@edu.uu.se
ORCID: 0000-0003-1940-3865

To cite this article:

Simaeva, I. N., Budarina, A. O., Sundh, S. 2019, Inclusive education in Russia and the Baltic countries: a comparative analysis, *Balt. Reg.*, Vol. 11, no. 1, p. 76—91. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-6.

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА
КОНФЕССИОНАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА**

*А. Г. Манаков*¹

*В. С. Дементьев*²

К юго-востоку от Балтийского моря находится зона стыка трех направлений христианства: православия, католичества и лютеранства. Три этих религиозных направления являются господствующими в Балтийском регионе и определяют культурную специфику разных его частей. Вместе с тем они имеют опосредованную связь с уровнем социально-экономического развития территорий. Цель данного исследования — выявление основных компонентов территориальной структуры, а также факторов формирования и трансформации конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона. Сложность конфессиональной структуры населения данных территорий объясняется политической буферностью этих земель в течение нескольких столетий.

Новизну работы представляет расчет современной потенциальной конфессиональной структуры населения и индекса потенциальной религиозной мозаичности на уровне низовых административных единиц стран и регионов, расположенных к юго-востоку от Балтийского моря. На этой основе выделены основные компоненты территориальной структуры конфессионального пространства, включающие три конфессиональные плиты и контактные зоны между ними. С практической точки зрения выделенные компоненты структуры конфессионального пространства выводят на новый вариант территориальной дифференциации Балтийского региона, который только частично согласуется с районированием, основанном на этнических и социально-экономических критериях.

Ключевые слова: конфессиональное пространство, Северо-Запад России, Прибалтика, Беларусь

Введение

Балтийский регион в конфессиональном отношении четко делится на три части: лютеранские север и запад, католический юг и православный восток. Причем такое членение региона, будучи культурно-географическим, мало отличается от дифференциации по социально-экономическим параметрам (богатый север, менее богатый юг и относительно бедный восток). При этом зона стыка трех названных направлений христианства находится к юго-востоку от Балтийского моря, предопределяя этнокультурную буферность этих территорий.

¹ Псковский государственный университет, 180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2.

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Поступила в редакцию 11.09.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-7

Для цитирования:

Манаков А. Г., Дементьев В. С. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 1. С. 92—108. doi: 10.5922/2078-8555-2019-1-7.

© Манаков А. Г., Дементьев В. С., 2019

Целью исследования является выявление основных компонентов территориальной структуры, факторов формирования и трансформации конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона.

Регион исследования включает в первую очередь Прибалтику (или страны Балтии: Эстонию, Латвию и Литву) и Северо-Запад России (Санкт-Петербург, Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую и Калининградскую области). В Балтийский регион в расширенном понимании включают также Республику Беларусь [1]. Такой подход реализуется и в данном исследовании, благодаря чему удалось уточнить границы основных структурных компонентов конфессионального пространства юго-востока Балтийского региона.

Степень изученности проблемы. Изучение конфессионального пространства (или религиозного ландшафта) чаще всего связано с географическим исследованием культурного разнообразия мира [2; 3] крупных поликонфессиональных стран, (например, США [4], России [5]) или небольших территорий, обладающих наиболее сложной этноконфессиональной структурой населения [6—11]. Во втором случае актуальность изучения современной конфессиональной географии представляют также политические проблемы, связанные с этноконфессиональной мозаикой территорий, которая подвергается трансформации в результате войн и миграционной подвижности населения. При этом обычно рассматривается динамика религиозного ландшафта за длительный интервал времени [12; 13].

Особый интерес исследователей вызывают страны бывшего социалистического лагеря, которые ныне претерпевают значительную этноконфессиональную трансформацию, вызванную ускорением миграционных процессов, зачастую имеющих заметную национальную составляющую. В пределах обозначенного выше региона изучение динамики конфессиональной структуры населения обычно сопряжено с обзором этнополитических проблем развития стран и территорий. В первую очередь это касается стран Балтии [14—16]. Имеются также исследования, посвященные современным изменениям в конфессиональном пространстве России и постсоветских стран [5; 17; 18].

Многие работы в рамках конфессиональной географии имеют историко-географический характер. Так, в пределах изучаемого региона следует отметить работы, оперирующие статистическими данными XVIII—XIX веков (результаты ревизий и Первой всеобщей переписи населения 1897 года) и начала XX века [19—22]. Также отметим работы, посвященные конфессиональной географии Республики Беларусь [23], Петербургского [24] и Псковского [25; 26] регионов. Ранее нами был проведен историко-географический анализ динамики этнического состава населения на уровне низовых административных единиц (уездов, районов) в пределах Северо-Запада России [27], Эстонии и Латвии [28] с конца XIX века по настоящее время, который послужил основой для проведения данного исследования.

Источниковая база и понятийный аппарат исследования

В качестве информационной базы выступают итоги первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, результаты переписей населения Советского Союза (1959, 1989), Российской Федерации (2010)¹, Республики

¹ *Демоскоп Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/search.php> (дата обращения: 15.08.2018).

Беларусь (2009), Эстонии, Латвии и Литвы (2011)². Современная статистика обработана на уровне низовых административных единиц: муниципальных районов в Российской Федерации и Республике Беларусь, уездов в Эстонии, районов в Латвии (в границах до 2009 года), самоуправлений в Литве.

Исследование проведено в рамках традиционного (этнорелигиозного) понимания конфессионального пространства. Хотя один из основоположников этого подхода П. И. Пучков говорил о том, что религиозную общность нельзя отождествлять с этнической общностью [29], но представляется важным сам факт рассмотрения взаимосвязи между определенными этносами и религиями.

Обычно в конфессиональном (религиозном) пространстве выделяют две основные территориально выраженные составляющие: духовную (религиозную принадлежность верующего населения) и религиозно-культурную инфраструктуру (или материальные объекты религиозной сферы) [30]. Иногда конфессиональное пространство отличают от религиозного, рассматривая его как категорию, обладающую определенными параметрами: структурой, размерностью и морфологией [6]. С. Г. Сафронов [22] предлагает выделять на макроуровне следующие элементы конфессионального пространства: 1) крупные конфессиональные плиты, образуемые мировыми религиями (христианством, исламом и буддизмом); 2) контактные зоны, где происходит наложение сфер влияния мировых религий.

В пределах региона исследования господствует только одна из мировых религий, однако представлена она сразу тремя крупными направлениями — православием, католицизмом и лютеранством. Эти направления географически также можно представить в виде «малых конфессиональных плит», зоны стыка которых равнозначны более или менее заметным «культурным разломам» в регионе исследования.

Конфессиональные плиты располагают большими и малыми «ядрами», и в Прибалтике также можно выделить два малых «ядра» плит: в Литве (католическое) и в Эстонии (лютеранское). На востоке и юго-востоке региона территории распространения католичества и лютеранства обрамляются православной плитой, «ядро» которой находится в центральной части Восточно-Европейской равнины (Россия и Беларусь). Конфессиональные плиты нередко накладываются одна на другую, потому существует необходимость четкого разграничения их «ядер» и «контактных зон». Для изучения конфессиональной структуры населения определенных территорий часто используют аналог индекса этнической мозаичности (ИЭМ) Б. М. Эккеля [31] — индекс религиозной мозаичности (ИРМ) [21]. По аналогии с ИЭМ индекс религиозной мозаичности можно рассчитать для любой территориальной единицы по формуле

$$\text{ИРМ} = 1 - \sum (P_i)^2,$$

где P_i — доля приверженцев i -й религии ($i=1,2,\dots$) в регионе.

Ранее нами было предложено использовать данный индекс для выделения контактных зон двух классов — «неярко выраженных» (ИРМ от 0,2 до 0,4) и «ярко выраженных» (ИРМ свыше 0,4) [21]. К примеру, ИРМ=0,2 соответствует конфессиональной структуре населения, когда доля приверженцев основной религии составляет около 90%; ИРМ=0,4 — если примерно каждый четвертый не является приверженцем господствующей религии. К «ядрам» конфессиональных плит мы предлагаем относить территории, где ИРМ ниже 0,2, а территории с более высокими значениями ИРМ — уже к

² *Population statistics of Eastern Europe & former USSR*. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 15.08.2018).

«контактным зонам». Соответственно, критерием для выделения «ядер» конфессиональных плит нами предлагается рубеж в 90 % населения, исповедующего определенную религию (или потенциальных приверженцев той или иной религии).

В случае если отсутствует официальная статистика по религиозному составу населения (например, конфессиональная принадлежность населения не определялась во время советских переписей населения 1959, 1989 годов, постсоветских переписей 2009 и 2010 годов в Республике Беларусь и Российской Федерации), специалисты по конфессиональной географии рекомендуют рассчитывать потенциальный конфессиональный состав населения. Потенциальная конфессиональная структура населения рассчитывается исходя из традиционной религиозной принадлежности этносов, проживающих на конкретной территории [22]. Аналогично для административных единиц можно рассчитать индекс потенциальной религиозной мозаичности (ИПРМ). Для изучения территориальной структуры конфессионального пространства из-за необходимости совместного рассмотрения территорий Российской Федерации, Республики Беларусь и стран Балтии нами используется именно такой расчетный показатель.

Православные и старообрядцы. Наиболее ранней религией в регионе исследования является православное направление христианства. На современной территории Северо-Запада России и Беларуси православие закрепилось фактически сразу после Крещения Руси в 988 году. В последующем православная религия распространилась также на востоке современной Латвии (в Латгалии), в то время зависимом от полоцких князей, но в XIII веке была вытеснена оттуда немецкими рыцарскими орденами.

Возвращение православия в Прибалтику началось во время Ливонской войны 1558—1583 годов, особенно это касалось современных территорий Эстонии и Латвии. Во второй половине XVII века вследствие раскола Русской православной церкви начались миграции старообрядцев в приграничные с Россией земли, в том числе на западное побережье Чудского озера и в Латгалию.

Включение шведских Эстляндии и Лифляндии в состав Российской империи по итогам Северной войны 1700—1721 годов привело к новым миграциям на эти территории православного (преимущественно русского) населения. Несколько меньший поток православных был направлен в Литву после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году. Тем не менее в Виленской губернии была высока доля православных белорусов.

Согласно итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года наиболее высока была доля православных (со старообрядцами) в Новгородской и Псковской губерниях (свыше 95%), являвшихся частью «ядра» православной плиты. Заметно ниже была доля православных в Санкт-Петербурге (85,9%) и Санкт-Петербургской губернии (78%). На территории современной Эстонии православные и старообрядцы составляли в сумме около 15%, Латвии — 12,7%, Литвы — 6,3% (табл. 1).

В советское время основным фактором трансформации потенциальной конфессиональной структуры населения Эстонии, Латвии и Литвы была миграция в Прибалтику русского, белорусского и, в меньшей степени, украинского населения. Соответственно, удельный вес потенциально православного населения быстро рос, особенно в Эстонии и Латвии. В то же время все регионы Северо-Запада России прочно закрепились в «ядре» территорий с преобладанием потенциально православного населения (рис. 1).

Таблица 1

**Доля православных и старообрядцев среди верующего населения
(в скобках — потенциальная доля православных), %³**

Регион	1897	1959	1989	2010/2011
Санкт-Петербург / Ленинград	85,9	(92,7)	(95,1)	(95,8)
Ленинградская область / Санкт-Петербургская губерния	78,0	(96,4)	(97,4)	(96,9)
Новгородская область / губерния	98,3	(98,9)	(98,5)	(98,0)
Псковская область / губерния	95,2	(98,7)	(98,6)	(98,3)
Калининградская область	—	(94,1)	(95,5)	(94,6)
Эстония	14,9	(22,6)	(35,7)	35,2 (28,8)
Латвия	12,7	(31,3)	(42,6)	(32,7)
Литва	6,3	(10,4)	(12,5)	4,9 (7,7)

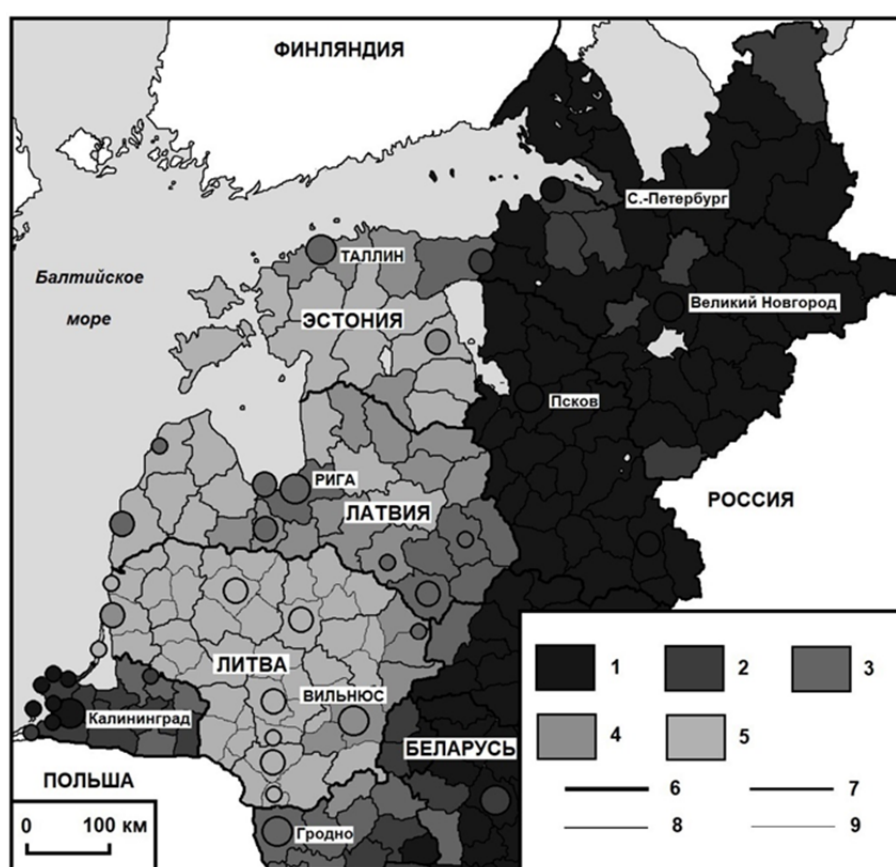

Рис. 1. Доля потенциально православного населения, %
(в Республике Беларусь — по переписи 2009 года, в России — 2010-го,
в Эстонии, Латвии и Литве — 2011-го):

1 — 95,0 и более; 2 — от 90,0 до 94,9; 3 — от 25,0 до 89,9; 4 — от 10,0 до 24,9; 5 — 9,9 и менее.
Границы: 6 — государств, областей (РФ и РБ); 7 — уездов (Эстония и Литва);
8 — районов (РФ, РБ и Латвия); 9 — самоуправлений (Литва)

³ Рассчитано авторами по: *Демоскоп Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/search.php> (дата обращения: 15.08.2018); *Population statistics of Eastern Europe & former USSR*. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения: 15.08.2018).

В постсоветский период вместе с оттоком русскоязычного населения в странах Балтии происходило уменьшение доли потенциально православного населения. Но следует особо обратить внимание на соответствие реального и потенциального конфессионального состава населения в Эстонии и Литве, где во время переписи 2011 года задавался вопрос о религии. Так, в Эстонии 54,1 % населения ответили, что не чувствует привязанности к какой-либо религии, еще 2,4% не определили свою религиозную принадлежность, а 14,4% отказались от ответа⁴. При этом относительно населения, не признавшего себя атеистами или отошедшими от религии, православными назвали себя 35,2%, то есть заметно больше, чем составляет потенциально православное население (28,8%). Исходя из этого можно предположить, что православная религия является консолидирующим фактором русскоязычного населения в Эстонии, чего нельзя сказать про Литву, где русскоязычное население подверглось большей секуляризации, чем литовцы.

Римско-католики. Внедрение католической религии в регионе началось только в XIII веке и осуществлялось первоначально немецкими рыцарскими орденами (Орденом меченосцев с 1202 года, Ливонским орденом — с 1237-го). Именно эта католическая экспансия натолкнулась на востоке на православную плиту, создав в итоге культурный барьер, который сохраняется и поныне и совпадает сейчас с западной границей России.

Однако в дальнейшем католическая плита претерпела серьезные изменения. С конца XIV века католическую религию начинает принимать Литва (как итог Кревской унии 1385 года с Польшей) и завершает этот процесс уже во второй половине XVI века (после Люблинской унии 1569 года), в результате чего создается Речь Посполитая, захватившая большую часть Прибалтики. Однако в XVII веке по итогам польско-шведской войны 1621—1626 годов Речь Посполитая утратила Ливонию, то есть большую часть территорий современной Эстонии и Латвии (кроме Латгалии). На землях шведской Эстляндии и Лифляндии католическая религия уступила свое место лютеранству.

Таким образом, не только ядро католической религии в регионе переместилось в Литву, но и вся католическая плита сместилась к югу, закрепившись в Литве и Латгалии (в то время частях Речи Посполитой). После разделов Речи Посполитой (в 1772 и 1795 годах) в этих регионах сохранилось господство католической религии. Исключение составило бывшее Курляндское герцогство, перешедшее к лютеранской вере.

Согласно итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года наиболее высокой доля католиков была на территории современной Литвы — 75,8% (в то время Ковенской и Виленской губерний) и Латгалии — свыше 50% (западной части Витебской губернии, ныне востоке Латвии) [21]. На Северо-Западе России доля католиков была повышена в Санкт-Петербурге (4,2%), что было связано с концентрацией в столице выходцев из зарубежной Европы (табл. 2).

В советское и постсоветское время доля католиков на Северо-Западе России стала незначительной, также уменьшился удельный вес католиков-латгальцев в Латвии. В Литве благодаря повышенному естественному приросту происходил рост доли коренных жителей, а вместе с ним рос удельный вес католического населения. Небольшое превышение в Литве доли католиков (рассчитанной от населения, назвавшего свою конфессиональную принадлежность) над потенциально католическим населением свидетельствует о значительной роли религии в самоидентификации литовцев (рис. 2).

⁴ *Religious composition of Estonia 2011 // Population statistics of Eastern Europe & former USSR.* URL: <http://pop-stat.mashke.org/estonia-religion2011.htm> (дата обращения: 25.08.2018).

Таблица 2

Доля римско-католиков среди верующего населения
(в скобках — потенциальная доля римско-католиков), %⁵

Регион	1897	1959	1989	2010/2011
Санкт-Петербург / Ленинград	4,2	(0,6)	(0,2)	(0,1)
Ленинградская область / Санкт-Петербургская губерния	1,4	(0,3)	(0,2)	(0,1)
Новгородская область / губерния	0,3	(0,1)	(0,1)	(0,1)
Псковская область / губерния	0,8	(0,1)	(0,2)	(0,1)
Калининградская область	—	(4,2)	(2,6)	(1,4)
Эстония	0,4	(0,3)	(0,4)	0,9 (0,3)
Латвия	20,2	(12,4)	(10,2)	(11,3)
Литва	75,8	(87,8)	(86,6)	92,2 (91,7)

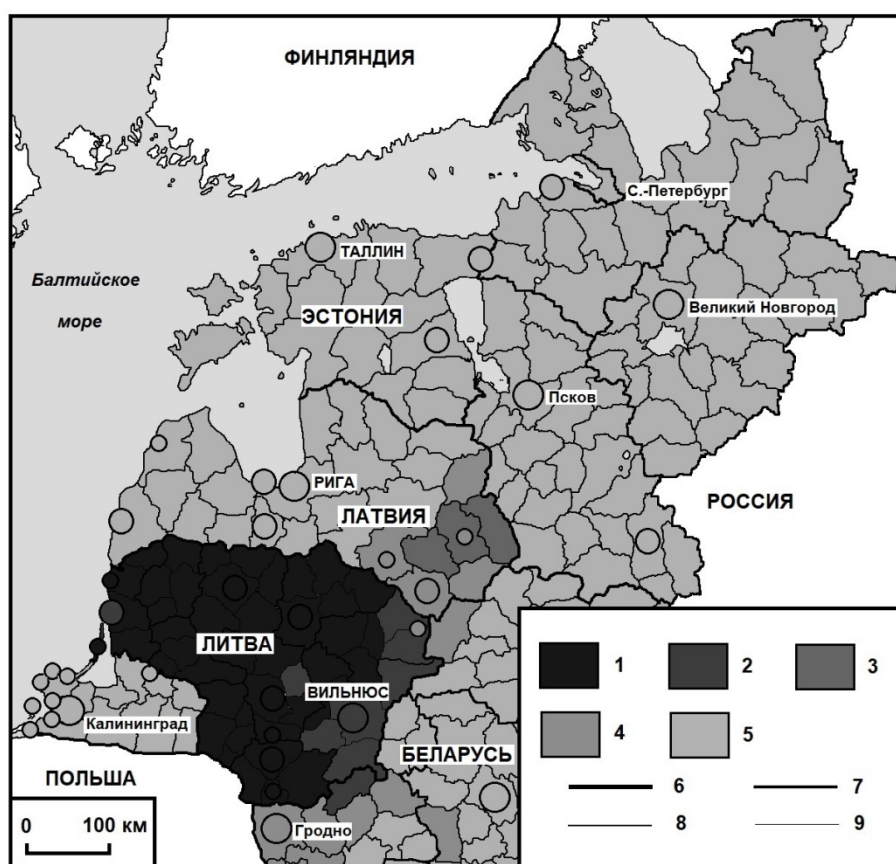

Рис. 2. Доля потенциально католического населения, %
(в Республике Беларусь — по переписи 2009 года, в России — 2010-го,
в Эстонии, Латвии и Литве — 2011-го):

1 — 90,0 и более; 2 — от 70,0 до 89,9; 3 — от 50,0 до 69,9; 4 — от 10,0 до 49,9; 5 — 9,9 и менее.
Границы: 6 — государств, областей (РФ и РБ); 7 — уездов (Эстония и Литва);
8 — районов (РФ, РБ и Латвия); 9 — самоуправлений (Литва)

⁵ Рассчитано авторами по: *Демоскоп Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/search.php>; *Population statistics of Eastern Europe & former USSR*. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения 15.08.2018).

Протестанты. Формирование лютеранского компонента в конфессиональном пространстве региона приходится на XVII век, когда в результате польско-шведской войны 1621—1626 годов в состав Шведского королевства вошли Эстляндия и Лифляндия. Также лютеранство было принято в Курляндском герцогстве, сохранявшем вассальную зависимость от Речи Посполитой. В том же веке (в 1617 году по Столбовскому миру) Швеция получила земли к юго-востоку от Финского залива, названные Ингерманландией. На эти территории впоследствии переселились выходцы из принявшей лютеранство Финляндии — савакот и эвремейсет, получившие общее имя финны-ингерманландцы. После включения Ингерманландии в состав Российской империи финны оставались жить на этих землях, и только в советское время они были подвергнуты депортации (точнее, серии депортаций в 1940—1947 годах) [21].

Новая волна переселения лютеран (эстонцев и латышей из Эстляндской и Лифляндской губерний) в Санкт-Петербургскую и Псковскую губернии пришла на вторую половину XIX века. Перепись населения Российской империи 1897 года зафиксировала наибольшую долю протестантов (преимущественно лютеран) в Эстляндской (89,7%), Лифляндской (79,6%) и Курляндской (76,2%) губерниях⁶. Также высока была доля протестантов в Санкт-Петербургской губернии (преимущественно финнов-ингерманландцев и эстонцев) и в самой столице империи (табл. 3).

Таблица 3

Доля протестантов среди верующего населения
(в скобках — потенциальная доля протестантов),%⁷

Регион	1897	1959	1989	2010/2011
Санкт-Петербург / Ленинград	7,5	(0,5)	(0,3)	(0,2)
Ленинградская область / Санкт-Петербургская губерния	19,9	(2,2)	(1,0)	(0,5)
Новгородская область / губерния	0,9	(0,6)	(0,3)	(0,2)
Псковская область / губерния	2,0	(0,8)	(0,4)	(0,2)
Калининградская область	—	(0,3)	(0,3)	(0,9)
Эстония	84,0	(76,3)	(63,0)	27,2 (69,9)
Латвия	59,1	(54,4)	(45,5)	(54,4)
Литва	3,4	(0,7)	(0,2)	1,9 (0,1)

В советское время контактная зона православной и лютеранской плит сместилась в Прибалтику — доля потенциально протестантского населения на Северо-Западе России стала незначительной, а в Эстонии и Латвии стремительно уменьшалась вплоть до распада Советского Союза. В постсоветское время в Эстонии и Латвии вследствие оттока русскоязычных жителей обозначился рост доли потенциально протестантского населения. Однако секуляризация и атеизация в протестантской среде в XX—XXI веках происходила даже более высокими темпами, чем среди потенциально православного населения, о чем наглядно свидетельствуют результаты выявления конфессиональной

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php?reg=0 (дата обращения: 20.08.2018).

⁷ Рассчитано авторами по: Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/search.php>; Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения 15.08.2018).

структуры населения Эстонии в 2011 году. Среди ответивших на вопрос о религии лютеранами назвали себя даже меньшее количество людей, чем православными. Суммарная доля протестантов среди тех, кто не причислил себя к собственно атеистам, а также к отошедшим от влияния религии, составила всего 27,2% (а собственно лютеран — 21,6%). Именно поэтому нами было принято решение использовать для картографического анализа на уровне низовых административных единиц не реальный (выявленный в результате опроса 2011 года), а потенциально протестантский состав населения (рис. 3).

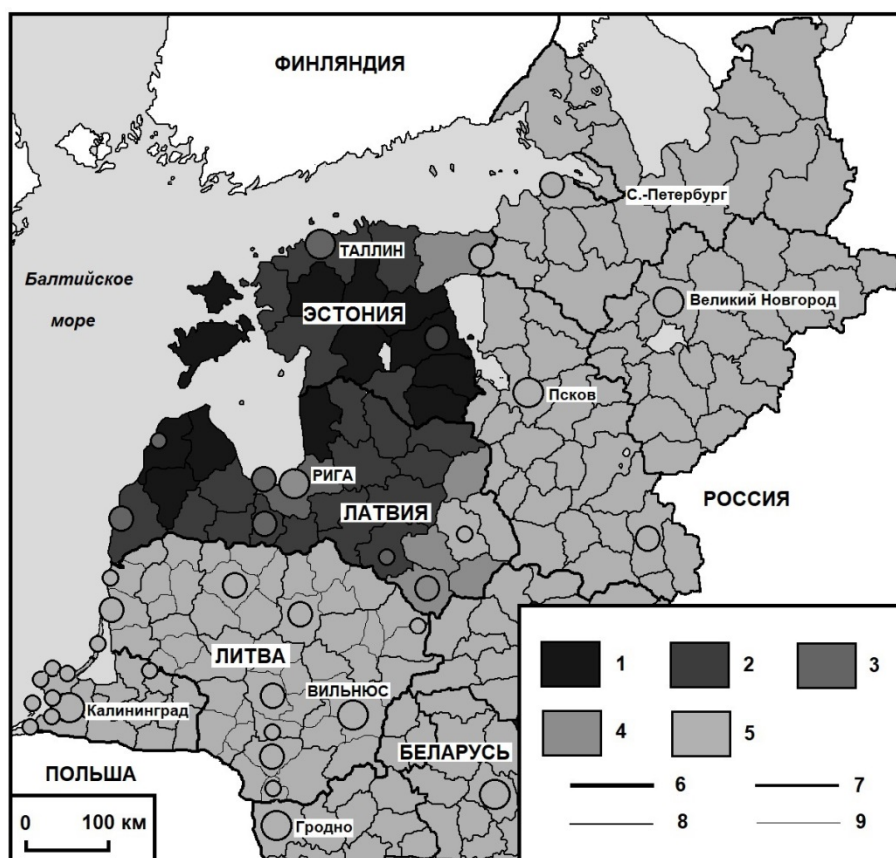

Рис. 3. Доля потенциально-протестантского населения, %
(в Республике Беларусь — по переписи 2009 года, в России — 2010-го,
в Эстонии, Латвии и Литве — 2011-го):
1 — 90,0 и более; 2 — от 70,0 до 89,9; 3 — от 50,0 до 69,9; 4 — от 10,0 до 49,9; 5 — 9,9 и менее.
Границы: 6 — государств, областей (РФ и РБ); 7 — уездов (Эстония и Литва);
8 — районов (РФ, РБ и Латвия); 9 — самоуправлений (Литва)

Основные компоненты территориальной структуры конфессионального пространства. К концу XIX века в соответствии с индексом религиозной мозаичности (табл. 4) регионы России (в губернских границах) и страны (в современных границах), расположенные к юго-востоку от Балтийского моря, можно было отнести к следующим компонентам конфессионального пространства (на мезоуровне).

Индекс религиозной мозаичности в 1897 году и индекс потенциальной религиозной мозаичности в 1959, 1989 и 2010/2011 годах⁸

Регион	1897	1959	1989	2010/2011
Санкт-Петербург / Ленинград	0,2539	0,1415	0,0956	0,0828
Ленинградская область / Санкт-Петербургская губерния	0,3512	0,0692	0,0507	0,0604
Новгородская область / губерния	0,0333	0,0218	0,0299	0,0402
Псковская область / губерния	0,0932	0,0266	0,0270	0,0332
Калининградская область	—	0,1126	0,0867	0,1046
Эстония	0,2718	0,3672	0,4757	0,4290
Латвия	0,5935	0,5911	0,6005	0,5843
Литва	0,4043	0,2180	0,2343	0,1525

Ядро православной плиты составляли территории Новгородской и Псковской губерний (ИРМ менее 0,2). К «неярко выраженным» контактным зонам (ИРМ от 0,2 до 0,4) относились территории Санкт-Петербургской губернии, Санкт-Петербурга и Эстонии (в современных границах). Но если столица империи со своей губернией располагалась на окраине территории с преобладанием православной религии (с наложением протестантской плиты), то земли Эстонии были окраинной частью протестантской (лютеранской) плиты с частичным наложением православной плиты. При этом уезды, примыкающие с юга к Санкт-Петербургу, благодаря проживавшим там лютеранам (финнам-ингерманландцам) представляли собой «ярко выраженную» контактную зону.

Современные территории Литвы и Латвии в то время можно было рассматривать как «ярко выраженные» контактные зоны (ИРМ свыше 0,4). При этом если на преимущественно католическую Литву частично накладывалась православная плита, то территория Латвии являлась зоной стыка всех трех конфессиональных плит региона (лютеранской, православной и католической).

Если же подойти к определению «малых» ядер лютеранской и католической плит на микроуровне (уровне уездов), то выявляются интересные моменты. Так, в пределах территорий с преобладанием лютеранской религии можно выделить сразу три «малых» ядра, располагавшихся на востоке Эстляндской губернии, в сердцевицах Лифляндской и Курляндской губерний. Причем эти ядра находились во внутренних, но при этом периферийных частях губерний, то есть были удалены от их административных и экономических центров, представляющих собой контактные зоны [21]. «Малое» ядро территорий с господством католической религии располагалось в Ковенской губернии, а Виленская губерния и Латгалия (запад Витебской губернии) представляли собой «ярко выраженные» контактные зоны.

В советское и постсоветское время все регионы Северо-Запада России стали частью «ядра» православной плиты, так как в них доля иноэтничного населения, традиционно не исповедующего православную религию, стала незначительной. Также за это время Литва превратилась в моноконфессиональную страну, став (вместе с Польшей) частью «большого» ядра католической плиты.

⁸ Рассчитано авторами по: *Демоскоп Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/search.php>; Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org> (дата обращения 15.08.2018).

Эстония в советское время приобрела статус «ярко выраженной» контактной зоны и вместе с Латвией ныне относится к самым поликонфессиональным странам Балтийского региона.

Рассмотрение ИПРМ на микроуровне (административных районов и уездов) позволяет следующим образом определить границы конфессиональных плит к юго-востоку от Балтийского моря (рис. 4).

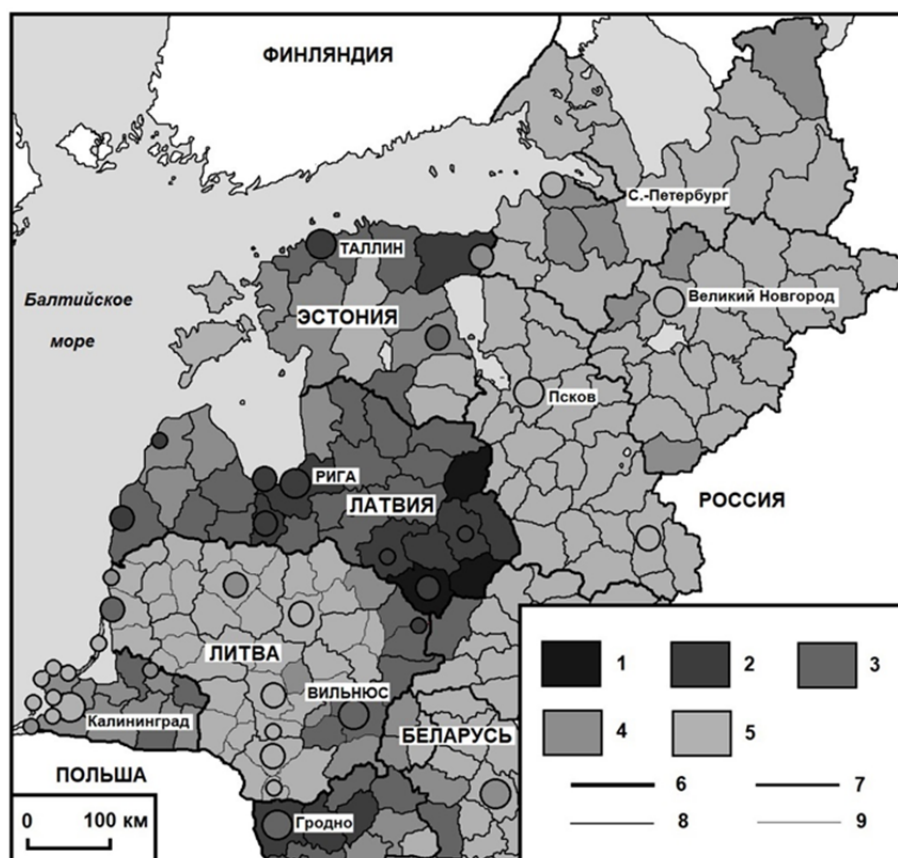

Рис. 4. Индекс потенциальной религиозной мозаичности (в Республике Беларусь — по переписи 2009 года, в России — 2010-го, в Эстонии, Латвии и Литве — 2011-го):
 1 — 0,600 и более; 2 — от 0,400 до 0,599; 3 — от 0,200 до 0,399;
 4 — от 0,100 до 0,199; 5 — 0,099 и менее.
 Границы: 6 — государств, областей (РФ и РБ); 7 — уездов (Эстония и Литва);
 8 — районов (РФ, РБ и Латвия), 9 — самоуправлений (Литва)

Наиболее «мощной» в регионе исследования является православная плита, в ядро которой ныне входят все российские регионы и почти все области Республики Беларусь (исключение — Гродненская область). При этом внешние границы православного ареала выходят за пределы Российской Федерации и Республики Беларусь, а контактные зоны православной плиты — за пределы границ России в Эстонии и Латвии. Так, уезд Ида-Вирумаа (Эстония) и Латгалия (восточный регион Латвии) являются фактически «внутренней пери-

ферией» православной плиты. Столицы Эстонии и Латвии с прилегающими районами и некоторые другие большие города этих стран можно рассматривать в качестве «внешней периферии» православной составляющей конфессионального пространства, а сама контактная зона охватывает значительную часть Эстонии и большую часть Латвии.

На литовско-белорусской границе граница православной плиты меняет свой характер. Часть контактной зоны приходится на восток Литвы (включая Вильнюс), но одновременно к югу от Литвы (в Гродненской области) католическая плита частично накладывается на православную, создавая контактную зону уже на территории Республики Беларусь.

Второй по «мощности» в регионе исследования является католическая плита. Ее ядро охватывает большую часть Литвы (кроме ее восточной оконечности, включающей Вильнюс). Вместе с тем католическая плита имеет свое продолжение в Латгалии, выступающей «ярко выраженной» контактной зоной или, точнее, зоной наложения сразу трех религий: католичества, православия и лютеранства. Характер контактной зоны имеет также продолжение католического ареала в Гродненской области Республики Беларусь. Границы католической плиты на западе с православной плитой (Калининградская область России) и на севере с протестантской плитой (латвийские регионы Курземе, Земгале и Селия) имеют барьерный характер.

Самой «слабой» конфессиональной плитой в регионе является протестантская (лютеранская) плита, которая покрывает Эстонию и основную часть Латвии (без Латгалии). Она продолжает «большую» плиту, охватывающую соседние страны Северной Европы (Швецию и Финляндию). К юго-востоку от Балтийского моря эта плита лишена явных ядер и представляет в большей степени контактную зону, иногда даже «ярко выраженную» (особенно в столицах и больших городах). С одной стороны, «слабость» протестантской плиты связана с активным наступлением на нее православной плиты на протяжении XVIII—XX веков, а с другой — вызвана массовым отходом протестантов от религии, то есть значительной атеизацией и секуляризацией местного населения.

Выводы

К юго-востоку от Балтики расположены территории, обладающие наиболее сложным конфессиональным составом населения в пределах всего Балтийского региона. Именно здесь находится зона стыка трех направлений христианства, определяющих культурную специфику Балтийского региона: лютеранства, православия и католичества. В ходе исследования были выявлены основные компоненты территориальной структуры конфессионального пространства, включающие три конфессиональных плиты и контактные зоны между ними. Наиболее ярко выраженной зоной конфессионального контакта в пределах региона исследования стала территория Латгалии, где значимо представлены все три основные религии региона.

Наиболее древняя и мощная конфессиональная плита региона исследования — православная, ядро которой ныне приходится на регионы Российской Федерации и Республики Беларусь. Края этой плиты надвинулись на современные территории Эстонии и Латвии, значительная часть которых сейчас представляет контактные конфессиональные зоны. Вторая по времени формирования и мощности конфессиональная плита региона — католическая, ядро

которой находится в Литве, а края плиты образуют выступы в Латгалии (на востоке Латвии) и в Гродненской области Республики Беларусь. Наиболее поздней и наименее выраженной конфессиональной плитой региона исследования является протестантская плита (основой которой стала лютеранская религия, закрепившаяся в XVII веке на современной территории Эстонии и Латвии). Данная конфессиональная плита не имеет явных территориальных ядер, зато в значительной степени покрыта контактными зонами с православной плитой. К тому же постепенное растворение данной конфессиональной плиты связано с массовым отходом от религии потенциально протестантского населения, то есть эстонцев и латышей.

Список литературы

1. *Klemeshev A.P., Korneevets V.S., Palmowski T. et al.* Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region // *Baltic Region*. 2017. Vol. 9, № 4; P. 7—28. Doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-1.
2. *Горохов С.А.* Религиозная идентичность как фактор формирования конфессиональных регионов современного мира // *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*. 2012. № 5. С. 49—55.
3. *Горохов С.А.* Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX — начале XXI в. // *Известия Российской академии наук. Сер. географическая*. 2012. № 6. С. 107—116.
4. *Дворников Ю.В., Дементьева М.Б.* Религиозный ландшафт США как совокупность религиозных геосистем // *Псковский регионологический журнал*. 2017. № 4 (32). С. 16—30.
5. *Сафронов С.Г.* Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России // *Региональные исследования*. 2013. № 4. С. 87—100.
6. *Андреянова С.И., Андреев Д.Ю.* Биконфессиональность на Северном Кавказе и современные проблемы развития региона // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2013. № 3 (36). С. 45—48.
7. *Горина К.В., Биктимирова Ю.В.* Разнообразие дореволюционного культурно-религиозного ландшафта Забайкальского края // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2013. № 4. С. 80—83.
8. *Eberhardt P.* Etniczne podłoże mozaiki religijnej Półwyspu Bałkańskiego // *Kulturowy aspekt badań geograficznych*. Wrocław, 2008. T. 5. S. 57—72.
9. *Jarnecki M., Palinczak M.* Kwestie i spory religijne na terenie Rusi Zakarpackiej w czechosłowackim epizodzie jej dziejów // *Sprawy Narodowościowe, Seria nowa*. 2014. № 45. S. 88—105. Doi: 10.11649/sn.2014.025.
10. *Mindru P.* The Evolution of the Etnical and Confessional Structure of the Population in the Someşul Mic Valley between 1850 and 2002 // *Geographia Napocensis*. 2009. Anul. 3, № 1. P. 75—85.
11. *Tofan G.-B., Niță A., Nimară C.* The Confessional Structure of Harghita, Covasna and Mureş Counties, in 2011 // *Analele Universităţii din Oradea, Seria Geografie*. 2014. Anul. 24, № 2. P. 166—179.
12. *Biesiadowska-Magdziarz B.* Przyczynek do obrazu szlachty Inflant Polskich w łotewskich źródłach i opracowaniach historycznych początku XX w. // *Acta Baltico-Slavica*. 2014. T. 38. S. 89—97. Doi: 10.11649/abs.2014.009.
13. *Gaučas P.* Lietuvių—gudų kalbų paribio etnolingvistinė situacija 1795—1914 m. // *Lietuvos rytai*. Vilnius, 1993. P. 42—100.
14. *Eberhardt P.* Geografia religii Litwy // *Czasopismo Geograficzne*. Wrocław, 2007. T. 78. S. 161—179.
15. *Eberhardt P.* Problematyka narodowościowa Estonii // *Zeszyty Instytutu Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania PAN*. Nr. 47. Warszawa, 1997. S. 3—42.
16. *Eberhardt P.* Problematyka narodowościowa Łotwy // *Zeszyty Instytutu Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania PAN*. Nr. 54. Warszawa, 1998. S. 3—67.

17. Балабейкина О. А. Историко-географические аспекты территориальной организации православной церкви в России // Псковский регионологический журнал. 2014. № 19. С. 64—73.
18. Safronov S. G. Territorial Structure of the Confessional Space in Russia and Other Post-Soviet States // Regional Research of Russia. 2013. Vol. 3, iss. 2. P. 204—210.
19. Васильева С. В., Паликова Т. В. Конфессиональное пространство окраин Российской империи в XIX — начале XX в. // European Social Science Journal. 2014. № 3—2 (42). С. 391—399.
20. Кабузан В. М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII — начале XX в. (1719—1917 гг.). М., 2008.
21. Манаков А. Г. Геокультурное пространство Северо-Запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков, 2002.
22. Сафронов С. Г. Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / под ред. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. М., 2001. С. 443—460.
23. Озем Г. З. Конфессиональное районирование Беларуси // Вестник Белорусского государственного университета. Сер. 2. Химия. Биология. География. 2008. № 1. С. 90—96.
24. Балабейкина О. А. Изменение конфессионального пространства в период с 1917 по 1941 гг. на примере Санкт-Петербургской епархии РПЦ // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований : матер. V междунар. конф. по исторической географии. СПб., 2015. С. 21—25.
25. Манаков А. Г., Дементьев В. С. Динамика конфессионального состава населения Псковского региона во второй половине XIX в. // Религиоведение. 2018. Т. 1, № 1. С. 92—102.
26. Дементьев В. С. Территориальное устройство Русской православной церкви Псковского региона в XVIII—XXI вв. // Псковский регионологический журнал. 2018. № 3 (35). С. 74—88.
27. Манаков А. Г., Мартынов В. Л., Дементьев В. С. Историческая география Северо-Запада России: население и пути сообщения. Псков, 2017.
28. Манаков А. Г., Чученкова О. А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 по 2016 г. М., 2017.
29. Пучков П. И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей // Советская этнография. 1973. № 6. С. 51—65.
30. Горина К. В. Конфессиональное пространство: понятие и его структурные элементы // Система ценностей современного общества. 2012. № 24. С. 8—13.
31. Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33—39.

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Виталий Сергеевич Дементьев, преподаватель географии Университетского политехнического колледжа, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия.

E-mail: dementjew.vitaly2011@yandex.ru

TERRITORIAL STRUCTURE OF THE DENOMINATIONAL SPACE
OF THE SOUTH-EAST BALTIC

A. G. Manakov¹

V. S. Dementiev²

¹ Pskov State University

2 Lenin Sq., Pskov, 180000, Russia.

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

29 Polytechnicheskaya St., St. Petersburg, 195251, Russia.

Submitted on September 11, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-7

The South-East Baltic is a meeting place of three branches of Christianity: Orthodoxy, Catholicism, and Lutheranism. Dominant in the Baltic region, these religious confessions define the cultural landscape of the area. At the same time, they have an indirect effect on socio-economic development. In this study, we aim to identify the main components of the territorial structure and the formation and transformation factors of the denominational space in the South-East Baltic. The complexity of the denominational structure of the local population stems from the centuries-long position of this region as a political buffer zone.

We calculate the potential denominational structure and the potential religious fractionalisation index at the level of basic territorial units and regions southeast of the Baltic Sea. Based on this, we identify the main components of the territorial structure of the denominational space, which includes three denominational shields and contact zones between them. From a practical viewpoint, these components suggest a new variant of the territorial differentiation of the Baltic region. This variant has only limited relevance to ethnic and socioeconomic zoning.

Keywords: denominational space, North-West Russia, Baltic States, Belarus

References

1. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 4—20. Doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-1.
2. Gorohov, S. A. 2012, Religious identity as a factor in the formation of confessional regions of the modern world, *Vestnik MGU, Seriya 5, Geografiya* [Bulletin of Moscow State University. Series 5. Geography], no. 5, p. 49—55 (in Russ.)
3. Gorohov, S. A. 2012, Transformation of the civilizational and confessional space of the world in the XX — beginning of the XXI century, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographic series], no. 6, p. 107—116 (In Russ.)
4. Dvornikov, Yu. V., Dementieva, M. B. 2017, The US religious landscape as a collection of religious geosystems, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 4 (32), p. 16—30 (in Russ.)
5. Safronov, S. G. 2013, Territorial structure and dynamics of the modern confessional space of Russia, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 4, p. 87—100 (in Russ.)
6. Andreyanova, S. I., Andreyanov, D. Yu. 2013, Dual confession in the North Caucasus and the modern problems of the development of the region, *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the North Caucasus Federal University], no. 3 (36), p. 45—48 (in Russ.)
7. Gorina, K. V., Biktimirova, Yu. V. 2013, Diversity of the pre-revolutionary cultural and religious landscape of the Trans-Baikal territory, *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International Journal of Applied and Fundamental Research], no. 4, p. 80—83 (in Russ.)

8. Eberhardt, P. 2008, Etniczne podłoże mozaiki religijnej Półwyspu Bałkańskiego, *Kulturowy aspekt badań geograficznych*, Vol. 5, p. 57—72 (in Pol.).
9. Jarnecki, M., Palinczak, M. 2014, Kwestie i spory religijne na terenie Rusi Zakarpackiej w czechosłowackim epizodzie jej dziejów, *Sprawy Narodowościowe, Seria nowa*, no. 45, p. 88—105. Doi: 10.11649/sn.2014.025 (in Pol.).
10. Mîndru, P. 2009, The Evolution of the Etnical and Confessional Structure of the Population in the Someşul Mic Valley between 1850 and 2002, *Geographia Napocensis*, no. 1, p. 75—85.
11. Tofan, G.-B., Niță, A., Nimară, C. 2014, The Confessional Structure of Harghita, Covasna and Mureş Counties. In: 2011, *Analele Universităţii din Oradea: Seria Geografie*, no. 24 (2), p. 166—179.
12. Biesiadowska-Magdziarz, B. 2014, Przyczynek do obrazu szlachty Inflant Polskich w łotewskich źródłach i opracowaniach historycznych początku XX w., *Acta Baltico-Slavica*, no. 38, p. 89—97. Doi: 10.11649/abs.2014.009 (in Pol.).
13. Gaučas, P. 1993, Lietuvių—gudų kalbų paribio etnolingvistinė situacija 1795—1914 m., *Lietuvos rytai*. Vilnius, p. 42—100 (in Lit.).
14. Eberhardt, P. 2007, Geografia religii Litwy, *Czasopismo Geograficzne*, Vol. 78, Wrocław, p. 161—179 (in Pol.).
15. Eberhardt, P. 1997, Problematyka narodowościowa Estonii, *Zeszyty IG i PZ. PAN*, no. 47, p. 3—42 (in Pol.).
16. Eberhardt, P. 1998, Problematyka narodowościowa Łotwy, *Zeszyty IG i PZ. PAN*, no. 54, p. 3—67 (in Pol.).
17. Balabejkina, O.A. 2015. Change of confessional space in the period from 1917 to 1941. on the example of the St. Petersburg diocese of the Russian Orthodox Church. In: *Istoricheskaya geografija Rossii: retrospektiva i sovremennost' kompleksnyh regional'nyh issledovanij. Materialy V mezhdunarodnoj konferencii po istoricheskoi geografii* [Historical geography of Russia: a retrospective and modern complex regional studies. Materials of the V international conference on historical geography], St. Petersburg, p. 21—25 (in Russ.).
18. Safronov, S.G. 2013, Territorial structure of the confessional space in Russia and other post-soviet states, *Regional Research of Russia*, Vol. 3, no. 2, p. 204—210.
19. Vasileva, S.V., Palikova, T.V. 2014, Confessional space of the outskirts of the Russian Empire in the XIX — early XX century, *European Social Science Journal*, no. 3—2 (42), p. 391—399 (in Russ.).
20. Kabuzan, V.M. 2008, *Rasprostranenie pravoslaviya i drugih konfessij v Rossii v XVIII — nachale XX v. (1719—1917 gg.)* [The spread of Orthodoxy and other confessions in Russia in the XVIII — early XX century. (1719—1917)], Moscow, 272 p. (in Russ.).
21. Manakov, A.G. 2002, *Geokul'turnoe prostranstvo severo-zapada Russkoj ravniny: dinamika, struktura, ierarhiya* [Geocultural space of the northwest of the Russian Plain: dynamics, structure, hierarchy], Pskov, 300 p. (in Russ.).
22. Safronov, S.G. 2001, Confessional space of Russia in the beginning and the end of the twentieth century. In: Nefedova, T., Polyani, P., Trejvish, A. (eds.), *Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: sto let peremen* [City and village in European Russia: a hundred years of change], Moscow, p. 443—460 (in Russ.).
23. Ozem, G.Z. 2008, Confessional regionalization of Belarus, *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, ser. 2. Himiya. Biologiya. Geografiya* [Bulletin of the Belarussian State University, vol. 2. Chemistry. Biology. Geography], no. 1, p. 90—96 (in Russ.).
24. Balabejkina, O.A. 2014, Historical and geographical aspects of the territorial organization of the Orthodox Church in Russia, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 19, p. 64—73 (in Russ.).
25. Manakov, A.G., Dement'ev, V.S. 2018, Dynamics of the confessional composition of the Pskov region population in the second half of the XIXth century, *Religiovedenie* [Religious studies], Vol. 1, no. 1, p. 92—102 (in Russ.).
26. Dement'ev, V.S. 2018, The territorial organization of the Russian Orthodox Church of the Pskov region in the XVIII—XXI centuries, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionological Journal], no. 3 (35), p. 74—88 (in Russ.).

27. Manakov, A.G., Martynov, V.L., Dementiev, V.S. 2017, *Istoricheskaya geografiya Severo-Zapada Rossii: naselenie i puti soobshcheniya* [Historical geography of the North-West of Russia: population and means of communication], Pskov, 304 p. (in Russ.).
28. Manakov, A.G., Chuchenkova, O.A. 2017, *Dinamika etnicheskogo sostava naseleniya Estonii i Latvii s 1881 po 2016 g.* [Dynamics of the ethnic composition of the population of Estonia and Latvia from 1881 to 2016], Moscow, 96 p. (in Russ.).
29. Puchkov, P.I. 1973, On the ratio of confessional and ethnic communities, *Sovetskaya ehtnografiya* [Soviet ethnography], no. 6, p. 51—65 (in Russ.).
30. Gorina, K.V. 2012, Confessional space: the concept and its structural elements, *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva* [The system of values of modern society], no. 24, p. 8—13 (in Russ.).
31. Ekkel, B.M. 1976, Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR, *Sovetskaya ehtnografiya* [Soviet ethnography], no. 2, p. 33—39 (in Russ.).

The authors

Prof. Andrei G. Manakov, Department of Geography, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

Vitaliy S. Dementiev, Polytechnic College University, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia.

E-mail: dementjew.vitaly2011@yandex.ru

To cite this article:

Manakov, A. G., Dementiev, V. S. 2019, Territorial structure of the denominational space of the South-East Baltic, *Balt. Reg.*, Vol.11, no. 1, p. 92—108. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-7.

**ОПЫТ
ТУРИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
БАЙЛЕ-ФЕЛИКС (РУМЫНИЯ)
ДЛЯ ЗАЩИТЫ
СЕРОГО ТЮЛЕНЯ
И ПРОДВИЖЕНИЯ
ЕГО В КАЧЕСТВЕ БРЕНДА
НА ХЕЛЬСКОМ
ПОЛУОСТРОВЕ (ПОЛЬША)**

Я. Вендт¹

Р. Бухас²

Г. Херман²

¹ Гданьский университет,
80309, Польша, Гданьск,
ул. Базиньского, 4.

² Университет Орадя,
410087, Румыния, Орадя,
ул. Университетская, 1.

Поступила в редакцию 14.01.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-8

Для цитирования:

Вендт Я., Бухас Р., Херман Г. Опыт туристической системы Байле-Феликс (Румыния) для защиты серого тюленя и продвижения его в качестве бренда на Хельском полуострове (Польша) // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №1. С. 109—136. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-7.

© Вендт Я., Бухас Р., Херман Г., 2019

Природный заповедник Парауль Пета, расположенный в округе Бихор (Румыния), в туристической системе Байле-Феликс, приобрел международную известность благодаря уникальной экосистеме с термальными водами, где обитают некоторые редкие виды фауны (Scardinius gasovitzai, Melanopsis parreyssi) и особенно флоры, среди которых — реликтовый цветок лотоса Nymphaea lotus var. thermalis.

Расположенная на побережье Хельского полуострова Морская станция Хеля стала известной благодаря проекту по восстановлению численности серых тюленей в польских водах. Морская станция является одной из самых интересных туристических достопримечательностей в регионе Балтийского моря. Авторы исследования использовали набор специальных методов и инструментов для анализа ситуации на двух вышеперечисленных объектах. Была создана база данных, которая позволила в системном контексте сравнить оба туристических направления, определив при этом их сходства и отличия. Цветок лотоса и серый тюлень как бренд стали основой для развития двух курортов, частью местного, национального и международного коллективного сознания. Не удивительно, что их изображения украшают эмблемы и логотипы большого числа учреждений и организаций.

В статье выявляются причины, которые привели к почти полному исчезновению редких видов флоры и фауны на охраняемых территориях, а также определяется роль и степень осознания значимости заповедников и их отдельных элементов в организации мероприятий по продвижению и ребрендингу образа этих видов.

Ключевые слова: заповедник, термальная вода, серый тюлень, туристическая система, Балтийский регион, Румыния

Введение

Расположенная к западу от холма Ломлеу (344 м), на стыке между Западной равниной и холмами система сельского туризма Байле-Феликс — 1 Мая сформировалась постепенно благодаря использованию термальных водных ресурсов. Наличие источников привело к развитию разных видов туризма. Геологическая составляющая, структура, литология, химический состав, тепловые характеристики источников описаны в многочисленных научных публикациях [1—6]. Термальные

источники играют важную роль в определении экономического профиля этой курортной территории [7; 8], хотя их используют в основном как вспомогательный ресурс для развития других элементов туристической системы в условиях возрастающей роли диверсификации туристического продукта.

Из всех представителей флоры и фауны данной территории особое значение имеет один — *Nymphaea lotus var. thermalis* (термальная водяная лилия, или *дреше* — на румынском языке). Этот тропический реликт уникален для Европы. Он встречается лишь в условиях умеренного климата [9—14]. Водяная лилия была объявлена уникальным и охраняемым растением в 1931 году по инициативе ботаника Александра Борза. Годом позже, в 1932 году, с целью защиты мест ее произрастания был основан заповедник Парауль Пета (рис. 1). Территория заповедника простирается вдоль района термальных вод на высоте 140 метров над уровнем моря. Среди всех термальных источников особенно выделяется один — *Ochiul Țiganului* (Цыганский Глаз) (рис. 2).

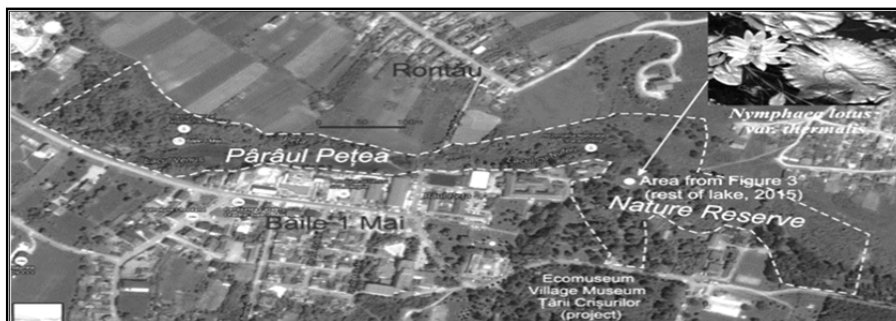

Рис. 1. Географическое расположение заповедника Парауль Пета (Румыния)

Рис. 2. Центральная часть заповедника — источник Цыганский Глаз — в 2010 и 2015 годах

В 1995 году в соответствии с местными нормативными актами территория заповедника была ограничена площадью 4 га и включена в реестр природных охраняемых объектов «Природа 2000» (общая площадь всех объектов — 48,9 га) под управлением музея «Чарий Кришурилор» в Орадя (до 2015 года)¹.

До 2013 года (декабрь), когда стали заметны первые существенные признаки истощения термальных ресурсов, поверхность термальных объектов составляла около 600 м².

¹ Bihor County Council Decision. 1995. № 19 ; Law. 2000. № 5. Adopted by Romanian Parliament // Official Monitor. 2000. № 152.12 April ; European Commission-Environment. Nature 2000 centrepiece of EU Nature at biodiversity policy. URL: <http://natura2000.mmediu.ro/upl/formulare/ROSCI0098%20-%20F.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).

Хаотичное развитие туристической системы и нерациональная эксплуатация после 1990 года основного туристического ресурса — термальной воды — привели к уменьшению ее объема и, как следствие, к истощению и разрушению среды обитания трех редких видов флоры и фауны: *Nymphaea lotus var. thermalis*, *Scardinius erythrophthalmus racovitzai* — *Rudd Racoviță* (эндемичный вид пресноводной рыбы, адаптированный к термальной воде) и *Melanopsis parreyssi* — эндемичный вид реликта улитки [15—17]. При этом в Красную книгу видов, находящихся под угрозой исчезновения, разработанную Международным союзом охраны природы (МСОП) и Программой ЕС «Природа-2000» для практически вымерших видов, входят гораздо больше представителей флоры и фауны, которые также встречаются в заповеднике. Этот факт еще раз подчеркивает важность данного природного объекта, при этом увеличивая возможности для развития туризма².

Помимо проблем, вызванных уменьшением объема выхода термальных вод (об этом впервые заговорили ученые и СМИ в 2009 году), существуют и другие экологические проблемы, связанные с антропогенной деятельностью. Так, например, в 1 Мая происходит процесс естественного заиливания. По мнению некоторых специалистов, наблюдается уменьшение глубины термального озера до критического уровня около 0,30 м [5; 18]. Не только ученые говорят об опасности и ищут причины возможного скорого исчезновения этого символа туристической системы [10; 19—22]. Поэт Ади Эндре (1906) в поэме «Пуцтул и Лотуш» упоминает о неизбежном периоде угасания, исчезновения озера и редчайшего лотоса в результате действия человека (например, из-за использования цветов для производства ликеров и парфюмерных изделий) [23].

Следует упомянуть, что естественная среда обитания *Nymphaea lotus var. thermalis* — это исключительно термальное озеро Пелея и ручей у 1 Мая. В центральном парке Байле-Феликс в антропогенном озере встречается распространенный вид водяной лилии (*Nymphaea alba*), который по своим характеристикам отличается от охраняемых видов данного растения (рис. 3). К сожалению, из-за отсутствия достаточных знаний эти два вида — редкий и распространенный — ошибочно принимают друг за друга, причем охраняемые виды часто ассоциируют именно с Байле-Феликс.

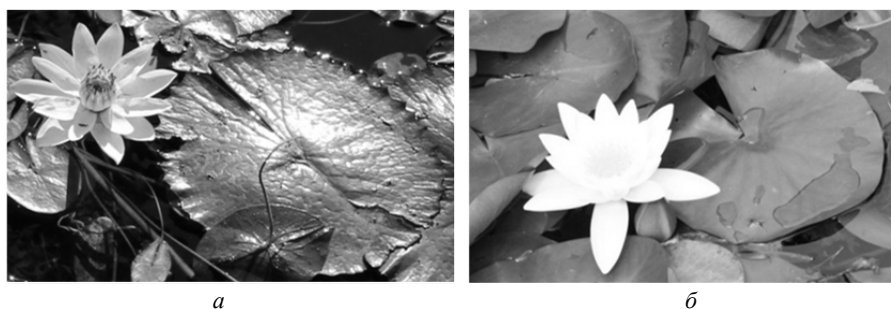

Рис. 3. Различия (лист) между *Nymphaea lotus var. thermalis* (а) на озера Пелея и *Nymphaea alba* (б) на озере Байле-Феликс (искусственно созданная колония)

² Red List of Threatened Species elaborated by International Union for Conservation of Nature (IUCN). 2015. URL: <http://www.iucnredlist.org/details/full/19948/0> (дата обращения: 20.11.2018).

Морская станция на Хельском полуострове была основана в 1992 году и принадлежит Институту океанографии факультета океанографии и географии Гданьского университета. Удобное расположение станции практически на краю Хельского полуострова, в средней части Гданьского залива, позволяет проводить исследования как в прибрежной зоне, так и в открытом море (рис. 4).

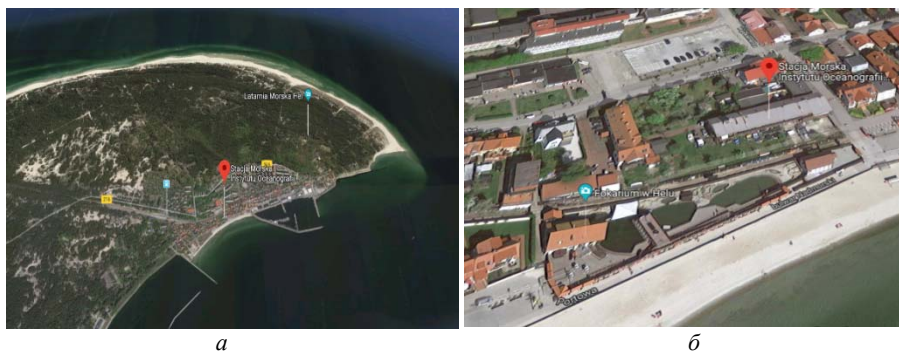

Рис. 4. Морская станция, расположенная на краю Хельского полуострова (а), и Фокариум с аквариумами (б)

В задачи станции входит исследование биологических, химических, физических и геологических процессов в прибрежной зоне и на глубине моря. Однако основной упор делается на изучение последствий антропогенных процессов, связанных с ростом населения в прибрежных зонах, с изменениями в направлениях развития полуострова, расширением туристической инфраструктуры и постоянным увеличением туристического потока. Рост числа туристов, которые занимаются парусным спортом, виндсерфингом, дайвингом или просто приезжают сюда отдохнуть, оказывает негативное воздействие на природную среду прибрежных территорий и бассейнов Гданьского и Пуцкого заливов [24].

Оборудование станции, аквариумы и бассейны с проточной морской водой позволяют практически полностью воссоздать природную среду обитания тюленей, что делает возможным проведение исследований флоры и фауны Балтики (рис. 5).

Рис. 5. Фокариум с серыми тюленями (а) и бассейны для размножения тюленей (б)³

³ HEL MARINE STATION. URL: <http://www.hel.ug.edu.pl/info/helmarinestation.htm> (дата обращения: 20.11.2018) ; *Wikimedia commons*. URL: <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=44341505> (дата обращения: 20.11.2018).

Существующая система аквариумов и бассейнов дала возможность приступить к реализации долгосрочного проекта по восстановлению численности популяции серых тюленей на польском побережье Балтийского моря. Фокариум и Морскую станцию, где выращенных тюленей (*Halichoerus grypus*) выпускают в Балтийское море, считают самой большой природной достопримечательностью Хеля. Каждый год их посещают почти полмиллиона человек.

Цель исследования

Подобно лотосу и термальным источникам в Байле-Феликсе, серые тюлени являются символом морской станции в Хеле, а также неотъемлемой частью бренда города и курорта Хель. Местные магазины предлагают посетителям сувениры, связанные с популярными местами рыбной ловли и станцией наблюдения и разведения тюленей. Однако тюленями на Хеле интересуются в основном туристы. Местные рыбаки, согласно давней традиции, обвиняют тюленей в уничтожении сетей и истреблении рыбы. В отличие от Байле-Феликса, где заповедник воспринимается исключительно положительно и, по сути, связывает воедино туристов и жителей, в Хеле некоторые представители местного сообщества считают серых тюленей вредителями. Никакие научные исследования, свидетельствующие о том, что отсутствие рыбы является последствием неконтролируемого промышленного вылова, а не активности тюленей, не способны изменить негативное отношение.

Основная цель данного исследования — изучить особенности природного заповедника Парауль Пета (и его отдельных частей) и места обитания серого тюленя вблизи Морской станции Хеля на предмет использования их в качестве туристического ресурса и бренда, выявить уровень осведомленности населения о данных ресурсах, роль, которую они играют в жизни местного сообщества. Данная цель неизбежно приводит к необходимости определения степени влияния антропогенного фактора на территорию заповедника и успешности повторного разведения серого тюленя на южном побережье Балтики.

Достижение цели осуществляется путем анализа и сопоставления географических, биологических, демографических и социально-культурных факторов, а также выявления экономического эффекта от развития туризма на анализируемых территориях.

Предлагаемый нами подход к анализу выбранных территорий состоит из четырех этапов: определение уровня осведомленности местного сообщества (жителей города Орадя и муниципалитета Санмартин) о туристическом ресурсе; причин, вызвавших его упадок (например, деградация территории); путей его ревитализации (оздоровления, оживления); выработка методов продвижения туризма в природоохранной зоне.

Методология исследования

Методология исследования основана на междисциплинарном подходе с использованием географических [25—31], статистических и социологических методов и инструментов [32—37]. В ходе работы были проведены опросы и анкетирование респондентов, формулировки вопросов были детерминированы целями исследования.

Нас интересовали как количественные, так и качественные показатели. Качественные показатели определялись на основе анкетирования фокус-группы. Данный метод широко используется в исследованиях социально-геогра-

фического и междисциплинарного типов [38—41]. В нашем случае фокус-группа состояла из специалистов, представляющих разных области знания: в состав группы входили географ, геолог, биолог, гидролог, историк, социолог, экономист и т. д. Такой состав был необходим для осуществления детального анализа изучаемой проблемы, а также для интерпретации результатов, полученных в ходе анкетирования, профильными специалистами [10].

Количественные показатели включали результаты статистического и специального анализа, полученные данные заносились в специально созданную базу, инкорпорирующую и дополнительный социологический компонент: во время анкетирования выявлялись степень осведомленности населения о заповеднике, о причинах ухудшения экологической ситуации, о путях развития и продвижения природоохранных территорий. Помимо этого к подобного типа данным может быть отнесена социально-демографическая информация.

Степень осведомленности населения определялась с помощью набора вопросов для выявления основных источников информации о туристическом ресурсе, а также о его структуре и элементах.

Вопросы, касающиеся причин ухудшения ситуации на природоохранных территориях, были направлены на получение информации о фактическом состоянии анализируемого объекта, туристического ресурса, а также о причинах, которые способствовали его деградации, например отдельные виды туризма.

Развитие и продвижение природоохранных территорий напрямую связано с теми решениями, которые принимают отдельные институты государственной власти и организации, несущие ответственность за поддержание надлежащего состояния охраняемого туристического объекта или ресурса. Масштабирование и продвижение туристического ресурса повышают вероятность получения международной известности туристического объекта.

Собранные социально-демографические данные (пол, возраст, уровень образования, род занятий, адрес и условия жизни) важны для максимально объективной интерпретации результатов, полученных в результате анкетирования и интервью. Верификация данных осуществлялась в ходе специального анализа, графически и картографически транспонируемого с помощью ГИС.

Комплементарный метод, используемый в данном исследовании, включает анкетирование респондентов с помощью выборочного социологического опроса.

Анализ данных и интерпретация результатов были выполнены с помощью программы статистического анализа для социальных наук — SPSS.

Методы определения целевой группы, этапов и области исследования [42; 43], а также сбора материала [33] позволяют считать, что полученные результаты являются достоверными. Достоверность результатов анализа обусловлена высоким уровнем репрезентативности выборки по отношению к общей численности населения [44], а также структурированным и логичным подходом к социологическому исследованию, выполненному в рамках междисциплинарного подхода.

Мы рассматривали следующие социологические показатели: пол, возраст, уровень образования, род занятий и семейное положение (табл. 1). Что касается ежемесячного дохода, то 38,2% респондентов заявляют, что их доход позволяет им жить в относительном достатке, но они не могут покупать дорогие вещи. Только 7% опрошенных довольны своим доходом, имея возможность приобретать все необходимое без ограничений, 10,6% заявляют, что их доход не может обеспечить даже основные потребности.

Таблица 1

Социодемографические характеристики респондентов, %

Уровень образования	Восемь классов	2
	Десять классов, профтехучилище	10
	Одиннадцать—двенадцать классов	45
	Техникум или колледж	11
	Высшее образование	32
Род занятий, профессия	Фермер	0,7
	Рабочий	9,2
	Работник торговли, сферы туризма или сферы услуг	21,6
	Техник, служащий	2,9
	Преподаватель вуза	11,1
	Владелец бизнеса, предприниматель, фрилансер	7,2
	Домохозяйка / неработающий	2,6
	Пенсионер	16,7
	Студент / ученик школы	28,1
Семейное положение	Не замужем, не женат	52,4
	Замужем / женат, гражданский брак	37,8
	Разведен(а)	4,6
	Вдова, вдовец	4,6
	Другое	0,6

Общее число респондентов составило 337 человек, проживающих в коммунах Орадя и Санмартин, со следующим обобщенным социально-демографическим профилем: 52,5% составили женщины, средний возраст 38,2 года, имеющие средний и высокий уровень образования (45%), не состоящие в браке (52,4%), студенты или работающие в сфере услуг, со средним ежемесячным доходом.

Аналогичная методика использована для анализа Морской станции Хеля. В ходе исследования был осуществлен обзор существующих научных работ и проведено анкетирование. В анкетировании приняли участие 102 студента гданьских вузов, специализирующихся в сфере туризма и рекреации. Привлечение к исследованию студентов первого года обучения определялось желанием узнать мнение жителей как Поморского воеводства, так и других регионов Польши об анализируемых проблемах.

В анкетировании, посвященном морской станции Хель и Фокариуму, приняли участие 36 респондентов мужского и 66 респондентов женского пола, 26 респондентов были из Поморского воеводства, а остальные — из других регионов Польши. В опросе принял участие 41 респондент из региона, в котором расположен Фокариум, и 21 — из других регионов страны. Все респонденты были в возрасте от 18 до 21 года и имели среднее образование.

Анализ и результаты исследования заповедника Парауль Пета

Бренд и имидж курортно-туристической системы основан на двух основных туристических ресурсах: термальных источниках и уникальном реликтовом цветке — нимфее термальной (лотосе). Данные элементы туристической системы привели к появлению других элементов в разной временной и исторической последовательности. Ярким примером такого взаимодействия элементов является мельница в Ронтэу, которая эксплуатировалась до середины XX века даже в зимний период благодаря горячим источникам, расположенным поблизости [45].

Бренд, имидж и продвижение заповедника Парауль Пета

Пример заповедника Парауль Пета — это тот случай, когда «восстановление практически исчезнувшего бренда в пределах категории, к которой он принадлежит, уже невозможно. Следовательно, необходимо изучить возможность перехода объекта в другую категорию или создать совершенно новую категорию для формирования бренда» [46, p. 41].

Формирование имиджа туристической системы Байле-Феликс — 1 Мая происходило в несколько этапов и с разной степенью интенсивности. Каждый из этапов имел свои особенности:

1. *Период до 1990 года* характеризовался жесткими регулированием пространственного планирования курортной зоны, контролируемым и целенаправленным развитием инфраструктуры, а также развитием территории за счет продвижения местных брендов. Иллюстрацией этому служит целый ряд названий элементов инфраструктуры гостиничного комплекса: *Lotus, Nufărul, Termal*. Некоторые названия отражают региональную топонимику: *Crișana, Mureș, Someș, Poienița, Muncel*, хотя присутствуют и элементы римской мифологии: *Ceres, Apollo-Felix*.

2. *Период после 1990 года* отмечен архитектурным хаосом, интенсивным строительством гостиничной инфраструктуры, особенно пансионатов. Помимо чрезвычайно разнообразных архитектурных решений, не отражающих при этом местный или региональный колорит, появилось множество объектов, носящих самые странные, порой необъяснимые для анализируемой туристической системы названия — «Ноблесс», «Давыдоф», «Ама», «Видрару», «Монако», «Перла», что является следствием глобализации и бессистемной застройки. Это яркий пример того, как не принимается во внимание угроза существованию бренда в результате потери характерных черт территории [46]. Однако необходимо отметить, что именно в этот период начинается формирование и продвижение национальных брендов: был дан старт комплексному проекту *Wellness Thermal Nymphaea* (в Орадя) и проекту в Байле-Феликс.

Важную роль в формировании имиджа и бренда играет реклама. Рекламные слоганы и визуальный ряд в этот постсоциалистический период в определенной степени отражали отношение и к местному бренду, и к реальной территории [47]. Приведем несколько примеров.

1. Туристическая деятельность, связанная с заповедником Парауль Пета. Многие рекламные проспекты и вебсайты рекламировали эту территорию, называя ее уникальным драгоценным камнем, продвигая ее как туристический ресурс. При этом сам лотос находится на грани полного исчезновения даже на заповедных территориях. Требуется возрождение практически исчезнувшего бренда, при этом есть понимание того, что шансы на его восстановление, возвращение на прежнюю позицию в своей категории очень малы.

2. В этом плане интересны проекты, которые основаны на решении перевести почти исчезнувший бренд в другую категорию объектов или даже создать новую категорию для него. Например, обсуждается идея включить природный заповедник Парауль Пета и будущий деревенский музей Кригури в состав экологического музея. Примеры такого ребрендинга уже есть: увязаны в единое целое холм Ломлеу в палеонтологическом заповеднике и памятник природы Бетфия Авен.

3. В серии научных исследований подчеркивается роль заповедника как центральной точки аттракции, туристической достопримечательности в рамках курортно-туристической системы [10; 48].

4. Цветок лотоса представлен на логотипе многих учреждений, например университета Орадя (с 1964 года), спортивного клуб *Sânmartin*, а также на уникальных почтовых марках румынского почтового отделения (рис. 6), посвященных трем редким представителям животного и растительного мира заповедника Парауль Пета.

Рис. 6. Уникальные марки с изображениями *Scardinius racovitzai*, *Melanopsis parreyssi* и *Nymphaea lotus var. thermalis* (8 декабря 2008 года)

Близость города Орадя как основной точки аттракции туристов, а также наличие термальных источников в черте города нашли свое отражение в местных названиях, унаследованных из социалистического периода: район Нуфэрул, научный журнал *Nymphaea*, название музея, а также более поздние примеры: Национальный конкурс песни и танца *Floare de Lotus* («Цветок лотоса»), торговый центр *Lotus* и др. Перспективы развития бренда на основе использования изображения цветка лотоса и термальных источников должны разрабатываться с учетом современных вызовов и трендов: социальных, экономических и политических тенденций, экологических проблем и глобализации [46, p. 42].

Бренд, имидж и продвижение Хельского полуострова, города Хель, Морской станции и Фокариума

Как показал проведенный анализ, курорт Хель и его туристическая система прошли два основных периода развития: до 2003 года и после.

Летом 1920 года, после того как Польша восстановила свою независимость, на побережье полуострова началась работа по созданию мощной оборонительной системы. В 1920-х годах через полуостров Хель была проложена железная дорога, соединяющая Пуцк с Гданьским заливом. В 1928 году началось строительство военного порта в городе Хель. В то же время были построены военные объекты практически на одной десятой территории полуострова, начиная от Юраты.

Развитие туризма в этом регионе было приостановлено, ввели запрет на строительство любых гражданских сооружений без согласия с военными властями, что значительно ограничило возможности посещения полуострова туристами. Присутствие армии на данной территории было закреплено указом президента Республики Польша Игнация Могицкого от 21 августа 1936 года «О создании укрепленной зоны Хель».

Спустя почти шестьдесят лет после окончания Второй мировой войны, 25 ноября 2003 года, по предложению президента Республики на основе статьи 15, раздела 2 Основного закона страны Конституционный суд Польши принял решение, которое положило конец существованию военной зоны и открыл город Хель для туристов.

Период 1945—2003 годов. характеризовался ограничением доступа к Хелю, необходимостью согласования всех планов по развитию инфраструктуры с армейским начальством и ограничением туристического трафика. С экологической точки зрения это был неблагоприятный период, так как он привел к нарушению равновесия природной среды полуострова, вызванному пребыванием армейских подразделений и постоянным расширением военной инфраструктуры. В таких условиях лишь небольшое количество туристов хотело ознакомиться с флорой и фауной полуострова.

Период после 2003 года связан с экономическими преобразованиями. Это время окончания военного присутствия на Хельском полуострове, приведший, с одной стороны, к динамичному увеличению числа туристов, а с другой — к прогрессирующей деградации природных территорий.

Как и в случае с заповедником Парауль Пета, важную роль в формировании имиджа и бренда территории играет реклама. Слоганы и визуальный ряд рекламы постсоциалистического периода в определенной степени отражали отношение к местному бренду и к реальной территории [47]. Анализ примеров продвижения полуострова показал следующее.

1. Наблюдается повышение степени узнаваемости полуострова и Морской станции Хеля, связанное с продвижением экологического подхода к использованию природных ресурсов Балтийского моря, особенно природных ценностей Надморского ландшафтного парка, который охватывает полуостров Хель, залив Пуцк и часть акватории Гданьского залива [48—50].

2. В серии научных исследований подчеркивается роль заповедных территорий как центральной точки аттракции туристов в рамках туристической системы полуострова Хель [51—53].

3. Изображение серого тюленя не присутствует на логотипах или эмблемах учреждений и организаций полуострова. В отличие от Байле-Феликс тюлени не стали широко известным и узнаваемым туристическим брендом. Однако есть единичные примеры: на вебсайте Морской станции Хеля представлено изображение тюленя на одном из недавно построенных многоквартирных домов в Хеле. Тем не менее тюленей можно увидеть в витринах сувенирных магазинов.

4. Почта Республики Польша выпустила серию марок с изображениями трех видов балтийского тюленя — серого, обыкновенного и кольчатого (рис. 7). Местом, где прошла церемония представления новых почтовых марок был выбран Хель — Морская станция Института океанографии при Гданьском университете.

Рис. 7. Уникальные почтовые марки с тюленями *Halichoerus grypus*, *Phoca vitulina* и *Pusa hispida* (31 июля 2009 года)

Интерпретация полученных данных и результаты анализа заповедника Парауль Пета

Интерпретация результатов исследования, проведенного в соответствии с ранее обозначенными целями, позволяет проанализировать современное состояние заповедной зоны в контексте территориальных реалий. Подобного рода анализ может служить отправной точкой для разработки стратегий развития и продвижения системы спа-туризма с учетом современных данных, тенденций, брендов и местных туристических ресурсов.

Результаты проведенного опроса показывают уровень осведомленности населения о местных достопримечательностях, степень их реального (а зачастую ложного) представления об имеющихся ресурсах для реализации стратегий развития территории. Как показал анализ, местное население недостаточно осведомлено о местных реалиях. Это особенно видно на примере лотоса термального, который территориально ассоциировался респондентами с Байле-Феликс, а не с 1 Мая.

Источники информации о заповеднике

Из всех собранных данных мы использовали только те, которые были получены от респондентов, знающих о существовании заповедника. Мы попытались определить основные источники получения информации (рис. 8).

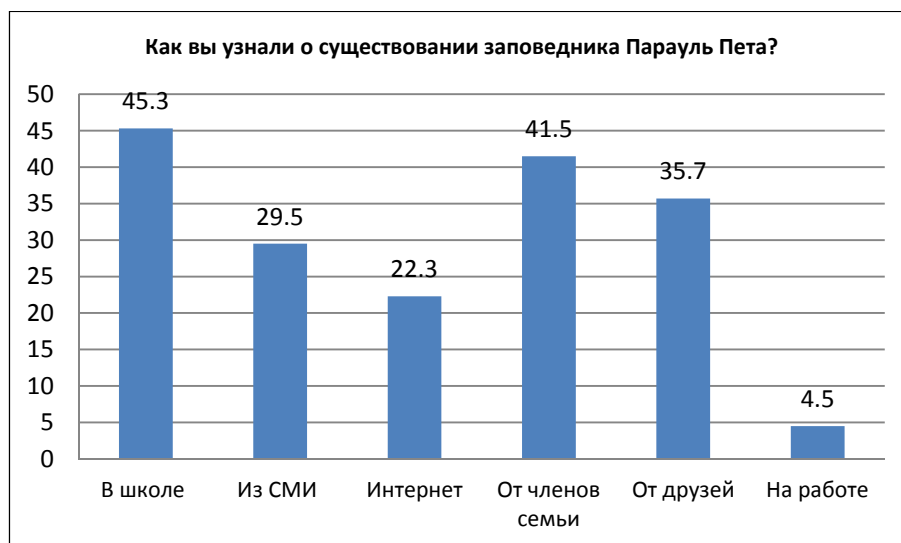

Рис. 8. Источники информации о заповеднике Парауль Пета (Румыния), %

Курортно-туристическая система Байле-Феликс — 1 Мая пользуется популярностью в Румынии благодаря наличию термальных источников и их терапевтическим свойствам. Анализ результатов анкетирования подтверждает важность данного ресурса, так как большинство респондентов считают, что известность (бренд) и признание туристической системы обеспечивается именно наличием термальной воды (81,1%) и лечебными терапевтическими процедурами на ее основе (62%).

Что касается заповедника (30,4%) и охраняемых видов животных и растений (29,1%), местные респонденты считают их менее важными для имиджа и бренда туристической системы (рис. 9).

Анализ показал, что большинство респондентов не видят никакой связи между термальными источниками и редкими видами растений и животных, встречающимися в заповеднике. Ни одна реклама, эмблема или логотип не связывают эти три природных ресурса. Причины, по которым этого не происходит, — тема для дальнейшего исследования.

Часть респондентов полагают, что Байле-Феликс — 1 Мая известны благодаря наличию аквапарка, хорошему качеству предоставляемых туристических услуг, местной кухне и живописным пейзажам.

О существовании заповедника Парауль Пета осведомлены 67% местного населения. Однако 33% (довольно высокий процент) никогда не слышали о его существовании. Несмотря на то, что лотос термальный широко известен, в большинстве случаев он ошибочно ассоциируется с Байле-Феликс. Чем выше уровень образования респондентов, тем больше среди них тех, кто знает о существовании заповедника. И наоборот, чем ниже уровень образования, тем большее число респондентов принадлежит второй группе (коэффициент корреляции Пирсона = 7,323, $p < 0,05$).

Чем известен Байле-Феликс — 1 Мая?

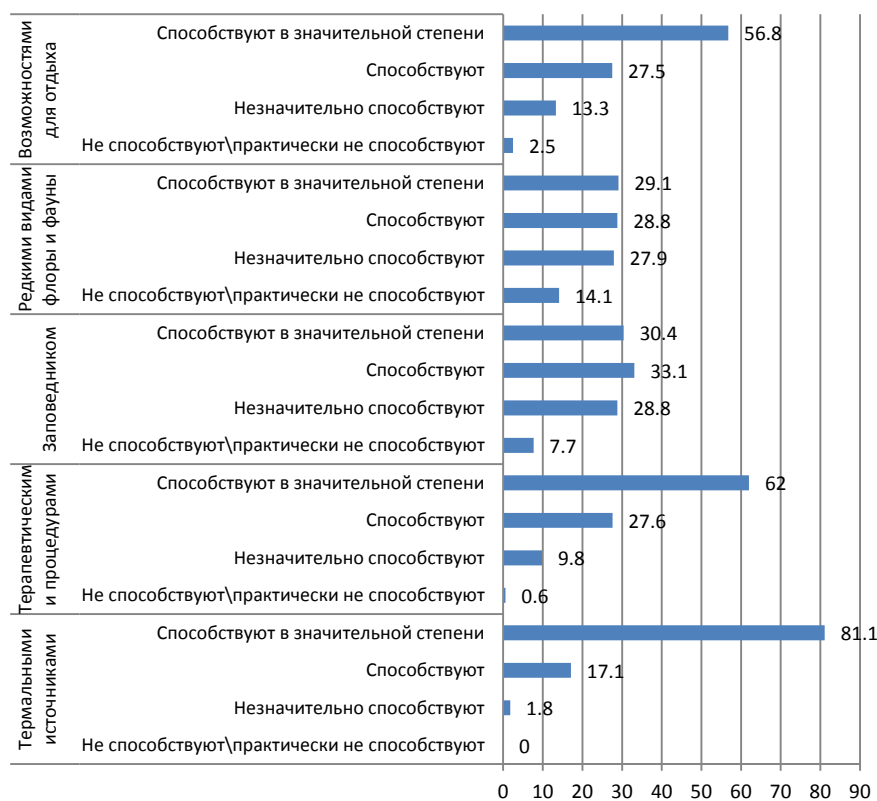

Рис. 9. Степень осведомленности о заповеднике Байле-Феликс — 1 Мая среди местных жителей, %

Далее мы более детально проанализировали ответы респондентов группы, осведомленной о существовании заповедника (67%). Большинство из них утверждают, что Байле-Феликс хорошо известен на национальном и даже международном уровне в первую очередь благодаря *Nymphaea Lotus*. Термальные источники, а также охраняемые виды флоры и фауны также являются важными факторами, которые принесли известность территории. Тем не менее лишь небольшой процент респондентов знали, что территория официально признана природным заповедником. Кроме того, подавляющее большинство респондентов (91 %) считают, что состояние заповедника ухудшающееся. Однако подобное мнение формируется не в результате посещения заповедника. Оно является следствием активной информационной кампании в средствах массовой информации.

Деградация заповедника

Данный раздел исследования посвящен анализу результатов опроса респондентов, осведомленных о существовании заповедника. Более детальный анализ позволил изучить причины деградации (упадка) заповедника, а также наметить стратегии его возрождения и продвижения.

Респондентов попросили высказывать свое мнение относительно риска деградации заповедника. Мы использовали шкалу измерений в диапазоне от 1 до 10, где 1 — «совсем не подвержен деградации», а 10 — «в значительной степени подвержен». При обработке ответов среднее полученное значение составило 7,6. Это означает, что местные жители осознают тот факт, что природный заповедник подвержен высокому риску деградации.

По тому же принципу было рассчитано среднее значение, характеризующее степень негативного влияния туризма на состояние заповедника. Данное значение составило 4,7. Это означает, что местные жители не видят связи между туристической деятельностью в этом районе и деградацией заповедника.

Ответы респондентов данной группы о причинах деградации заповедника довольно показательны. На рисунке 10 видно, что основными причинами деградации, по мнению респондентов, являются безразличие и халатность властей (88,5%), отсутствие интереса и халатность местных жителей (75%), бурение термальных скважин (63%) и нерачительное использование термальных вод (54%). Интересным является то, что 31% опрошенных не считают, что погодные условия оказывают негативное влияние на состояние заповедника, хотя многочисленные исследования убедительно доказали значительное влияние засухи и отсутствия осадков на климат и природную среду заповедника.

Оздоровление и продвижение заповедника

Основной путь оздоровления заповедника — изменение моделей поведения людей, не соблюдающих закон о природоохранных территориях. Именно такого мнения придерживаются 73% респондентов. Более высокая степень осведомленности местных жителей (66%) и рациональное использование термальных вод (60%) — эти и ряд других мер могут в значительной степени способствовать улучшению фактического состояния заповедника (рис. 11).

В какой степени следующие причины повлияли на состояние заповедника?

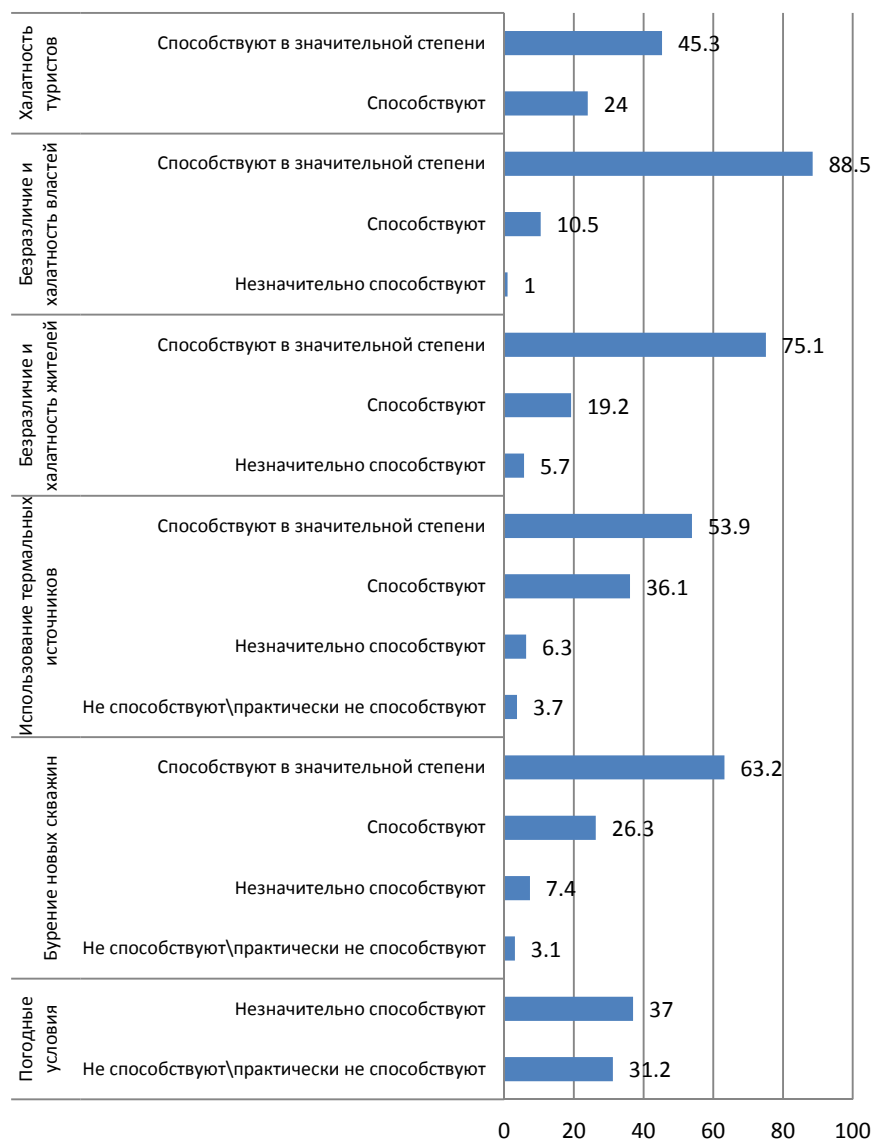

Рис. 10. Основные причины деградации заповедника, %

Как полагают 76% респондентов, основную ответственность за улучшение фактического состояния заповедника несет Министерство туризма Румынии. С ним разделяют ответственность органы охраны окружающей среды (66,5%). Музей земель Кричури из Орадя, городская полиция Орадя и мэрия Орадя, по мнению респондентов, не могут повлиять на улучшение нынешнего состояния заповедника.

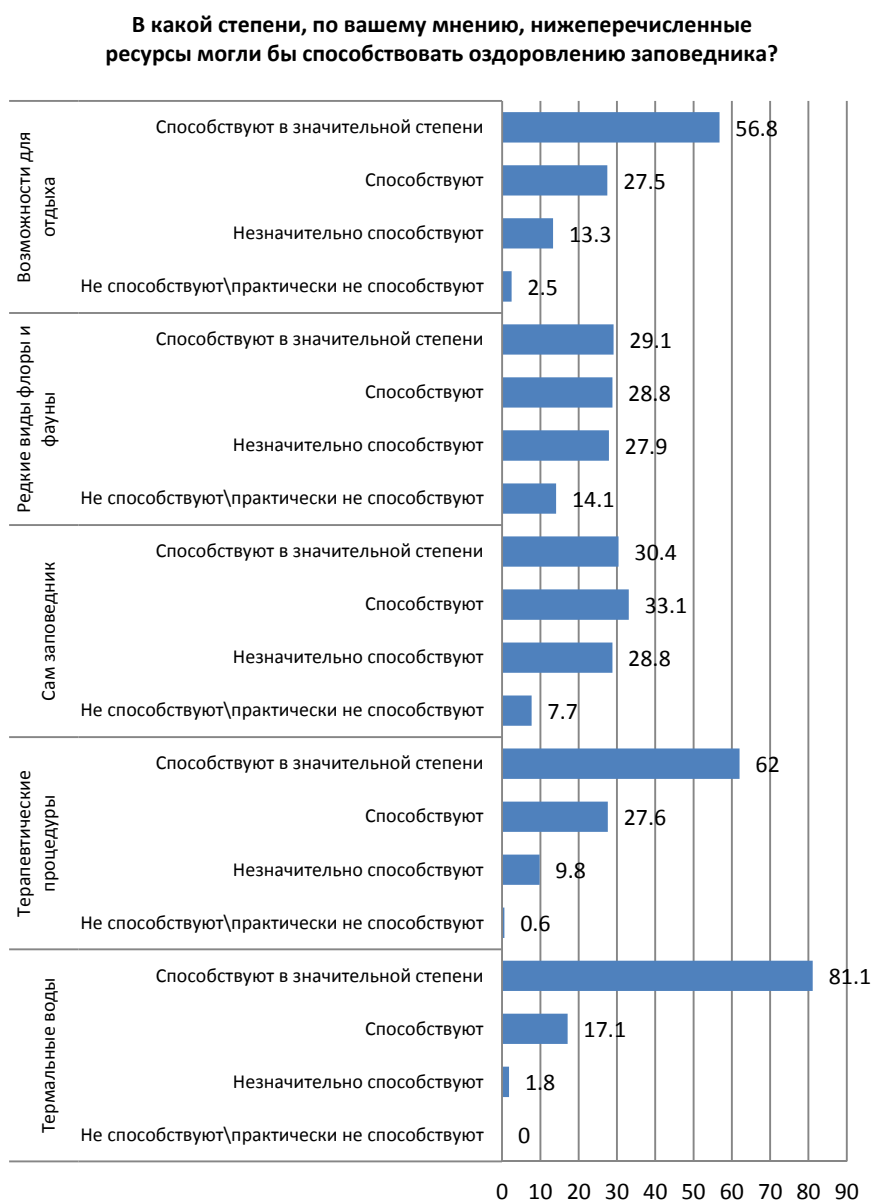

Рис. 11. Пути оздоровления заповедника, %

Туристическое продвижение заповедника

По той же шкале со значениями в диапазоне от 1 до 10 (1 — «совсем не...» и 10 — «в значительной степени») респондентам было предложено высказать свое мнение о способе продвижения заповедника. Среднее значение составляет 4,02, что подчеркивает тот факт, что у местных жителей актуальны рекламные онлайн-кампании (75,5% респондентов). Классическую форму уличной рекламы считает эффективной почти 60% респондентов (рис. 12).

В какой степени следующие шаги могли бы способствовать продвижению территории?

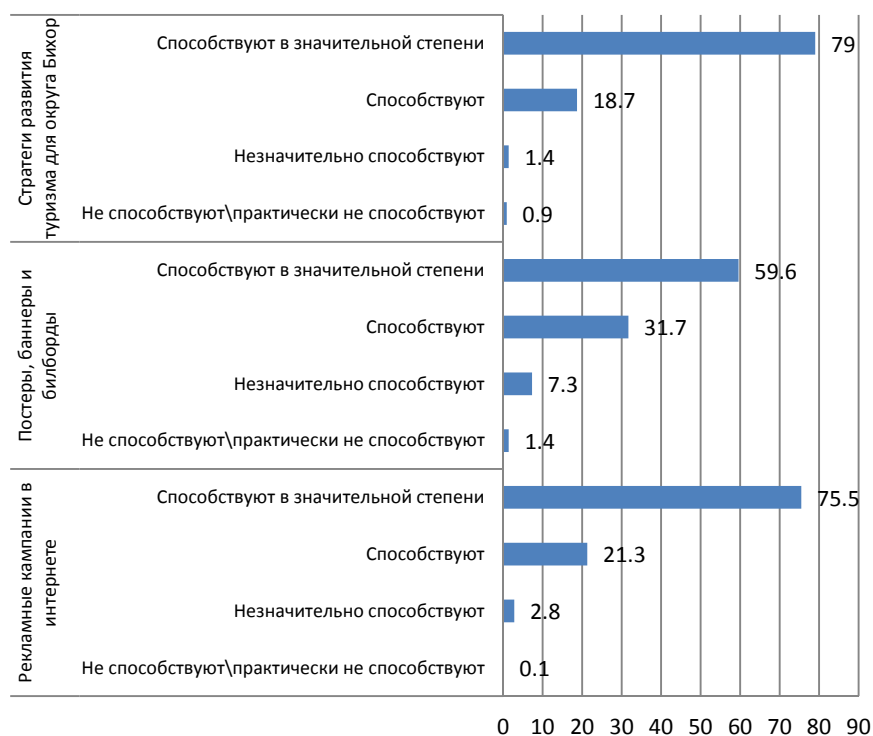

Рис. 12. Методы туристического продвижения территории, %

Анализ данных и результаты исследования Хельского полуострова, города Хель, Морской станции и Фокариума

Интерпретация результатов исследования, проведенного в соответствии с ранее обозначенными конкретными целями, позволяет проанализировать современную ситуацию исходя из имеющихся территориальных реалий. Определение жизнеспособности окружающей среды и оценка туристических ресурсов исследуемого региона станут отправной точкой для разработки секторальных стратегий развития и продвижения анализируемой туристической системы на полуострове Хель с использованием современных тенденций, существующих брендов и местных ресурсов.

Источники информации о Хельском полуострове, городе Хель, Морской станции и Фокариуме

Для осуществления этого этапа анализа мы использовали ответы респондентов, которые знают о существовании заповедной зоны. Мы попытались определить основные источники получения информации о полуострове. Учитывая, что полученные данные не составляют в сумме 100%, каждый из респондентов мог выбрать несколько вариантов ответа (рис. 13).

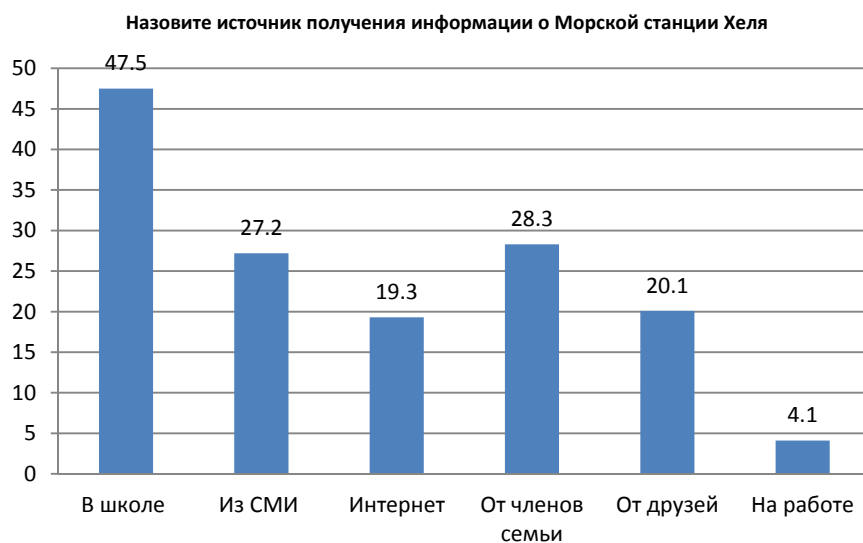

Рис. 13. Источники информации о Морской станции Хеля, %

В целом Хельский полуостров и остальная часть туристической системы данной территории известны в Польше благодаря интересным туристическим достопримечательностям, Морской станции Хеля с Фокариумом, а также природным и антропогенным достопримечательностям (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг факторов привлекательности Хеля для туристов (> 30 %), %

Место в рейтинге (2018)	Ответы респондентов	2008	2018
1	Фокариум	71	71
2	Прекрасные пляжи	63	69
3	Живописные ландшафты	58	61
4	Маяк	47	49
5	Атмосфера рыбацкой деревни	40	45
6	Тишина межсезонья	35	31

Источник: Majdak P. Tourist amenities of Hel and conceptions of their development in accordance to the preference and expectations of visitors // Turystyka i Rekreacja. 2008. № 4. P. 137—143.

Как показывают результаты опросов, проведенных в 2008 и 2018 годах, большинство респондентов ценило красивые пляжи больше, чем Морскую станцию, несмотря на то, что именно Станция является самым узнаваемым туристическим активом полуострова Хель.

Со временем мнение респондентов не изменилось. Ниже в рейтинге ответов респонденты отмечают пейзажи и ландшафты, антропогенные объекты, маяк и рыбацкую деревню с ее особенной атмосферой. Интересно отметить, что тихое межсезонье ценят больше 30% респондентов, что указывает на возможность развития туризма на Балтийском море с мая по сентябрь.

Деградация Хельского полуострова, города Хель, Морской станции и Фокариума

За последние десятилетия количество туристов, посещающих полуостров Хель, быстро росло. Для получения данных о туристических потоках и количестве туристов на пляжах полуострова Хель было проведено мониторинговое исследование. Были собраны данные о количестве и пространственном распределении туристов на анализируемой территории. При этом особое внимание уделено анализу числа туристов на пляже между береговой линией и дюнами. Подсчет проводился на 10-метровых участках, которые были разделены интервалами одинаковой длины. Всего было проанализировано 6 участков, подсчет осуществлялся в течение одного дня при неблагоприятных погодных условиях. В 12.30 подсчет было прерван дождем. На некоторых участках измерения начались раньше по времени, чем на других, поэтому результаты значительно различаются [49].

Таблица 3

Количество туристов на 10 м² на северном пляже полуострова Хель

Расположение участка	Число туристов	Среднее число туристов на 10 м ²
Владыславово — Халупы	90	9,0
Халупы — Кузница	87	7,0
Кузница — Ястарня	56	2,8
Ястарня — Юрата	108	3,6
Юрата — Хель Бор	9	0,5
Хель	121	12,1

Источник: [49].

При сопоставлении с исследованиями, проведенными в 2012 году также при неблагоприятных погодных условиях, выявилось, что число туристов на Хеле практически превысило не только объем туристической вместимости, но и поглощающую способность полуострова (табл. 3). Наибольшая нагрузка приходится на участки пляжей Владыславово — Халупы, Халупы — Кузница и Хель, где плотность составила более 5 человек на 10 м² пляжа.

Период 2013—2018 годов характеризовался длительным промежутком благоприятных погодных условий, в течении которого температура на Хеле была сопоставима с температурой на курортах Египта и Туниса [54]. Именно этот факт вызвал существенное увеличение количества туристов на полуострове, а не политическая дестабилизация или террористические акты в регионе Средиземного моря, в Северной Африке (Египет, Тунис) и на Ближнем Востоке (Израиль, Турция), являвшихся традиционными направлениями польского туризма. В этот период многие поляки предпочли Балтику курортам Средиземноморья [55—59].

Помимо постоянно растущего потока внутреннего туризма наблюдается рост внешнего туристического потока. Жители Калининградской области часто посещают полуостров. Целью их пребывания в подавляющем большинстве случаев является шопинг-туризм [60]. Однако многие россияне выбирают Поморье и в качестве места летнего отдыха. После завершения строительства нескольких современных марин количество яхт в Гданьском заливе значительно увеличилось. Также наблюдается рост количества круизных судов в портах Гданьск и Гдыня [61].

Оздоровление территории, продвижение бренда Хельского полуострова, города Хель, Морской станции и Фокариума

Проведенные исследования позволили определить основные направления охраны туристских ресурсов на полуострове Хель. По мнению респондентов, наиболее важным туристическим активом, требующим защиты, являются балтийские тюлени: 94% опрошенных считают тюленей «самой большой достопримечательностью» и «важным туристическим активом». Считают важным наличие «природного заповедника» 92% опрошенных, 87% полагают, что туристов также привлекают редкие виды флоры и фауны, 79% рассматривают пейзажи и живописные ландшафты в качестве значимых факторов для привлечения туристов, наравне с возможностями для отдыха и досуга (рис. 14).

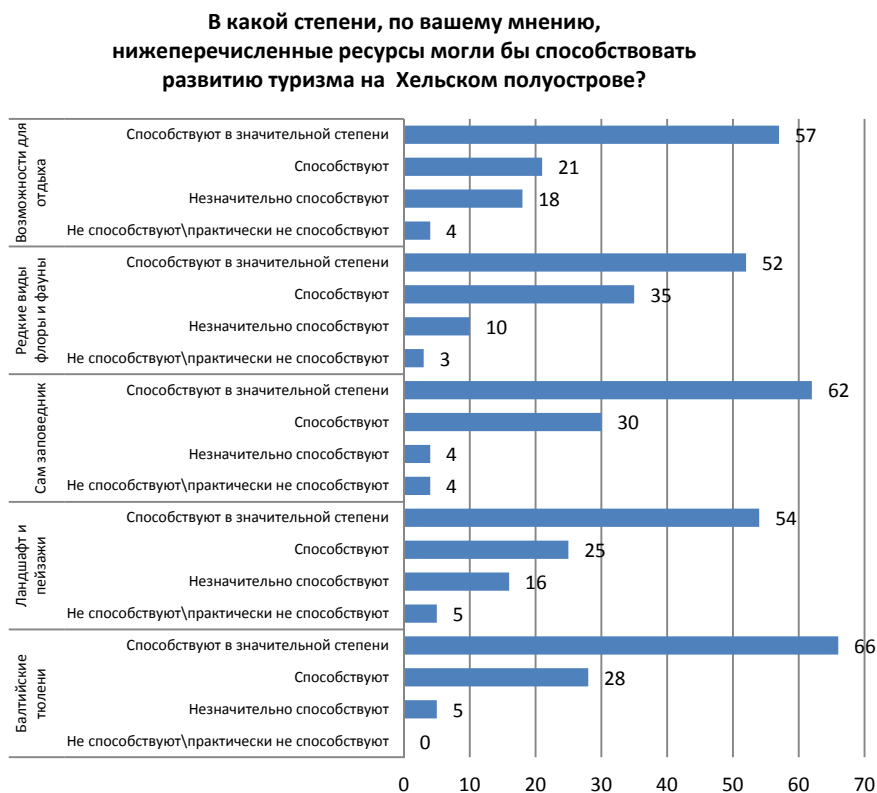

Рис. 14. Методы продвижения Хельского полуострова, %

В ответах респондентов отчетливо виден высокий уровень ответственности и признания необходимости защиты окружающей среды полуострова и его туристических ценностей.

События лета 2018 года, широко освещенные в прессе, потрясли жителей полуострова Хель: около десятка тюленей были убиты на побережье Гданьского залива и залива Пуцк. Это является подтверждением того факта, что не все жители полуострова разделяют мнение о главных природных ценностях

региона⁴. Конечно, подобные единичные случаи не могут служить иллюстрацией низкой степени осведомленности жителей этой части региона Балтийского моря об основных туристических достопримечательностях полуострова. Однако они являются свидетельством конфликта интересов между рыбаками и экологами.

Бренд полуострова Хель как туристического направления широко известен в Польше. Поэтому наше исследование было сосредоточено в большей степени на определении осведомленности и признании Морской станции Хеля и Фокариума, являющегося наиболее узнаваемой туристической достопримечательностью полуострова Хель. Были опрошены студенты из Померании и других регионов Польши.

Результаты опроса подтвердили более широкое признание студентами из Померании бренда Морской станции Хеля и Фокариума: 77,6% посещали Морскую станцию и Фокариум или слышали о них. Различия между ответами респондентов мужского и женского пола составляют всего один процент. Ситуация с узнаваемостью бренда несколько иная у студентов из других регионов. Лишь 57,1% иногородних студентов были осведомлены о существовании и значимости Морской станции и Фокариума. Это на 20% меньше по сравнению с ответами респондентов родом из Померании. Половина иногородних студентов и 60% от общего количества всех опрошенных слышали о Морской станции. Наш анализ показывает наличие большего интереса у респондентов женского пола к охране окружающей среды.

Продолжительность туристического сезона на Хельском полуострове связана главным образом с погодными условиями. Другими факторами, имеющими значение для развития туризма в регионе, являются административные решения, касающиеся начала летних студенческих каникул. Необходимо отметить, что существуют хорошие предпосылки для продления туристического сезона, в том числе и в зимний период, так как зимние каникулы и праздники длятся практически две недели. Зимние каникулы начинаются в разных регионах страны в разное время, часто смещаясь на неделю, что увеличивает их общую продолжительность с двух до пяти недель. Это приводит к некоторому снижению антропогенной нагрузки на зимние горные курорты страны. Аналогичное решение для летних каникул привело бы к продлению летнего туристического сезона, а также уменьшило бы нагрузку на окружающую среду полуострова, поскольку приблизительно то же число туристов смогло бы посетить полуостров в течение более длительного периода времени. Летние каникулы могли бы начаться, например, в конце мая и продлиться до середины сентября.

⁴ *Czemu nad Bałtykiem giną foki? Morze wyrzuciło już cztery. Ekspertka: To niebezpieczny okres* // Gazeta Wyborcza, 2018. URL: http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114_883,23489269,czemu-nad-baltykiem-gina-foki-morze-wyrzucilo-juz-cztery-ekspertka.html (дата обращения: 03.06.2018) ; *Piąta martwa foka znaleziona nad Bałtykiem. Już 50 tysięcy zł nagrody za wskazanie sprawców.* 2018. URL: <http://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2018-06-06/piata-martwa-foka-znaleziona-nad-baltykiem-juz-50-tysiecy-zl-nagrody-za-wskazanie-sprawcow/> (дата обращения: 06.06.2018) ; *Baran W.* Martwe foki nad Bałtykiem. Prokuratura łączy wszystkie sprawy. 2018. URL: <https://wiadomosci.wp.pl/martwe-foki-nad-baltykiem-prokuratura-laczy-wszystkie-sprawy-6261937191212673a> (дата обращения: 12.06.2018) ; *Kisicka A.* Kolejne martwe foki nad Bałtykiem. 2018. URL: <https://fakty.interia.pl/polska/news-kolejne-martwe-foki-nad-baltykiem,nId,2594687> (дата обращения: 15.06.2018).

Выводы

Всемирно известный Национальный природный заповедник Парауль Пета имеет сравнительно высокую степень признания у местного населения, особенно среди респондентов с высшим образованием. Большинство респондентов (67%) утверждают, что известность заповедника вызвана произрастанием редкого реликтового лотоса — нимфеи термальной (*Nymphaea lotus* var. *Thermalis*). Однако в процессе продвижения охраняемых видов флоры в качестве туристического ресурса лотос термальный часто ошибочно ассоциируют с Байле-Феликс, местом, где он не произрастает. Более того, редкий лотос часто воспринимается как обычная водяная лилия, искусственно разведенная в курортной зоне. Термальные воды, богатая природная среда, способствующая размножению редких видов фауны — *Melanopsis parreysii* и *Scardinius erythrophthalmus racovitzai* — также повышает известность и привлекательность заповедника и сельской туристической системы Байле-Феликс — 1 Мая.

В настоящее время заповедник находится в состоянии деградации, практически стоит на грани исчезновения, что в значительной степени подтверждается ответами респондентов из числа местных жителей. Результаты исследования показывают, что антропогенная нагрузка, которая обычно приводит к деградации природных зон, в данном случае не является решающим фактором. Основными негативными факторами, приведшими к неудовлетворительному состоянию заповедника, стали отсутствие интереса и халатность властей и местного населения. Бурение термальных скважин и нерациональный способ использования термальных вод в этом районе оказали негативное влияние на жизнеспособность природной системы заповедника.

Чувство гражданской ответственности — основа для осознания необходимости защиты природных ресурсов. При этом общество, соответствующие государственные органы и структуры должны отвечать в полной мере за выполнение задачи охраны окружающей среды, налагая штрафы на тех, кто не уважает закон по охране заповедных зон. Следует подчеркнуть, что государство и общество несут равную ответственность за повышение степени экологической осведомленности жителей. Проведенное исследование показало, что рациональное использование термальных вод может существенно способствовать снижению скорости деградации природных ресурсов заповедника.

Развитие туризма в районе Парауль Пета может и должно привлекать большее число туристов благодаря наличию природных центров аттракции. Анкетирование показало, что отсутствие надлежащего продвижения туристического продукта, особенно в пиковый туристический период, полностью осознается местным населением. Необходимы разработка и реализация комплексной стратегии развития туризма в округе Бихор.

Туристическая система Байле-Феликс — 1 Мая имеет свой собственный бренд — термальные источники и редчайший цветок *Nymphaea lotus*. Парадокс заключается в том, что эти основные элементы туристической системы находятся в стадии деградации, на грани полного исчезновения. При этом сам цветок продолжают рекламировать в рамках туристических предложений, его образ присутствует в элементах городской инфраструктуры и т. д. Несмотря на то, что изображения заповедника Парауль Пета и особенно лотоса с мая 2015 года регулярно появляются на различных рекламных сайтах, предоставляемая информация далека от реальности. Тем не менее желательно сохранить эти элементы туристической системы в качестве основных для формирования бренда.

Список литературы

1. *Paucă M.* Thermal Lake Peța from Băile Episcopiei // Nature. Bucharest, 1938.
2. *Paâl G.* Contributions to the thermal water hydrology deposit from Oradea-Felix Area // Nymphaea. Oradea, 1975. P. 1—22.
3. *Preda I., Țenu A.* Mineral and thermal water resources. Editura Universității din București, 1981. P. 184—191.
4. *Cohuț I.* Hidrogeothermal system Oradea-Felix // Crisia. 1986. Vol. 16. P. 616—628.
5. *Șoldea V.* Peța and thermal water lily. Editura Universității din Oradea, 2003.
6. *Ungureanu M., Dragota C., Ilies D. C. et al.* Climatic and Bioclimatic Touristic Potential of Padis Karst Plateau of the Bihor Mountains // Journal of Environmental Protection and Ecology. 2015. № 16 (4). P. 1543—1553.
7. *Herman G. V., Deac A. L., Ciobotaru A. M. et al.* The role of tourism in local economy development. Bihor County case study // Urbanism Architecture Constructions. 2017. Vol. 8, no. 3. P. 265—274.
8. *Herman G. V., Peptenatu D., Grama V., Pintilii R. D.* Tourism and Local Development. Study Case: Băile Felix-Băile 1 Mai Tourism System, Bihor County, Romania // Analele Universitatii din Oradea. Seria Geografie. 2018. Vol. 28, № 1. P. 131—137.
9. *Ilies D. C., Ilies A., Herman G. V., Baias Ș., Morar C.* Geotourist map of the Băile Felix—Băile 1 Mai-Betfia Area (Bihor County, Romania) // Geo Journal of Tourism and Geosites. 2011. Vol. 2, № 8. P. 219—226.
10. *Ilies D. C., Buhaș R., Ilies A. et al.* Nymphaea lotus var. Thermalis (Pârâul Peța nature reserve), brand near extinction of the Băile Felix-Băile 1 Mai (Romania) spa tourism system // GeoJournal of Tourism and Geosites. 2015. № 8(1) P. 107—117.
11. *Lacatos L. M.* Flora and vegetation from Lăzăreni Hills (Flora și Vegetația Dealurilor Lăzărenilor). Oradea, 2012.
12. *Vicaș G., Mintaș O., Coman S.* Nymphaea Lotus var. yhermalis-present and perspective // Natural resources and sustainable development. 2013. Vol. 5. P. 441—446.
13. *Sümeği P., Molnár D., Sávai Sz., Tövisskes R. J.* Preliminary radiocarbon dated paleontological and geological data for the Quaternary malacofauna at Püspökfürdő (Băile 1 Mai, Oradea Region, Romania) // Malakológiai Tájékoztató Malacological Newsletter. 2012. Vol. 30. P. 31—37.
14. *Sotoc S.* Reserve in extinction // Muzeul Țării Crișurilor. 2014. Vol. 1, № 8. P. 3—5.
15. *Neubauer T., Harzhauser M., Georgopoulou E., Wrozyňa C.* Population bottleneck triggering millennial-scale morphospace shifts in endemic thermal-spring melanopsids // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2014. № 414. P. 116—128.
16. *Mohan Gh., Ardelean A., Georgescu M.* Rezervații și monumente ale naturii din România. Casa de Editură și Comerț Scaiu, 1993. P. 94—95.
17. *Telcean I., Cupșa D.* Püspökfürdő endemikus hala a Racovitza-kele (Scardinius racovitzai) // Halászat. 2006. № 99/4.
18. *Venczel M. A.* Hévízittundérrözsza 200 éve // Erdélyi Nimród. 2001. Vol. 3, № 1. P. 18—21.
19. *Ionașcu A.* Environmental monitoring and analysing the behaviour of some species of fish fauna threatened with extinction in Romania (PhD Thesis). University of Bucharest, 2009.
20. *Telecean I., Cupșa D.* The drastic decline of fish fauna in the thermal lake of Băile 1 Mai (Băile Episcopale, Bihor, Romania) // Pisces Hungarici. 2013. Vol. 7. P. 141—142.
21. *Olteanu-Cosma C.* The Biology of thermal water lily Nymphaea lotus L. var. thermalis (D. C.) Tuzs, from Băile 1 Mai-Oradea // Nymphaea. Oradea, 1977. Vol. 5. P. 365—380.
22. *Marossy A.* Some observations on the phenomena of warping and eutrophication on Natural Reserve Peța // Nymphaea. 1999. Vol. 27. P. 139—144.
23. *Endre A.* Pusztul a Lótusz. 1906. URL: <http://bocs.hu/talpzold/98nov8/tunder.htm> (дата обращения: 20.11.2018).
24. *Wendt J. A., Wiskulski T.* Problems of Development of Tourism and Yachting on the Coast of Gdansk Pomerania (Poland) // Études caribéennes. 2017. № 36. P. 1—10.

25. *Ilies A., Wendt J.A., Ilies D.C. et al.* The patrimony of wooden churches, built between 1531 and 2015, in the Land of Maramureş, Romania // *Journals of Maps*. 2016. Vol. 12 (Suppl). P. 597—602.
26. *Krasnov E., Kropinova E.* The Combined Effects of Education and Research on Sustainable Development in the Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad) // *Handbook of Theory and Practice of Sustainable Development in Higher Education / Leal Filho W., Skanavis C., do Paço A. [et al.] (eds).* World Sustainability Series. Springer, Cham, 2017.
27. *Kropinova E.G.* The Reduction in the Beach Area as the Main Limiting Factor for Sustainable Tourism Development (Case for the Kaliningrad Oblast) // *The Handbook of Environmental Chemistry*. Berlin ; Heidelberg, 2017.
28. *Ilies A., Grama V.* The external western Balkan border of the European Union and its borderland: Premises for building functional transborder territorial systems // *Annales. Annals for Istrian and Mediterranean Studies. Series Historia et Sociologia*. 2010. № 2. P. 457—469.
29. *Ilies A., Dehoorne O., Ilies D.C.* The cross-border territorial system in Romanian-Ukrainian Carpathian Area. Elements, mechanisms and structures generating premises for an integrated cross-border territorial system with tourist function // *Carpathian Journal of Environmental Sciences*. 2012. Vol. 7, № 1. P. 27—38.
30. *Ilies A., Hurley P.D., Ilies D.C., Baias S.* Tourist animation — a chance adding value to traditional heritage: case study's in the Land of Maramures (Romania) // *Revista de Etnografie și Folclor*. 2017. № 1—2. P. 131—151.
31. *Ilies M., Ilies D.C., Josan I. et al.* The Gateway of Maramureş Land. Geostrategical Implications in Space and Time // *Annales. Annals for Istrian and Mediterranean Studies. Series Historia et Sociologia*. 2010. № 2. P. 469—480.
32. *Romocea T., Oneţ A., Sabău N.C. et al.* Change of the groundwater quality from industrial area Oradea, Romania, using Geographic Information Systems (GIS) // *Environmental Engineering & Management Journal (EEMJ)*. 2018. Vol. 17, № 9. P. 2189—2199.
33. *Vlăsceanu L.* Introduction in methodology of sociological research. Iaşi, 2013.
34. *Babbie E.* The Practice of Social Research. Iaşi, 2010.
35. *Ianoş I., Peptenatu D., Zamfir D.* Respect for Environment and Sustainable Development // *Carpathian Journal of Earth and Environmental Sciences*. 2009. Vol. 4, № 2. P. 81—93.
36. *Urry J.* The "consumption" of tourism // *Sociology*. 1990. Vol. 24. P. 23—35.
37. *Philip L.J.* Combining quantitative and qualitative approaches to social research in human geography-an impossible mixture? // *Environment and Planning*. 1998. Vol. 30. P. 261—276.
38. *Veal A.J.* Research methods for leisure and tourism: A practical guide. UK: Prentice Hall/Financial Times, 2006.
39. *Krueger R. Casey M.A.* Focus groups. A practical guide for applied research. SAGE Publications, 2009.
40. *Dezsi S., Rusu R., Ilies M. et al.* The role of rural tourism in the social and economic revitalisation of Lapus Land (Maramures County, Romania) // *Geoconference on Ecology, Economics, Education and Legislation*. Sofia, 2014. Vol. 2. P. 783—790.
41. *Ilies D.C., Buhas R., Ilies M. et al.* Sport activities and leisure in Nature 2000 protected area — Red Valley, Romania // *Journal of Environmental Protection and Ecology*. 2018. Vol. 19, № 1. P. 367—372.
42. *Flick U.* *Introducing Research Methodology*. L., 2011.
43. *Mărginean I.* *The Planning of Sociological Research*. Iaşi, 2000.
44. *Babbie E.* *The Practice of Social Research*. Iaşi, 2010.
45. *Bulzan S., Marta D. Mica.* Medieval disappeared settlement and archaeological discovering at Oradea — „Sere” // *Crisia*. 2010. P. 81—95.
46. *Pringle H., Field P.* *Strategies for successful branding. Brand reputation and longevity*. Iaşi, 2011.
47. *Ielenicz M., Comănescu L.* *Tourism. Theory and methodology*. Bucharest, 2013.
48. *Ilies D.C., Baias Ş., Buhaş R. et al.* Environmental Education in Protected Areas. Case Study from Bihor County, Romania // *GeoJournal of Tourism and Geosites*. 2017. Vol. 19, № 1. P. 126—132.

49. *Pereira L.C., Dimitrova N., Dragota M. et al.* Zrównoważona turystyka na Półwyspie Helkim. Kartuzy, 2012.
50. *Majdak P.* Tourist amenities of Hel and conceptions of their development in accordance to the preference and expectations of visitors // *Zeszyty Naukowe Turystyka i Rekreacja*. 2008. № 4. S. 137—143.
51. *Baum Sz., Kistowski M.* Stan zagospodarowania Półwyspu Helkiego oraz Mierzei Wiślanej — Rozpoznanie sytuacji konfliktowych oraz propozycja kierunków działań. Raport opracowany dla Samorządu Województwa Pomorskiego, UM/DRRP/92/04/D. Gdańsk, 2004.
52. *Kwiatkowska D., Marks E.* Zagospodarowanie turystyczne terenów nadmorskich w Polsce — przykład Helu — Półwyspu Helkiego, Sopotu i Ustki // *Zeszyty Naukowe Turystyka i Rekreacja*. 2016. № 1 (17). S. 239—252.
53. *Węslawski J.M., Kotwicki L., Grzelak K. et al.* Przemysł turystyczny i przyroda morska na Półwyspie Helkim. Wstępna ocena wpływu turystyki i przemysłu rekreacyjnego na wartości naturalne przybrzeżnego ekosystemu morskiego na przykładzie półwyspu helkiego. Polska, 2011.
54. *Nowak M., Wendt J.* Hurghada as one of the major destination of Polish tourism // *Chosen problems of geographical research in Poland and Romania / Wendt J. (eds.)*. Oradea, 2010. P. 99—109.
55. *Ilies A., Wendt J.A.* Geografia turystyczna. Podstawy teorii i zagadnienia aplikacyjne. Gdańsk, 2015.
56. *Wendt J.A.* Zmiany w turystycznym transporcie lotniczym Egiptu w latach 2005—2014 // *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*. 2016. № 4 (30). S. 92—101.
57. *Wendt J.A.* Zarys geografii turystycznej. Gdańsk, 2011.
58. *Atasoy E., Wendt J.A.* Changes in tourist traffic from Poland to Turkey on the background of other major directions of travel // *Journal of Geography, Politics and Society*. 2016. № 6(4). P. 39—44.
59. *Wiskulski T., Wendt J.A.* Dostępność komunikacyjna z Polski regionów turystycznych wybrzeża Chorwacji // *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*. 2016. № 4(30). S. 79—91.
60. *Wendt J.A., Wiskulski T.* Zmiany w morskiej turystyce wycieczkowej w Gdyni // *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*. 2018. T. 32(1). P. 76—84.
61. *Bar-Kolelis D., Wendt J.A.* Comparison of cross-border shopping tourism activities at the Polish and Romanian external borders of European Union // *Geographia Polonica*. 2018. Vol. 91, iss. 1. P. 113—125.

Об авторах

Ян Вендт, профессор, кафедра географии и регионального развития, Университет Гданьска, Польша.

E-mail: jan.wendt@ug.edu.pl

Радуца Бухас, профессор, факультет социологии, Университет Орадя, Румыния.

E-mail: rbuhas@uoradea.ro

Григоре Василе Герман, профессор, факультет географии, туризма и территориального планирования, Университет Орадя, Румыния.

E-mail: grigoreherman@yahoo.com

EXPERIENCE OF THE BAILE-FELIX TOURIST SYSTEM (ROMANIA)
FOR THE PROTECTION AND PROMOTION OF THE GREY SEAL AS A BREND
ON THE HEL PENINSULAR (POLAND)

J. Wendt¹
R. Buhaş²
G. V. Herman³

¹ University of Gdansk, Department of Regional Development Geography,
4 Bazynskiego str., 80309 Gdansk, Poland

² University of Oradea, Department of Sociology,
1 University str., 410087 Oradea, Romania

³ University of Oradea, Department of Geography, Tourism and Territorial Planning,
1 University str., 410087 Oradea, Romania.

Submitted on January 14, 2019
doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-8

The Pârâul Peșea Nature Reserve is located in Bihor County (Romania), in the area of the Băile-Felix rural tourist system. It has gained international popularity due to the existence of an ecosystem with thermal waters. Thermal springs are the habitat of rare fauna (Scardinius racovitzai, Melanopsis parreyssi) and flora species including the unique Nymphaea lotus var. thermalis, a tertiary relict lotus flower.

Situated on the Hel Peninsula of the Baltic Sea, Hel Marine Station (HMS) is one of the most interesting tourist attractions thanks to the project aimed at the protection of the grey seal in the Polish waters. We employed a number of tools and methods (including observation and monitoring) over a period of three years for the creation of a comprehensive database. We studied the actual condition of separate elements of the two tourist systems and compared the two tourist destinations. We identified differences and similarities between the two places. The lotus flower and the grey seal have become an integral part of the local, national and international collective mentality. Special attention was paid to the causes of almost total extinction of rare species despite being indispensable elements in the promotion and rebranding of the two tourist destinations. We explored the degree of knowledge and the awareness of their value in the local mentality.

Keywords: nature reserve, thermal water, grey seal, tourist system, Baltic region, Romania, Poland

Reference

1. Paucă, M. 1938, Thermal Lake Peșea from Băile Episcopiei, *Nature*, no. 27, Bucharest (in Romanian).
2. Paál, G. 1975, Contributions to the thermal water hydrology deposit from Oradea-Felix Area, *Nymphaea Oradea*, p. 1—22 (in Romanian).
3. Preda, I., Țenu, A. 1981, *Mineral and thermal water resources*, Editura Universității din București, p. 184—191 (in Romanian).
4. Coșuț, I. 1986, Hidrogeothermal system Oradea-Felix, *Crisia*, no. 16, p. 616—628 (in Romanian).
5. Șoldea, V. 2003, *Peșea and thermal water lily*, Editura Universității din Oradea (in Romanian).
6. Ungureanu, M., Dragota, C., Ilies, D. C., Josan, I., Gaceu, O., 2015, Climatic and Bioclimatic Touristic Potential of Padiș Karst Plateau of the Bihor Mountains, *Journal of Environmental Protection and Ecology*, no. 16 (4), p. 1543—1553.
7. Herman, G. V., Deac, A. L., Ciobotaru, A. M., Andronache, I. C., Loghin, V., Ilie, A. M. 2017, The role of tourism in local economy development. Bihor County case study, *Urbanism Architecture Constructions*, Vol. 8, no. 3, p. 265—274.

8. Herman, G. V., Peptenatu, D., Grama, V., Pintilii, R. D. 2018, Tourism and Local Development. Study Case: Băile Felix-Băile 1 Mai Tourism System, Bihor County, Romania, *Analele Universitatii din Oradea, Seria Geografie*, vol. 28, no. 1, p. 131—137.
9. Iliès, D. C., Iliès, A., Herman, G. V., Baias, Ş., Morar, C. 2011, Geotourist map of the Băile Felix—Băile 1 Mai-Betfia Area (Bihor County, Romania), *GeoJournal of Tourism and Geosites*, Vol. 2, no. 8, p. 219—226.
10. Iliès, D. C., R. Buhaş, A. Iliès, C. Morar, Herman, G. V. 2015, *Nymphaea lotus* var. *Thermalis* (Pârâul Peţea nature reserve), brand near extinction of the Băile Felix-Băile 1 Mai (Romania) spa tourism system, *GeoJournal of Tourism and Geosites*, Vol. 8, no. 1, p. 107—117.
11. Lacatos, L. M. 2012, *Flora and vegetation from Lăzăreni Hills (Flora și Vegetația Dealurilor Lăzărenilor)*, Editura Universității din Oradea, ISBN 978-606-10-0873-5, Oradea.
12. Vicaş, G., Mîntaş, O., Coman, S. 2013, *Nymphaea Lotus* var. *thermalis*-present and perspective, *Natural resources and sustainable development*, no. 5, p. 441—446.
13. Sümegi, P., Molnár, D., Sávai, Sz., Töviskes, R. J. 2012, Preliminary radiocarbon dated paleontological and geological data for the Quaternary malacofauna at Püspökfürdő, Băile 1 Mai, Oradea Region, Romania, *Malakológiai Tájékoztató Malacological Newsletter*, no. 30, p. 31—37.
14. Sotoc, S. 2014, Reserve in extinction, *Muzeul Țării Crișurilor*, Vol 1, no. 8, p. 3—5 (in Romanian).
15. Neubauer, T., Harzhauser, M., Georgopoulou, E. Wrozyna, C. 2014, Population bottleneck triggering millennial-scale morphospace shifts in endemic thermal-spring melanopsids, *Palaeo-geography, Paleoclimatology, Palaeoecology*, no. 414, p. 116—128.
16. Mohan, Gh., Ardelean, A., Georgescu, M., 1993, *Rezervații și monumente ale naturii din Romania*, Casa de Editura și Comerț Scaiu, p. 94—95.
17. Telcean, I., Cupşa, D. 2006, Püspökfürdő endemikus hala a Racovitza-kele (Scardinus racovitzaei), *Halászat*, Vol. 99, no. 4, p. 135 (in Hungarian).
18. Venczel, M. 2001, A hévíztündérrózsa 200 éve, *Erdélyi Nimród*, Vol. 3, no. 1, p. 18—21 (in Hungarian).
19. Ionaşcu, A. 2009, *Environmental monitoring and analysing the behaviour of some species of fish fauna threatened with extinction in Romania*, PhD Thesis, University of Bucharest, 12 p. (in Romanian).
20. Telecean, I., Cupşa, D. 2013, The drastic decline of fish fauna in the thermal lake of Băile 1 Mai (Băile Episcopale, Bihor, Romania), *Pisces Hungarici*, Vol. 7, p. 141—142.
21. Olteanu-Cosma, C. 1977, The Biology of thermal water lily *Nymphaea lotus* L. var. *thermalis* (D. C.) Tuzs, from Băile 1 Mai-Oradea, *Nymphaea, Oradea*, no. 5, p. 365—380 (in Romanian).
22. Marossy, A. 1999, Some observations on the phenomena of warping and eutrophication on Natural Reserve Peţea, *Nymphaea*, no. 27, p. 139—144 (in Romanian).
23. Endre, A. 1906, Pusztul a Lótusz, available at: <http://bocs.hu/talpzold/98nov8/tunder.htm> (accessed 20.11.2018) (in Hungarian)
24. Wendt, J. A., Wiskulski, T., 2017. Problems of Development of Tourism and Yachting on the Coast of Gdansk Pomerania (Poland), *Études caribéennes*, no. 36, p. 1—10.
25. Iliès, A., Wendt, J. A., Iliès, D. C., Herman, G. V., Iliès, M., Deac A. L. 2016, The patrimony of wooden churches, built between 1531 and 2015 in the Land of Maramureş, Romania, *Journals of Maps*, no. 12 (Suppl.), p. 597—602.
26. Krasnov, E., Kropinova, E. 2017, The Combined Effects of Education and Research on Sustainable Development in the Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad). In: Leal Filho W., Skanavis C., do Paço A., Rogers J., Kuznetsova O., Castro P. (eds) *Handbook of Theory and Practice of Sustainable Development in Higher Education*, World Sustainability Series. Springer, Cham.
27. Kropinova, E. G. 2017, The Reduction in the Beach Area as the Main Limiting Factor for Sustainable Tourism Development (Case for the Kaliningrad Oblast). In: *The Handbook of Environmental Chemistry*, Springer, Berlin, Heidelberg.
28. Iliès, A., Grama, V., 2010, The external western Balkan border of the European Union and its borderland: Premises for building functional transborder territorial systems, *Annales. Annals for Istrian and Mediteranian Studies, Series Historia et Sociologia*, Vol. 20, no. 2, p. 457—469, available at: http://www.culture.si/en/Annales_Journal (accessed 20.11.2018).

29. Ilies, A., Dehoorne, O., Ilies D.C., 2012, The cross-border territorial system in Romanian-Ukrainian Carpathian Area. Elements, mechanisms and structures generating premises for an integrated cross-border territorial system with tourist function, *Carpathian Journal of Environmental Sciences*, vol 7, no.1, p. 27—38, available at: (www.ubm.ro/sites/CJEES) (accessed 20.11.2018).
30. Ilies, A., Hurley, P.D., Ilies, D.C., Baias, S., 2017, Tourist animation — a chance adding value to traditional heritage: case study's in the Land of Maramures (Romania), *Revista de Etnografie și Folclor — Journal of Ethnography and Folklore*, New Series no. 1—2, p. 131—151.
31. Ilies, M., Ilies, D.C., Josan, I., Ilies, A., Ilies, G., 2010, The Gateway of Maramureș Land. Geostrategic Implications in Space and Time, *Annales. Annals for Istrian and Mediterranean Studies, Series Historia et Sociologia*, Vol. 20, no. 2, p. 469—480, available at: http://www.culture.si/en/Annales_Journal (accessed 20.11.2018).
32. Romocea, T., Oneț, A., Sabău, N.C., Oneț, C., Herman, G.V., Pantea, E. 2018, Change of the groundwater quality from industrial area Oradea, Romania, using Geographic Information Systems (GIS), *Environmental Engineering & Management Journal (EEMJ)*, Vol. 17, no. 9, p. 2189—2199.
33. Vlăsceanu, L. 2013, *Introduction in methodology of sociological research*, Polirom Publishing House, Iași (in Romanian).
34. Babbie, E. 2010, *The Practice of Social Research*, Polirom Publishing House Iași (in Romanian).
35. Ianoș, I., Peptenatu, D., Zamfir D. 2009, Respect for Environment and Sustainable Development, *Carpathian Journal of Earth and Environmental Sciences*, Vol. 4, no. 2, p. 81—93.
36. Urry, J. 1990, The "consumption" of tourism, *Sociology*, no. 24, p. 23—35.
37. Philip, L.J. 1998, Combining quantitative and qualitative approaches to social research in human geography-an impossible mixture? *Environment and Planning*, no. 30, p. 261—276.
38. Veal, A.J. 2006, *Research methods for leisure and tourism: A practical guide*, third edition, Prentice Hall/Financial Times, UK.
39. Krueger, R. Casey, M.A., 2009, *Focus groups. A practical guide for applied research*, SAGE Publications.
40. Dezsi, S., Rusu, R., Ilies, M., Ilies, G., Badarau, A.S., Rosian, G. 2014, The role of rural tourism in the social and economic revitalisation of Lapus Land (Maramures County, Romania). In *Geoconference on Ecology, Economics, Education and Legislation*, Vol. II, Sofia, Bulgaria, p. 783—790.
41. Ilies, D.C., Buhas, R., Ilies, M., Ilies, A., Gaceu, O., Pop, A.C., Marcu F., Buhas, S.D., Gozner M., Baias S. 2018, Sport activities and leisure in Nature 2000 protected area —Red Valley, Romania, *Journal of Environmental Protection and Ecology*, Vol. 19, no 1, p. 367—372.
42. Flick, U. 2011, *Introducing Research Methodology*, SAGE Publications, London.
43. Mărginean, I. 2000, *The Planning of Sociological Research*, Polirom Publishing House, Iași (in Romanian).
44. Babbie, E. 2010, *The Practice of Social Research*, Polirom Publishing House Iași (in Romanian).
45. Bulzan, S., Marta, D. 2010, *Mica. Medieval disappeared settlement and archaeological discovering at Oradea — „Sere”*, Crisia, p. 81—95 (in Romanian).
46. Pringle, H., Field, P. 2011, *Strategies for successful branding. Brand reputation and longevity*, Polirom Publishing House Iași (in Romanian).
47. Ielenicz, M., Comănescu, L. 2013, *Tourism. Theory and methodology*, University Publishing House, Bucharest (in Romanian).
48. Ilies, D.C., Baias, Ș., Buhaș, R., Ilies, A., Herman, G.V., Gaceu, O., Dumbravă, R., Măduța, F., 2017, Environmental Education in Protected Areas. Case Study from Bihor County, Romania, *GeoJournal of Tourism and Geosites*, Vol. 19, no. 1, p. 126—132.
49. Pereira, L.C., Dimitrova, N., Dragota, M., Grankina, E., Gordiienko, O., Górecka, A., Gugerty, B., Hegedüs, R., Jankowska, J., Kachel, A., Koňko, A., Lukowski, G., Makuchowska, M., Kamal, S., Michalczyk, K., Povitkina, M., Radulescu, M.A., Semenenko, I., Seretny, L., Siarkiewicz, A., Siwek, G., Soloviy, V., Stanek, B., Stępniewski, A., Sułkowski, M., Szkaradkiewicz, M., Talalasova, E., Zmachynskaya, A., 2012, *Zrównoważona turystyka na Półwyspie Helskim, Wyzwania zrównoważonego rozwoju*, Kartuzy.

50. Majdak, P., 2008, Tourist amenities of Hel and conceptions of their development in accordance to the preference and expectations of visitors, *Zeszyty Naukowe Turystyka i Rekreacja*, no. 4, p. 137—143.
51. Baum, Sz., Kistowski, M., 2004, Stan zagospodarowania Półwyspu Helskiego oraz Mierzej Wiślanej — Rozpoznanie sytuacji konfliktowych oraz propozycja kierunków działań, *Raport opracowany dla Samorządu Województwa Pomorskiego*, UM/DRRP/92/04/D, Gdańsk.
52. Kwiatkowska, D., Marks E., 2016, Zagospodarowanie turystyczne terenów nadmorskich w Polsce — przykład Helu — Półwyspu Helskiego, Sopotu i Ustki, *Zeszyty Naukowe Turystyka i Rekreacja*, no. 1 (17), p. 239—252.
53. Węslawski, J.M., Kotwicki, L., Grzelak, K., Piwowarczyk, J., Sagan, I., Nowicka, K., Marzejon, I., 2011, *Przemysł turystyczny i przyroda morska na Półwyspie Helskim. Wstępna ocena wpływu turystyki i przemysłu rekreacyjnego na wartości naturalne przybrzeżnego ekosystemu morskiego na przykładzie półwyspu helskiego*, WWF Polska.
54. Nowak, M., Wendt, J., 2010, Hurghada as one of the major destination of Polish tourism. In: Wendt J., (eds.) *Chosen problems of geographical research in Poland and Romania*, Editura UO, Oradea, p. 99—109.
55. Ilies, A., Wendt, J.A., 2015, *Geografia turystyczna. Podstawy teorii i zagadnienia aplikacyjne*, Wydawnictwo AWFIS, Gdańsk.
56. Wendt, J.A., 2016, Zmiany w turystycznym transporcie lotniczym Egiptu w latach 2005—2014, *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*, no. 4 (30), p. 92—101.
57. Wendt, J.A., 2011, *Zarys geografii turystycznej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, CD, Gdańsk.
58. Atasoy, E., Wendt, J.A., 2016, Changes in tourist traffic from Poland to Turkey on the background of other major directions of travel, *Journal of Geography, Politics and Society*, no. 6 (4), p. 39—44.
59. Wiskulski, T., Wendt, J.A., 2016, Dostępność komunikacyjna z Polski regionów turystycznych wybrzeża Chorwacji, *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*, no. 4 (30), p. 79—91.
60. Wendt, J.A., Wiskulski, T., 2018, Zmiany w morskiej turystyce wycieczkowej w Gdyni, *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*, Vol. 32, no. 1, p. 76—84.
61. Bar-Koëelis, D., Wendt, J.A., 2018, Comparison of cross-border shopping tourism activities at the Polish and Romanian external borders of European Union, *Geographia Polonica*, Vol. 91, no. 1, p. 113—125.

The authors

Prof. Jan Wendt, Department of Regional Development Geography, University of Gdansk, Poland.

E-mail: jan.wendt@ug.edu.pl

Dr Raluca Buhaş, Department of Sociology, University of Oradea, Romania.

E-mail: rbuhas@uoradea.ro

Dr Grigore Vasile Herman, Department of Geography, Tourism and Territorial Planning, University of Oradea, Romania.

E-mail: grigoreherman@yahoo.com

To cite this article:

Wendt, J., Buhaş, R., Herman, G.V. 2019, Experience of the Baile-Felix tourist system (Romania) for the protection and promotion of the grey seal as a breed on the Hel Peninsular (Poland), *Balt. Reg.*, Vol. 11, no. 1, p. 109—136. doi: 10.5922/2079-8555-2019-1-8.

РЕЦЕНЗИЯ

Повестка безопасности для Балтийского региона: государство, общество, личность

Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance. — Riga : Latvian Institute of International Affairs, 2018. — 269 p.

В книге «Социетальная безопасность в Балтийском регионе» [1] рассматривается очень актуальная проблематика, которая имеет не только региональную, но и глобальную значимость. В книгу вошли главы, написанные ведущими экспертами из России, Литвы, Латвии, Эстонии, Беларуси, Польши, Финляндии, Норвегии, Исландии, Дании, Швеции. Правда, подбор авторского коллектива и изучаемая проблематика говорят о том, что более логичным было бы вынести в название не только бассейн Балтийского моря, но и весь регион Северной и Северо-Восточной Европы.

Проблема безопасности современного общества приобрела особую остроту как в практически политическом плане, так и в концептуальном. Этому способствовал целый ряд разнообразных факторов, существенно изменивших повестку безопасности современных международных отношений. Изменения носят двойственный характер в плане возможных последствий как для мира в целом, так и для Балтийского региона.

Во-первых, это глобализация, которая сопровождается повышением прозрачности государственных границ для перемещения людей, товаров и капиталов. Этот процесс неизбежно сопровождается эрозией суверенных прав любого государства. Частичная утрата суверенитета выглядит неоднозначно в свете того, что может происходить в рамках региональной интеграции и углубления сотрудничества в политической, экономической, культурной сферах, что весьма характерно как раз для балтийских государств. Однако никто не отменял ту стихию, которую неизбежно несет с собой вывод управленческих решений на надгосударственный уровень, где пока не создано ни общей правовой системы, ни универсальных моделей управления, сравнимых с государственным по ответственности перед гражданами и по эффективности управленческих решений. В этом смысле частичная утрата суверенитета порождает новые аспекты уязвимости для любого государства.

В свою очередь, новые вызовы безопасности тоже имеют отношение к глобализации. Повышение роли негосударственных субъектов международной политики сопровождается более широким использованием ими нетрадиционных средств влияния. Здесь также наблюдается двойственная картина последствий. Активизация НКО, правозащитных и экологических организаций, трансграничных политических, экономических научных и культурных связей создает ткань сотрудничества, которая удачно дополняет и обогащает межгосударственное взаимодействие. Но есть и другая сторона медали. Поскольку международное право по-прежнему ориентировано на ответственность государства, деятельность негосударственных субъектов, выходящих на надгосударственный уровень, с одной стороны, труднее контролировать, а с другой — сложнее призвать к ответу в случае противоправных действий.

Во-вторых, существенные перемены произошли в соотношении военного («жесткого») и невоенного («мягкого») спектра угроз в пользу последних. Это заметно снизило уровень военного противостояния в Балтийском регионе по сравнению с временами холодной войны. Росту значимости «мягких» угроз способствует в том числе зависимость современного общества от высоких технологий и информатизации, которые проникают во все сферы не только повседневной жизнедеятельности, но и жизнеобеспечения общества.

Однако при открытости западных обществ создается возможность разрушительных и даже катастрофических действий со стороны маргинализованных слоев общества, преступного мира или международных сетей террористов. Аналогичная картина наблюдается в духовно-нравственной сфере, порождая, с одной стороны, развитие экстремистских и радикальных настроений в Европе, а с другой — рост популярности правых идеологий, выполняющих охранительные функции. Политические и экономические потрясения в Северной Африке и на Ближнем Востоке, которые привели к наплыву беженцев в Европу, хорошо показывают глубину проблем, затронувших страны Северной Европы. Есть здесь и политическая составляющая, она касается бывших прибалтийских советских республик, которые, маргинализируя русскоязычное население, сами себе создают пресловутую «пятую колонну».

В-третьих, на настроения элит и восприятие угроз безопасности в странах Балтийского региона сильно повлиял кризис в отношениях России с Грузией (2008) и особенно с Украиной (2014). Наиболее острая реакция последовала со стороны государств, бывших в составе или в зоне влияния СССР: Польши, Эстонии, Литвы, Латвии. Именно они провели возможные аналогии о политике России в их отношении по украинскому или грузинскому сценарию. Долгие годы занимая активную антироссийскую позицию, эти страны вдруг ощутили, что вовсе не обязательно попадут под зонтик военной защиты, на который они так рассчитывали прежде. Истощение финансово-экономической помощи по линии ЕС даже в отношении Польши, этой витрины успеха для неофитов евроинтеграции, только усугубляет мрачные предчувствия научных и политических элит.

В сложившихся условиях государства Северной Европы и Балтийского региона, с одной стороны, прошедшие значительный путь регионального сотрудничества и сближения, с другой стороны, оказываются на распутье на фоне углубления раскола между Западом и Россией, причем речь не идет о сплочении позиции балтийских государств, а скорее, наоборот. Где пределы сотрудничества в сфере безопасности и какие формы оно может принимать? В чем специфика политики безопасности отдельных стран? Возможна ли общая политика безопасности? Можно ли говорить о формировании «третьего пути» в обеспечении безопасности перед лицом кризиса в отношениях Запада и России? Эти и многие другие вопросы, на которые ищут ответ авторы рецензируемой книги, представляют безусловный интерес для научной аудитории.

В методологическом отношении, используя концепцию социетальной безопасности (которая остается предметом дискуссий), авторы продолжают научную традицию Копенгагенской школы в изучении международных отношений. Основной пафос сводится к положению о том, что социетальная безопасность выходит на передний план в ряду всех остальных секторов безопасности: политического, экономического, военного, природоохранного. Идея доминирования социетального сектора безопасности имеет корни в понимании природы безопасности многими представителями постпозитивизма, в частности социального конструктивизма, который лег в основу последователей Копенгагенской школы [2] и продолжателей [3—5].

Оригинальность предлагаемого подхода к безопасности (отражается термином «социетальная») состоит в том, что в фокусе внимания находится процесс восприятия угроз не государством (в лице чиновников), а обществом в целом, что, в общем-то, выпадало из поля зрения традиционных подходов в лице геополитики, стратегических исследований или неореализма. Традиционный взгляд на безопасность ориентирован на выявление объективных условий и факторов, влияющих на восприятие угроз, и формулирование угроз как объективных в отношении общества/государства.

Концепция социетальной безопасности была введена в оборот в 1990-е годы, когда малые европейские государства столкнулись с первыми последствиями углубления европейской интеграции и глобализации. С одной стороны, это централизация на надгосударственный уровень институтов ЕС и начало унификации многих сторон жизни общества по внешним образцам. С другой — увеличение числа мигрантов из европейских государств, меняющих социальную, этническую и культурную среду. И то, и другое ведет к частичной утрате суверенитета государства. В этой ситуации, когда вроде бы интеграция есть благо, но при этом малый народ рискует утратить идентичность как базовые ценности, «раствориться» среди других, и возникает идея разделить безопасность государства и общества.

Итак, Копенгагенская школа вслед за конструктивистами посчитала важным учитывать и субъективную сторону дела, поскольку речь идет о безопасности как социальном феномене. При этом восприятие угроз всегда опосредовано идентичностью конкретных людей, которая имеет множество составляющих: политический опыт, уровень образования, социальное положение, идеологические предпочтения и т. д. Предлагается считать угрозой безопасности именно то, что данное общество считает опасным для себя. Уровень угрозы выявляется с помощью анализа массы текстов, циркулирующих в обществе в письменной и устной форме.

Такая опора на массовость текстов, можно сказать, социологичность, позволяет избежать субъективности оценок, которые «присвоили» себе политики, военные, элиты и пытаются навязывать их обществу как общезначимые. Согласно Копенгагенской школе, сама проблема безопасности сводится к устойчивости идентичности данной общности, будь то государство, или социальная группа, или отдельный индивидуум. Угроза безопасности трактуется как угроза идентичности, включающей в себя такие аспекты, как идеологические и религиозные предпочтения, культура, национальная принадлежность и т. д.

Подобные рассуждения вполне приемлемы, если иметь в виду, что социологический подход дополняет традиционный, но вот если заменяет, на что и претендует Копенгагенская школа, то возникает вопрос: насколько оправданно сводить анализ политики к анализу текстов о политике. Здесь есть над чем порассуждать. Однако авторы книги избегают указанной крайности, предлагая не столько выводы о секьюритизации как речевой практике, сколько анализ доктринальных документов и политических процессов.

Другой важный постулат состоит в том, что государство-центричный подход к безопасности устарел, поскольку государство не всегда в состоянии эффективно бороться с новыми угрозами. Отсюда основной акцент делается на понятие личностной безопасности (*human security*), которая должна превалировать над национальной, то есть определять ее приоритеты. Эта идея замышлялась как сквозная для рецензируемой монографии — так следует из комментария редакторов.

Правда, и здесь есть некоторая нестыковка. Дело в том, что понятие личностной безопасности, вслед за понятием идентичности, определяется предельно широко [6], и не только авторами этой книги. Это принципиальный

подход всего постпозитивизма, а вслед за ним и Копенгагенской школы. В плане практической политики подобная «всеохватность» означает, что политика безопасности должна буквально защищать всех и буквально от всего: и от голода, и от домашнего насилия, и от сексуальной дискриминации, и от болезней [7]. Список потенциально бесконечен. Как мечта, личностная безопасность прекрасна, а вот как реальная деятельность — рискует стать беспредметной... Характерный пример представляет собой норвежская концепция гражданской защиты, о которой один из авторов — К. Морсут — пишет: «легче определить, что не вошло в содержание термина» [1, р. 62]. С другой стороны, гуманитарные аспекты политики безопасности объективно стали важнейшим ее фактором у стран Балтийского региона, и в этом плане концепция личностной безопасности требует безусловного внимания и развития.

Впрочем, в авторской позиции есть и понимание того, что диалог о соотношении личностной и национальной безопасности, национальной и международной безопасности, насилием и ненасилием в политике далек от завершения. А роль государства в обеспечении социетальной безопасности во многих конкретных случаях остается ведущей. Если и идет речь об активной роли негосударственных субъектов политики, то только в тесной координации с усилиями государства. В общем складывается впечатление, что большинству авторов явно «тесны» рамки заявленной редакторами книги [1, р. 8] приверженности Копенгагенской школе. От нее фактически заимствовано только понятие социетальной безопасности, по Б. Бузану, и личностной безопасности. Однако термин «социетальная безопасность» не получил адекватного перевода в большинстве стран изучаемого региона.

Так, в странах Прибалтики, Польше, Беларуси, России социетальная безопасность трактуется совсем не в духе Б. Бузана, а чаще всего просто как часть государственной социальной политики и политики негосударственных субъектов. Речи о противопоставлении государства и общества как различных референтов безопасности, по сути, не идет. Скорее, между ними существует «социальный контракт», либо государство его всеми силами выстраивает. Понятия личностной безопасности и социетальной безопасности если и присутствуют в доктринальных документах, то достаточно формально, без особых разъяснений. Авторы отмечают, что в ходе своей эволюции концепция социетальной безопасности вобрала в себя не только понятие экзистенциальной угрозы для существования идентичности, но и обогатилась термином «личностная безопасность», затем концепцией устойчивого развития и др.

В содержательном отношении рецензируемая книга привлекает прежде всего попыткой новаторского подхода к изучению проблем безопасности Балтийского региона с точки зрения эмпирического материала. Авторы попытались, с одной стороны, продемонстрировать богатое разнообразие политических практик. С другой — они обнаруживают для ряда стран и общие черты, характерные, например, для становления «нордической модели» политики (по выражению авторов Аалтола и Юнтунена).

Имеющая длительную историю, эта модель отличается тем, что такие государства, как Финляндия, Швеция, Норвегия, Исландия, Дания, «близки в плане прозрачности публичной власти, уважения к закону, равенства как ключевой ценности и убежденности в том, что благосостояние общества исцеляет его от раздробленности и создает социетальную стабильность» [1, р. 31]. Корни этой общности лежат в стремлении построить гармоничное общество за счет перераспределения благ при активной социальной политике государства. Другие страны региона, такие как Эстония, Латвия, Литва, едва ли можно поставить в этот же ряд.

Интересной особенностью «нордического», или «третьего», пути является сохранение нейтралитета в период противостояния двух супердержав в период холодной войны. Это особенно характерно для Финляндии, и в этом плане знаменательно, что важный этап примирения России и США в июле 2018 года наступил именно в Хельсинки. Конечно, эту тенденцию «третьего» пути не стоит переоценивать, о чем говорят довольно острые дебаты о проблемах военной безопасности и стремление Запада втянуть в блок НАТО Финляндию и Швецию.

Представляется весьма важным вывод многих авторов о том, что угрозы безопасности странам региона по крайней мере не совпадают, что ставит под сомнение перспективу единой политики безопасности. Отсюда не случайным выглядит факт, отмечаемый авторами, — согласованной позиции по угрозам безопасности в Балтийском регионе пока не сформулировано. В частности, бывшие советские республики и социалистические государства более озабочены «жесткими» угрозами со стороны России: от «гибридной войны» вплоть до прямой территориальной экспансии. Североевропейским же странам характерна более мягкая политика безопасности, которая описывается термином «упругость» (*resilience*).

В интерпретации государств Северной Европы особенность такой политики состоит в акценте на регулирование и сотрудничество в разрешении кризисных ситуаций, в признании отсутствия антагонистических противников у государства и во внимании к вопросам социальной безопасности, скорее связанным с проблемами, приходящими в общество извне, — с неуправляемой миграцией и терроризмом. В Исландии и вовсе основная проблема безопасности формулируется как гарантия гражданских прав на случай злоупотреблений государственных чиновников и полиции [1, р. 44]. Норвегия, Швеция так же склонны трактовать личностную безопасность как гражданскую.

Бывшие советские республики в лице Эстонии, говоря о политике в духе *resilience*, подчеркивают идею сопротивления в перспективе возможной войны с Россией, а не регулирования. Хотя после вступления в НАТО эта риторика формально приблизилась к европейской (то есть к социальной безопасности), война России и Грузии в 2008 году вернула все обратно. Важнейшей составляющей политики социальной безопасности называется «психологическая защита», направленная на «защиту общих ценностей» (включая языковую унификацию, то есть вытеснение русского языка), уверенность в себе, доверие к государству в случае кризиса, пропаганду в массах оборонной тематики [1, р. 102—110]. Все прибалтийские государства и Польша считают важной борьбу против якобы ведущейся информационной войны России, к которой добавилась тема «гибридных угроз» по итогам российско-украинского кризиса. Общим для них является и приоритет безопасности государства над социальной безопасностью.

Хочется обратить внимание на то обстоятельство, что в ряде текстов активно используется некорректная терминология: «российско-украинская война», «агрессия России в Восточной Европе», «аннексия Крыма» и т. д., что отражает значительный накал антироссийской риторики и стремление явно упростить характер происходящих событий, априори сводя их к необходимости предотвратить якобы существующую «российскую угрозу».

Как уже отмечалось, теоретически рамки Копенгагенской школы оказались тесными для авторов. Но ведь реальная политика никому и не обещала оставаться в рамках той или иной политической теории. Ценность данной книги как раз и состоит в том, что проанализированы политические реалии, а не рефлексии по этому поводу, чем так грешат исследования конструктивистов и прочих представителей постпозитивизма.

Книга дает богатую пищу для размышлений о приоритетах политики безопасности стран Балтии и Северной Европы. Эта политика разнонаправлена, а базовые концепты социетальной безопасности трактуются неодинаково. Связано это с разным уровнем социально-экономического развития, социальных проблем, с различиями в геополитическом положении и исторических особенностях взаимоотношений с Россией. Итоги коллективного исследования подводятся в заключительной главе, где суммируется общее и различное в понимании и перспективах политики социетальной безопасности.

Очевидно, что лишь «нордические» государства показывают тренд на согласованную и близкую политику в этой сфере с преобладанием инструментов сотрудничества. В этом плане они в перспективе могли бы создать некое ядро общей политики безопасности на региональном уровне. Авторы делают попытку очертить контуры общей повестки, но они выглядят достаточно абстрактными, скорее как проекты для дальнейшей проработки на экспертном уровне.

В Польше, Эстонии, Литве, Латвии восприятие и формулирование угроз заметно ангажировано идеологическими стереотипами антироссийской направленности. Что за этим стоит? Быть может, страх так или иначе вновь попасть в орбиту российского влияния? И не усилится ли он по мере сокращения помощи от ЕС, которое уже наблюдается? Книга дает ответы на многие вопросы, но еще больше их рождается при чтении...

Список литературы

1. *Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance*. Riga, 2018.
2. *Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis*. L., 1998.
3. *Watson S. The “human” as referent object? // Security Dialog*. 2011 Vol. 42, № 1. P. 3—20. Doi.org/10.1177/0967010610393549.
4. *Морозов В.Е. Россия и другие: идентичность и границы политического сообщества*. М., 2009.
5. *Символическая политика* : сб. науч. тр. Вып. 5: Политика идентичности. М., 2017.
6. *Коньшев В.Н. Безопасность личности — новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. № 40 (277). С. 43—56.
7. *United Nations Human Development Program. Human Development Report 1994 — New Dimensions of Human Security*. N. Y., 1994.

Об авторах

Валерий Николаевич Коньшев, доктор политических наук, профессор, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

ORCID: 0000-0002-7257-6848

E-mail: konyshev06@mail.ru

Александр Иванович Кубышкин, доктор исторических наук, профессор, факультет свободных искусств, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

ORCID: 0000-0003-0633-2842

E-mail: kubyshkin.alexander@gmail.com

SECURITY AGENDA FOR THE BALTIC REGION:
STATE, SOCIETY, HUMAN

Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance. — Riga : Latvian Institute of International Affairs, 2018. — 269 p.

References

1. *Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance*, 2018, Rigam Latvian Institute of International Affairs, 269 p.
2. Buzan, B., Waever, O., de Wilde, J. 1998, *Security: A New Framework for Analysis*, London, Lynne Rienner Publishers, 239 p.
3. Watson, S. 2011, The “human” as referent object? *Security Dialog*, Vol.42, no. 1, p. 3—20. Doi: 10.1177/0967010610393549.
4. Morozov, V. 2009, *Rossiya i drugiye: identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva* [Russia and others: identity and borders of political community], Mosco, Novoe Literaturnoye Obozreniye, 656 p. (In Russ.).
5. *Simvolicheskaya politika: sbornik nauchnyh trudov* [Symbolic politics: collection of essays], 2017, no. 5, Moscow, INION RAN, 356 p. (in Russ.).
6. Konyshchev, V. 2014, Human security — new approach in comprehension of security policy, *Natsional'niye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], №40 (277). pp. 43—56. (in Russ.).
7. *United Nations Human Development Program. Human Development Report 1994 — New Dimensions of Human Security*, 1994, New York, Oxford University Press, 210 p.

The authors

Prof. Valery N. Konyshchev, Department of International Relations, Saint-Petersburg State University, Russia.

E-mail: konyshchev06@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

Prof. Aleksander I. Kubyshkin, Department of Fine Arts, Saint-Petersburg State University, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0633-2842>

E-mail: kubyshkin.alexander@gmail.com

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее** и **внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках, оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

- 4) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);
- 5) список литературы;
- 6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);
- 7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);
- 8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм), таблицы и рисунки в формате (параметры страницы): поля верхнее, нижнее — 4,35 см, левое, правое — 4,5 см.

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

BALTIJSKIJ
REGION
2019
Volume 11
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2019.
147 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel/Fax.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2019

Editorial council

Prof. *Andrei P. Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. *Gennady M. Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Irina M. Bussygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander G. Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Prof. *Mikhail V. Ilyin*, Prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Pertti Joenniemi*, senior researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Finland; Dr *Nikolai V. Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin K. Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir A. Kolesov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Gennady V. Kretinin*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Vladimir A. Mau*, rector, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Yu. Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nikolai M. Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei E. Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Aleksander A. Sergunin*, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Eduardas Spirajevus*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Prof. *Daniela Szymańska*, head of the Department of Urban Studies and Regional Development, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor V. Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia.

Mass Media Registration Certificate PI № FS77-61749,
on 26 August, 2011

CONTENTS

Economics and Space

- Baburin V.L.* The resistance of the greater Baltic region states to market cycle changes 4
- Tretyakova E.A.* Environmental intensity of economic growth in the Baltic Sea region 14
- Mikhaylov A.S.* Coastal agglomerations and the transformation of national innovation spaces 29

Politics

- Busygina I.M., Onishchenko A.D.* The Polish minority in the Republic of Lithuania: internal and external factors 43
- Kiknadze V.G., Mironyuk D.A., Kretinin G.V.* The military and political situation in the Baltic region in the late 20th/early 21st centuries: the prospects of 'uneasy peace' 60

Society

- Simaeva I.N., Budarina A.O., Sundh S.* Inclusive education in Russia and the Baltic countries: a comparative analysis 76
- Manakov A.G., Dementiev V.S.* Territorial structure of the denominational space of the South-East Baltic 92
- Wendt J.A., Buhaş R., Herman G.V.* Experience of the Baile-Felix tourist system (Romania) for the protection and promotion of the grey seal as a breed on the Hel Peninsula (Poland) 109

Reviews

- Societal Security in the Baltic Sea Region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance (*V.N. Konyshov, A.I. Kubyshkin*) 137

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2019
Том 11
№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *А. И. Иванов*

Подписано в печать 20.03.2019 г.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 13,0
Тираж 1000 экз. (1-й завод 46 экз.). Заказ **279**

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6